

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 9

Глава 1

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Синий карандаш 15

Союзники-соперники 34

Окопная война 51

Вторая половинка ореха 56

Новая битва за Берлин 68

Горячая война внутри холодной 74

Глава 2

БОМБА

Неудавшаяся разрядка 87

В тени Бомбы 102

Оружие Судного дня 109

«Искренне ваш» 121

Глава 3

ВОЙНА МАЛОВЕРОЯТНА, МИР НЕВОЗМОЖЕН?

«Станный» мир 137

Супружеский союз на троих 146

Рейган: разрушить советский «Карфаген» 161

«Комета» Горбачева 173

По совету астролога 185

Глава 4

НАЛИТЬ НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ

- Конец истории? 201
- Америка в поисках врага 213
- Убийцы без границ 222
- Под черным солнцем Исламского государства 232
 - Дипломатия свободных рук 243
 - Русский вопрос 259
 - В постзападном мире 268
 - Украина – новый Чернобыль? 270
- Во главе консервативной революции 275

Глава 5

ДУЭЛЬ БЕЗУМНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ

- Гонка так гонка! 281
- Неравнобедренный треугольник 290

Глава 6

НАРИСУЙ МНЕ ВОЙНУ

- Миражи мира без войн 299
- Привкус пепла 308
- Необъявленная мировая война 318

Заключение 335

Хронология 340

Перевод с французского А.Г. Грачевой

ВВЕДЕНИЕ

Каждая горячая война заканчивается либо гибелью кого-то из участников, либо миром между ними. Холодная война не приносит ни мира, ни чести тем, кто ее ведет.

*Неизвестный испанский автор XIV века
о войнах между христианами и мусульманами*

Считается, что холодная война началась с речи о «железном занавесе», произнесенной Черчиллем в Фултоне 6 марта 1946 года. Однако для нас холодная война с западными союзниками началась, как только Красная армия начала освобождать Восточную Европу.

*Павел Судоплатов,
руководитель Отдела специальных операций НКВД
в эпоху Сталина*

Нередко, включая телевизор, просматривая заголовки газет или сообщения агентств, освещающих события в мире, невольно задаешь себе нелепый вопрос: «А в каком все-таки веке мы живем?» Борис Пастернак сформулировал его более выразительно: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Разумеется, легко успокоиться, проверив дату на календаре: мы действительно живем в XXI веке, и прошло больше 20 лет после того как мы перевернули страницу века XX с его двумя мировыми войнами, с его Освенцимом и Гулагом, Хиросимой и Чернобылем. Все это, к счастью, безвозвратно, ушло в прошлое.

То же можно было бы сказать и о холодной войне, длившейся более 50 лет — больше, чем две горячие войны, вместе взятые, — с ее «железным занавесом», Берлинской стеной, ее кризисами, ее шпионами, «пришедшими с холода», перебежчиками и диссидентами и особенно угрозой ядерного апокалипсиса. Перекочевав в учебники истории, эти сюжеты перестали интересовать даже сценаристов Голливуда.

Отчего же возникает странное ощущение того, что мы до конца не расстались с прошлым, что оно преследует нас, как навязчивый кошмар, будто нас захлестнула петля времени, которая заставляет нас вновь и вновь переживать прошлое, как переживал его персонаж Билла Мюррея в фильме «День сурка»?

В разгар холодной войны ассоциация ученых-атомщиков при Чикагском университете начала регулярно публиковать в своем «Бюллетене» изображение циферблата, стрелки которого показывают, сколько минут осталось до ядерного катаклизма. Это были так называемые Часы Судного дня, на которых полночь означает конец света. Во

время кризисов в отношениях между супердержавами стрелки часов передвигали, чтобы показать: до апокалипсиса осталось меньше пяти минут или даже меньше трех минут. В периоды разрядки стрелки отодвигали. После падения Берлинской стены время на циферблате благостно показывало 17 минут до полуночи. Однако на последнем циферблате, опубликованном в 2022 году, стрелки опять вернулись в угрожающую позицию: «менее трех минут».

Сталкиваясь с возвращением призраков прошлого, политики и эксперты часто прибегают к аналогиям. Некоторые проводят параллель с Берлинским кризисом 1948–1949 годов или размещением советских ракет на Кубе в 1962 году. Другие вспоминают 1914 год и эскалацию соперничества между великими державами, которая привела к Первой мировой войне.

Но все больше и тех, кто считает, что сегодня риск мирового конфликта гораздо выше, чем в прошлую эпоху, когда стабильность обеспечивалась ядерным равновесием биполярного мира. К тому же надо учитывать, что на международной сцене не только появилось множество новых актеров (как государственных, так и негосударственных), но возросло число разнообразных кризисов, опасно понижающих «уровень» возможного развязывания конфликтов планетарного масштаба.

Еще со времен Клаузевица мы знаем, что война — есть не что иное, как продолжение полити-

ки другими средствами. Однако не переживаем ли мы сейчас эпоху, когда политика превращается в служанку активных или тлеющих войн, которые могут стать чуть ли не естественным состоянием международных отношений, в то время как периоды мира сведутся к краткосрочным паузам между ними?

Мы не знаем, сколько еще времени осталось у человечества, чтобы избежать этой мрачной перспективы. Было бы полезно поэтому постараться извлечь основные уроки из недавнего прошлого и для этого проанализировать еще неостывший итог последней холодной войны.

Вот основные вопросы без ответа, которые она нам оставила:

Почему и когда началась холодная война?

Закончилась ли она на самом деле?

Не обречены ли мы повторить ее вновь?

Эти вопросы могут показаться банальными. Но, постаравшись на них ответить, мы хотя бы лишим алиби новые поколения политиков. Они уже не могут сказать: «Мы не знали» или «Нас не предупредили». Возможно также, что само напоминание об основных этапах и характеристиках этой «странной» войны может помочь им и нам вместе с ними не попасть в ловушку нового варианта, который примет холодная война-2 с риском превратиться в горячую и мировую.

Глава 1

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Россия — это загадка, завернутая в секрет и обернутая в тайну. Но у нее есть ключ. Этот ключ — национальный российский интерес.

Уинстон Черчилль

Должен вам заявить, что речь идет не только о разочаровании советского правительства, но и о доверии к нашим союзникам, которое подвергается серьезным испытаниям.

Иосиф Сталин.

*Письмо, направленное Черчиллю и Рузвельту
24 июня 1943 года после объявления
об очередной отсрочке открытия второго фронта*

СИНИЙ КАРАНДАШ

Она на самом деле была «странной», эта война, которую называли холодной. В действительности ее единственное отличие от горячей в том, что она не превратилась в коллективное американо-советское самоубийство. В остальном, начиная с числа жертв (более 50 млн — приблизительный итог примерно 150 конфликтов, разыгравшихся после 1945 года во всем мире), она могла претендовать на титул официальной наследницы двух горячих войн XX века.

По некоторым аспектам холодная война даже превосходит характеристики двух своих старших сестер: она длилась почти полвека — больше, чем две мировые, вместе взятые. И, в отличие от них, охватила практически все страны мира.

Другая странность этой войны — в том, что трудно с точностью определить ее начало и конец (если считать, что она закончилась). Эта трудность связана с особенностями этой войны, начавшейся между союзниками в то время, когда они еще вели совместную борьбу за выживание против общего врага.

Отсюда расхождение в датах ее возникновения. Если чаще всего в качестве рубежа ее начала называют промежуток между весной 1946 года (речь Черчилля в Фултоне) и летом 1947 года (отказ Сталина от советского участия в Плане Маршалла), есть немало оснований для того, чтобы отнести ее первые залпы в предыдущие годы. Например, в август 1945 года.

Она на самом деле была «странной», эта война, которую назвали холодной. В действительности ее единственное отличие от горячей в том, что она не превратилась в коллективное американо-советское самоубийство. В остальном, начиная с числа жертв (более 50 млн — приблизительный итог примерно 150 конфликтов, разыгравшихся после 1945 года во всем мире), она могла претендовать на титул официальной наследницы двух горячих войн XX века.

Так, по мнению многих историков, первое испытание американской атомной бомбы с кодовым названием «Малыш» в пустыне Невады, произведенное 16 июля 1945 года, объяснялось не только намерением Трумэна произвести впечатление на Сталина в день открытия Потсдамской конференции, но и сыграть роль первого выстрела в предстоящем конфликте между двумя

главными победителями только что закончившейся войны в Европе.

Хотя, если покопаться в истоках холодной войны, следует отступить в более раннее прошлое, например, вернуться к встрече Сталина и Черчилля в Кремле 10 октября 1944 года, когда британский премьер-министр удивил советского руководителя, передав ему листок бумаги с набросанными на нем несколькими строчками. В них он перечислил некоторые страны Восточной Европы и Балкан, показав зоны влияния СССР и Запада после окончания войны в виде двух столбиков цифр.

Согласно его предложению, Советский Союз получал 90% контроля над территорией Румынии и 75% Болгарии. В обмен на это под полный контроль Запада переходила Греция. Югославия и Венгрия делились пополам. Впоследствии, оправдываясь за некоторую прямолинейность предложенной «сделки», Черчилль объяснял ее желанием обеспечить гарантии принадлежности Греции к зоне британского влияния.

Дождавшись перевода комментария английского премьера к этому листку, «дядя Джо» (прозвище Сталина в английской прессе) после короткого раздумья, взяв в руку свой неременный синий карандаш (возможно, такой же, как тот, что он использовал на переговорах с Риббентропом летом 1939 года, когда уточнялась разграничительная линия между советской и германской

сферами влияния), поставил «галочку» в знак одобрения.

Когда Черчилль, одновременно удовлетворенный полученным результатом и несколько смущенный всей процедурой, предложил уничтожить листок, Сталин возразил: «Нет, сохраним его». Таким образом была определена значительная часть трассы будущего «железного занавеса», с обличением которого Черчилль выступил два года спустя в своей речи в Фултоне. Важная деталь: Черчилль не сообщил об этом соглашении своим американским союзникам, которые узнали о нем от советских партнеров.

Есть историки, готовые отнести начало холодной войны к еще более раннему прошлому. Так, Уолт Ростоу, советник по вопросам национальной безопасности при президентах Кеннеди и Джонсоне, относит начало холодной войны к зиме 1943 года, связывая ее с разгромом гитлеровских войск под Сталинградом.

Может показаться странным, что это решающее событие в истории Второй мировой войны, предопределившее будущее поражение нацизма и победу союзников, могло стать точкой отсчета разрыва их боевого союза. Однако, если глубже проанализировать историю формирования антигитлеровской коалиции и особенно противоречивый характер этого союза между главными западными демократиями и жестоким тоталитарным режимом, станут понятны причины ее хрупкости.

Ведь не надо забывать, что речь шла о союзе, продиктованном исключительными обстоятельствами: непримиримые соперники оказались вынуждены объединиться, несмотря на фундаментальные расхождения, чтобы противостоять смертельной опасности, которую для обоих представляло абсолютное Зло нацизма. Будучи яростным антикоммунистом, Черчилль заявлял, оправдывая свой союз со Сталиным, что если бы для победы над Гитлером ему понадобилось заключить союз с дьяволом, он нашел бы в нем «некоторые позитивные черты».

Несмотря на различия в ответах на вопрос о причинах холодной войны, очевидно одно: распад столь искусственной коалиции был неизбежен. Достаточно напомнить двусмысленный характер взаимоотношений между будущими членами коалиции накануне войны, чем Гитлер в полной мере воспользовался. Речь идет о взаимном глубоком недоверии, характерном в те годы для отношений Лондона и Парижа, с одной стороны, и Москвы — с другой. Каждый рассчитывал использовать нацистского монстра, подталкивая его в сторону соперника.

В этом состоял смысл их сепаратных попыток договориться с гитлеровским режимом, которые принимали форму сначала мюнхенских договоренностей 1938 года, заключенных с Гитлером Чемберленом и Даладье за счет Чехословакии, и год спустя — пакта Молотова — Риббентропа,

подписанного в Москве в августе 1939 года. Как напоминал Генри Киссинджер, Риббентропа, возвратившегося в Берлин с фактическим согласием Сталина на германскую атаку против Польши, Гитлер назвал «вторым Бисмарком».

За этими символическими вехами, отмечавшими путь к неизбежной войне, скрывались взаимные подозрения, отражавшие противоположные идеологические позиции. Для Сталина все страны Запада, — будь то с демократическими режимами, как Англия и Франция, или нацистским, как Германия, и фашистским, как Италия, — были «мазаны единым мирром» и являлись классовыми врагами советской системы. Их различали нюансы, но в любой момент они могли объединиться для атаки против СССР.

Поэтому стратегия Сталина сводилась к простой формуле: лучше оставаться в засаде в ожидании возможного конфликта его западных соперников (а если удастся, то его ускорить), чем оказаться лицом к лицу с единым фронтом противников оплота мирового коммунизма. Неожиданно стремительное поражение Франции в 1940 году нанесло удар по его стратегическим расчетам. Сталин надеялся, что немцы увязнут в войне против Франции и что две страны взаимно истощат друга.

Для западных демократий, напротив, Сталин и Гитлер, главы двух диктаторских режимов, представляли собой почти одинаковую угрозу.

Отсюда интерес столкнуть их лбами в военном конфликте.

Гитлеру удавалось воспользоваться этими противоположными расчетами до того момента, когда он, воодушевленный легкими победами на западе Европы, пустился в безумную авантюру, объявив войну сразу на разных фронтах: атаковав сначала Советский Союз, а затем спустя полгода Америку, дав всем жертвам своей агрессии повод объединиться.

Гитлеру удавалось воспользоваться этими противоположными расчетами до того момента, когда он, воодушевленный легкими победами на западе Европы, пустился в безумную авантюру, объявив войну сразу на разных фронтах: атаковав сначала Советский Союз, а затем спустя полгода Америку, дав всем жертвам своей агрессии повод объединиться.

Естественно, что этот союз, спровоцированный самим Гитлером, не пережил исчезновения главного фактора, который его сплачивал, — страха перед тем, что нацизм уничтожит двух главных противников, которым он бросил вызов: как западную демократию, так и коммунизм.

Тем не менее с самого начала вопреки объединявшей их солидарности отношения между членами Большой Коалиции, созданной в 1942 году,

были далеко не гармоничными. Сталин не питал иллюзий относительно намерений его союзников: «Западные страны стремятся прежде всего переложить основной груз войны на Красную армию... Они хотели бы, чтобы мы истекали кровью, чтобы потом диктовать нам свои условия», — говорил он в своем окружении. Раздраженный постоянными отсрочками открытия второго фронта в Европе, он говорил осенью 1942 года: «Они надеются, что мы потерпим поражение в Сталинграде».

По замыслу Гитлера, взятие Сталинграда должно было послужить трамплином к началу получившей название «Удар грома» кампании 1943 года, целью которой было развернутое наступление в направлении Кавказа. Эпическая битва под Сталинградом, в результате которой к февралю 1943 года были окружены и уничтожены 6-я армия вермахта под командованием Паулюса и 4-я танковая армия, стала переломным моментом не только в ходе Второй мировой войны, но и последующей европейской истории.

Уже к 23 ноября в результате наступления трех фронтов в котле под Сталинградом оказались в общей сложности 22 дивизии с численностью в 300 000 человек. Попытки срочно отозванного Гитлером из-под Ленинграда корпуса фон Манштейна прорвать окружение не дали результата. К Рождеству 1943 года стало очевидно, что попытки высвободить армию Паулюса из окруже-

ния обречены. Несмотря на это и следуя приказу фюрера, Паулюс отверг сделанное ему 8 января предложение капитулировать.

Исчерпав все возможности спасти попавшую в окружение армию, Гитлер по случаю десятилетия своего прихода к власти 30 января произвел Паулюса в фельдмаршалы. Это не помогло. На следующий день группа «Юг» капитулировала. Группа «Центр» последовала за ними 2 февраля.

Только в декабре-январе в боях за Сталинград гитлеровцы потеряли больше тысячи самолетов, сто сорок семь тысяч убитыми и больше ста тысяч человек пленными, среди которых было 2500 офицеров и 24 генерала. В эти же дни советским войскам удалось пробить подступы к осажденному Ленинграду.

Разгром нацистов в сражении под Сталинградом вышел далеко за рамки стратегического и даже психологического рубежа в ходе войны, поскольку ознаменовал перелом в триумфальном продвижении вермахта к победе, казавшейся неизбежной.

Продемонстрировав способность Красной армии не только остановить агрессора, но и нанести ему сокрушительное поражение, эта победа предвещала ее способность самостоятельно одолеть врага и, преследуя его, повторить триумфальное шествие армии Александра I вплоть до Парижа в 1814 году. Опасаясь вторжения советских войск в Западную Европу, Черчилль сказал после Сталинграда: «Будет

подлинной катастрофой, если русское варварство затопит нашу культуру и поставит под вопрос независимость государств Старой Европы».

Сразу после Сталинграда интонация западных партнеров в общении со Сталиным начинает меняться. Уже в январе 1943 года по итогам своей встречи в Касабланке Рузвельт и Черчилль информировали советского руководителя о том, что они намерены добиваться безоговорочной капитуляции Германии и пообещали предпринять интенсивные бомбардировки немецких позиций в течение 1943 года.

Сталинград окончательно снял их колебания относительно открытия второго фронта. Однако даже после Сталинграда до победы еще было далеко, и Запад нуждался в советской поддержке. Вот почему обе встречи союзников в верхах с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране в ноябре и декабре 1943 года, а затем в Ялте в феврале 1945 года прошли в атмосфере подчеркнутого боевого товарищества, почти братства.

Перед Тегераном разногласия между ними сохранялись лишь по поводу места высадки войск в Европе. Черчилль даже по дороге в Тегеран продолжал убеждать Рузвельта начать вторжение на Балканах или на юге Италии. Дочь Рузвельта Эллиот, сопровождавшая его в поездке, написала в своих мемуарах: «Всякий раз, когда премьер-министр заводил речь об открытии второго фронта на Балканах, нам было понятно его желание вклиниться

в Центральную Европу, чтобы отсечь Красную армию от Австрии, а также Румынии и Венгрии».

Однако Рузвельт, не желавший соглашаться на любую акцию, которая могла отвлечь силы от запланированной операции «Оверлорд», поддержал Сталина. В результате Тегеран закончился подписанием совместного документа, содержавшего обязательство союзников СССР открыть второй фронт в соответствии с пожеланием Сталина высадкой союзников на атлантическом побережье Нормандии.

Прибыв в Тегеран, Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что высадка войск состоится в мае 1944 года. Черчилль поднял тост за «великого Сталина», достойного наследника Петра I и, отмечая победу в Сталинградской битве, вручил ему от имени короля Георга V меч, который Сталин, как истинный кавказец, торжественно поцеловал.

Прибыв в Тегеран, Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что высадка войск состоится в мае 1944 года. Черчилль поднял тост за «великого Сталина», достойного наследника Петра I и, отмечая победу в Сталинградской битве, вручил ему от имени короля Георга V меч, который Сталин, как истинный кавказец, торжественно поцеловал.

В качестве другого подарка «дяде Джо» Черчилль с Рузвельтом объявили о своем согласии

признать линию Керзона (предложенную союзниками в 1919 году в конце Первой мировой войны) в качестве восточной границы Польши. Настаивая на ней вопреки возражениям находившегося в Лондоне польского правительства в эмиграции, Сталин говорил, что Советский Союз не может пойти на меньшие уступки в этом вопросе, чем те, что лорд Керзон, министр иностранных дел Британии, был готов предоставить большевикам в 1919 году. В качестве компенсации Польша должна была получить «западные территории» до Одера и Нейсе.

В предчувствии близкой победы Черчилль с несвойственным ему энтузиазмом даже выразил Сталину пожелание: «Я хотел бы, чтобы мы могли встречаться раз в неделю». Рузвельт со своей стороны пообещал советскому вождю: «После нашей общей победы над державами «оси»¹ мы сможем предоставить вашей стране кредит в несколько миллиардов долларов».

Атмосфера дружеских отношений и политической разрядки подтвердилась и во время конференции «тройки» в Ялте на берегу Черного моря, за три месяца до капитуляции Германии.

Отправляясь в Ялту две недели спустя после своего избрания на четвертый президентский

¹ Страны «оси» (ось Берлин – Рим, позднее: Берлин – Рим – Токио) – страны гитлеровской коалиции. – *Примеч. ред.*

срок, Франклин Рузвельт уже был тяжело болен. После остановки на Мальте он вместе с Черчиллем вылетел в Крым, и 3 февраля после утомительной пятичасовой поездки на машине наконец добрался до Ялты.

Военно-дипломатический эскорт Рузвельта и Черчилля составлял 700 человек. По свидетельствам военных, сопровождавших Рузвельта, их главным опасением было то, что стремительное продвижение советских войск на восточном фронте позволит им завершить войну до того, как закончится конференция.

Для американского президента встреча в Ялте была важна по двум причинам. Она позволяла американцам, получив от Сталина обещание того, что Красная армия после разгрома Германии выступит против японцев, ускорить окончание военных действий на Тихом океане. Кроме этого американский президент рассчитывал вместе со своими партнерами по антигитлеровской коалиции наметить контуры нового мирового порядка, основанного на демократии и международном праве.

В качестве старейшины, к которому с подчеркнутым почтением относились оба его партнера, Рузвельт председательствовал на сессиях конференции и брал на себя выработку компромиссных решений. Быстро получив от Сталина обещание вступить в войну против Японии через три месяца после капитуляции Германии (вопреки договору о ненападении, подписанному двумя странами в

апреле 1941 года) и его поддержку американского проекта создания ООН, Рузвельт считал, что основные цели конференции достигнуты.

Сталин поддержал формулу Рузвельта, которая предполагала, что ООН должна функционировать на основе принципа единогласия пяти главных держав-победительниц (включая Францию и Китай). В обмен он получил согласие Рузвельта и Черчилля на приглашение в Сан-Франциско в качестве государств-основателей ООН Украины и Белоруссии, что позволило СССР, как главной жертве гитлеровской агрессии, получить в ООН три голоса.

Более конкретные вопросы, касавшиеся, главным образом, Европы, такие, как раздел Германии (и Австрии) на оккупационные зоны или создание нового руководства в Польше, объединявшего представителей двух правительств, находившихся в изгнании в Люблине и в Лондоне, — воспринимались Рузвельтом как второстепенные. Они не должны были нарушать доверие, установившееся в результате приближавшейся общей исторической победы.

Воодушевленный результатами, полученными в Ялте, Рузвельт заверил Сталина, что американцы выведут свои войска из Европы после окончания войны. По возвращении в Вашингтон, выступая в Конгрессе 2-го марта, он был полон оптимизма: «Конгресс и американский народ одобряют результаты этой конференции (в Ялте) в качестве основы

постоянной структуры мира». Он продолжал расхваливать своего «друга» Сталина, утверждая, что ему присущи черты «христианского джентльмена», которые, по его мнению, тот приобрел в своем детстве во время учебы в религиозной школе.

Надо было быть ослабленным годами войны и болезнью президентом Соединенных Штатов, с его идеалистическими и одновременно наивными убеждениями, чтобы обнаружить христианские черты в советском диктаторе. (Другой пример подобной, чисто американской наивности, продемонстрировал годы спустя Рональд Рейган, который после одной из американо-советских встреч в верхах утверждал в своем окружении, что Горбачев, признавшийся ему, что был крещен своей бабушкой, послал ему таким образом «сигнал бедствия» из враждебного ему Политбюро, где он был окружен «безбожными коммунистами»).

Тем не менее и Черчилль, которого никто не мог заподозрить в наивности и еще меньше в некоей слабости к большевизму, выражал энтузиазм в своей речи в Парламенте спустя пятнадцать дней после встречи в Ялте: «У меня впечатление, что маршал Сталин и советские руководители хотят жить в дружбе и достойном равенстве с западными демократиями. Я не знаю правительства, которое бы так крепко держало свои обещания, даже в ущерб своим интересам, как советское».

Однако по мере того, как взаимные обязательства, взятые в Ялте, начали претворяться в жизнь, эйфория, царившая на крымском саммите, начала испаряться. Очень скоро у западных партнеров Сталина начали возникать претензии к советскому руководству. Уже 13 марта Черчилль в письме к Рузвельту говорит о «полном фиаско того, что было достигнуто в Ялте».

Речь шла о разногласиях в вопросе о формировании будущего польского правительства. В своих «Мемуарах» Черчилль приводит ответ на его письмо Рузвельта, забывшего о своих восхвалениях Сталина: «Любое решение, которое привело бы к сохранению нынешнего режима в Варшаве (состоящего исключительно из членов просоветского правительства в Люблине), неприемлемо и побудит народ США считать Ялтинское соглашение неудачей».

Сталин действительно согласился подписать вместе с Рузвельтом и Черчиллем совместную «Декларацию об освобожденной Европе», провозглашавшую принцип свободных выборов в странах Восточной Европы, — их результатом должно было стать создание независимых правительств. Но это не превратило Кобу¹, начинавшего свою революционную деятельность с участия в вооруженной экспроприации тифлисских банков, в христианского джентльмена.

¹ Псевдоним Иосифа Джугашвили в годы его подпольной революционной деятельности на Кавказе. — *Примеч. ред.*

Этому верному ученику Ленина ничто не мешало быть одновременно последователем Отто фон Бисмарка, и в основу своей внешней политики он мог вполне заложить формулу «железного канцлера», который утверждал, что крупные государственные вопросы всегда решаются силой, потому что сила идет впереди права. В конце войны, принимая в Кремле посланца маршала Тито Милована Джиласа, Сталин заметил: «Эта война особая: страна, которая оккупирует территорию, устанавливает на ней свою систему». Таким образом, Европа, освобожденная союзниками, представляла собой, с его точки зрения, лишь военный трофей, который должны были поделить между собой победители.

И потому для него представлялось логичным установление в Польше после ее освобождения Красной армией коммунистического режима, чтобы избежать появления на западной границе СССР правительства, враждебного Москве.

В соответствии с этой логикой во время переговоров в Ялте по польскому вопросу Сталин настаивал на признании его партнерами правительства, сформированного советскими властями в Люблине, сравнивая его лидера Берута с генералом де Голлем, которого англичане приютили в Лондоне.

Помимо до конца не урегулированных разногласий по польскому вопросу другим поводом для трений после Ялты стали подозрения Сталина относительно контактов американцев с немец-

ким командованием за его спиной. В середине марта советское руководство узнало о секретных переговорах в Берне между представителями разведки США и посланным в Швейцарию Гиммлером генералом Карлом Вольфом о сепаратном соглашении, предусматривавшем возможность капитуляции немецких войск на севере Италии.

Помимо до конца не урегулированных разногласий по польскому вопросу другим поводом для трений после Ялты стали подозрения Сталина относительно контактов американцев с немецким командованием за его спиной.

В письме Рузвельту Сталин написал, что перспектива сепаратных соглашений с западными союзниками за спиной советской армии, «которая несет главную тяжесть в войне с Германией» уже позволили немецкому командованию перебросить на восточный фронт с севера Италии три дивизии.

Рузвельт в ответном письме дал понять, что такие закулисные переговоры, если и были, то происходили и за его спиной и как джентльмен джентльмена заверил Сталина, что никакого закулисного соглашения без уведомления Москвы он не допустит. В своем ответе он написал, что «было бы одной из тяжелейших трагедий в истории, если в час, когда приближается наша общая победа, между нами проявится недостаточное

доверие и возникнут взаимные подозрения, которые подорвали бы ценность нашего сотрудничества после тех колоссальных человеческих, а также материальных и финансовых затрат, которых они нам стоили».

Последнее послание Сталину от Рузвельта пришло за день до его смерти, 12 апреля. В своем письме в тот же день Черчилль просил Рузвельта приказать генералу Эйзенхауэру отказаться от его решения направить американские войска к Баварии вместо того, чтобы двигаться на Берлин в надежде опередить Красную армию. В своем ответе, написанном им в день смерти, Рузвельт отказывался следовать совету британского премьера и выражал пожелание, чтобы англичане не драматизировали излишне советскую проблему.

Черчилля он не переубедил. Обращаясь в конце апреля уже к преемнику Рузвельта Гарри Трумэну, он убеждал того срочно двинуть в сторону Праги американские войска, находившиеся в Пльзене, чтобы не дать Красной армии освободить столицу Чехословакии. Спустя несколько дней он вновь предложил Трумэну пересмотреть решение об отводе американских войск, которые продвинулись дальше линии демаркации, согласованной союзниками.

Одновременно, не слишком полагаясь на своих американских союзников, Черчилль, как позднее сам признавался, приказал собирать оружие немецких войск, сдавшихся сотен тысяч, маршалу

Монтгомери и «складировать его для возможной последующей раздачи немецким солдатам и использования против советских войск в случае их дальнейшего продвижения».

В начале мая 1945-го он тайно предложил своему генштабу разработать план атаки против СССР, начиная с 1 июля (фактически британский вариант гитлеровского плана Барбаросса), с участием 47 британских и американских дивизий, подкрепленных 10 немецкими дивизиями. И уже после окончания войны в канун Потсдамской конференции, как он подтверждает в своих мемуарах, британский премьер выступал против того, чтобы отвод американских и английских войск к согласованным линиям разграничения позволил России «утвердиться в сердце Европы, что стало бы фатальной угрозой для человечества».

СОЮЗНИКИ-СОПЕРНИКИ

Из этого видно, что едва страшная угроза, нависавшая над судьбой их стран, исчезла, прежние предубеждения и более глубокие противоречия, разделявшие союзников, вышли на первый план. В своей книге «Цепная реакция холодной войны»¹ французский историк Лилли Марку при-

¹ Marcou Lilly. *La guerre froide: L'engrenage:1947. – Bruxelles, 1987.*

водит слова Сталина, отдававшего себе отчет в принципиальном изменении ситуации: «Антифашистская коалиция была порождена наличием общего врага — Адольфа Гитлера, объявившего войну, чтобы установить свое господство в Европе. После того как этот объединительный фактор исчезнет, понадобится пересмотреть отношения между членами коалиции на новой основе. Это будет непросто».

В возвращении довоенных антагонизмов не было ничего удивительного. Если что-то было новым, так это то, что два несовместимых взгляда на мир принадлежали двум главным победителям в войне: США и Советскому Союзу.

Историческая победа, которой они были обязаны друг другу, полностью изменила их положение на мировой арене, возведя их в статус двух главных властителей мира. Эта ситуация ставила их руководителей перед выбором: либо найти способ договориться и объединить свои усилия в духе сотрудничества, установившегося во время войны, либо идти на риск столкновения, рассчитывая одолеть противника.

При этом надо напомнить, что итог, с которым обе страны вышли из войны, сильно различался. В сравнении с колоссальными потерями Советского Союза (более 27 миллионов погибших) число американцев, павших в боях (330 тысяч), было относительно невелико. На одного павшего американского солдата советским лю-

ням приходилось оплакивать 85–90 своих жертв. В то время, как ВВП СССР рухнул на 40%, в Соединенных Штатах он увеличился вдвое. Война оставила разрушенными огромные территории Советского Союза, в руины были превращены 1700 городов и 10 000 деревень, выведены из строя 70% его промышленности и 60% транспортного сообщения. Двадцать пять миллионов жителей остались без крова.

На одного павшего американского солдата советским людям приходилось оплакивать 85–90 своих жертв. В то время, как ВВП СССР в результате войны рухнул на 40%, в Соединенных Штатах он увеличился вдвое.

Прагматично полагая, что долг солидарности по отношению к его советскому союзнику заканчивается с концом войны, Гарри Трумэн без лишних церемоний и даже предупреждения подписал 8 мая (в день капитуляции рейха) декрет о прекращении кредитов ленд-лиза Советскому Союзу. Правда, несколько дней спустя он заявил, что передумал – возможно, после того как в Белом доме вспомнили об обещании Сталина Рузвельту вступить в войну против Японии на стороне США.

Будет легче понять стратегический расчет этого бывшего сенатора от штата Миссури, если вспомнить его высказывания в интервью газете

New York Times от 24 июля 1941 года спустя месяц после нападения гитлеровской армии на СССР: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, мы должны помочь России. В случае если побеждает Россия, мы обязаны поддержать Германию и таким образом позволить им истреблять друг друга, сколько возможно».

Об успешном испытании атомной бомбы в пустыне в Нью Мексико, состоявшемся 16 июля, он узнал в самолете, которым летел в Потсдам. На следующий день он поделился новостью с Черчиллем, который в разговоре со своим министром иностранных дел Иденом скажет: «Это означает, что американцы больше не нуждаются в участии России в войне против Японии и не хотят этого».

Однако пересматривать договоренности, достигнутые в Ялте, было уже поздно. В соответствии с ними еще в апреле СССР денонсировал пакт о ненападении с Японией и приступил к сосредоточению войск на своих дальневосточных границах.

В ночь с 1-го на 2 августа, когда закончилась Потсдамская конференция, договоренность о предстоящем вступлении СССР в войну с Японией была еще раз подтверждена Сталиным, тем более что накануне руководство Японии отвергло направленное ему требование о безоговорочной капитуляции. Кроме того, помимо впечатляющих сил японской армии, готовившихся защищать ее территорию на островах, войска, сосредоточен-

ные на севере Китая, в Манчжурии и Корее, составляли 1 млн 200 тыс. человек.

Использование американцами атомной бомбы против Хиросимы не только приблизило капитуляцию японского генштаба, но и ускорило вступление СССР в войну. Советские войска перешли в наступление на Дальнем Востоке в день взрыва бомбы над Нагасаки.

Япония заявила о капитуляции 10 августа, но японское военное министерство, отказываясь согласиться с требованиями американцев, которые не гарантировали сохранение в стране монархии, еще в течение нескольких дней выступало с призывами к продолжению «священной войны». Только 14 августа император выступил с заявлением о прекращении сопротивления.

Однако поскольку это заявление было адресовано только западным державам, советское правительство заявило, что оно продолжит свое наступление в Манчжурии, Корее и на Сахалине до тех пор, пока японцы не сложат оружие. Восемнадцатого августа советские войска высадились на Курильских островах. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября, ставшем датой окончания Второй мировой войны.

Разумеется, с точки зрения Вашингтона именно применение США атомной бомбы сыграло решающую роль в окончании войны на Тихом океане и изменило мировой стратегический баланс сил, позволив американцам считать, что ялтин-

ские и потсдамские соглашения в значительной мере утратили силу.

Как написал в своей книге Лорд Блэкетт, член Консультативного комитета по атомной энергии при правительстве Ее Величества, «использование США атомного оружия было не финальным военным аккордом Второй мировой войны, а первым актом начавшей разгораться дипломатической холодной войны».

Президент Трумэн исходил из того, что Америка вышла из войны первой мировой державой, у которой не осталось соперников. Сталин, со своей стороны, надеялся, что формула тройственного союза останется моделью совместного управления международной политикой после войны.

Оказавшись во главе страны, которая обзавелась самым разрушительным оружием, какое только знала история, президент Трумэн был убежден, что Америка вышла из войны первой мировой державой, у которой не осталось соперников.

Сталин, со своей стороны, находясь на вершине триумфа в качестве главного победителя фашистской гидры, надеялся, что формула тройственного союза, собравшегося в Ялте, чтобы перекроить карту мира, останется моделью

совместного управления международной политикой после войны.

Учитывая колоссальные жертвы, принесенные советским народом на алтарь победы, он не мог принять второстепенную роль в мире, главой которого собирался провозгласить себя американский президент. Конфликт между двумя недавними братьями по оружию казался неизбежным, хотя первоначально он ограничивался словесными выпадами.

Несмотря на то что истоки открытой конфронтации между союзниками принято относить к началу 1946 года, когда были произнесены две речи — Сталина в феврале в Большом театре и Черчилля месяц спустя в Фултоне, — ее первый залп прозвучал в выступлении президента США в октябре 1945 года.

В своей речи в Нью-Йорке 27 октября по случаю Дня флота Гарри Трумэн сформулировал двенадцать пунктов, на которых, по его замыслу, будет основана американская внешняя политика. Он заявил, что США никогда «не пойдут на компромисс со злом» и бросил прямой вызов Сталину на востоке Европы, предупредив, что американское руководство «откажется признать любое правительство, навязанное в этом регионе иностранной державой». Заодно президент США воспользовался случаем, чтобы объявить всему миру, что мощь американского флота «не имеет аналогов во всей предыдущей истории».

Его советский коллега, хотя и возведенный в ранг генералиссимуса, не мог похвастать столь впечатляющим военным потенциалом. Его главный козырь — Красная армия — вышла из войны обессиленной. В этой драматической ситуации, когда на горизонте замаячило противоборство с бывшими союзниками, главной заботой Сталина было сосредоточить усилия на восстановлении экономики и промышленности страны, необходимых условиях возрождения ее военного потенциала.

Как известно из истории, лучший способ мобилизовать общественное мнение любой страны и общество в целом для достижения таких целей — это использовать внешнюю угрозу, которая, заставив население поверить в смертельную опасность, поможет превращению страны в крепость, осажденную новыми врагами. Он, возможно, вдохновлялся рецептом, сформулированным его наставником Лениным, который в декабре 1921 года заявлял: «Первая заповедь нашей политики — это не забывать, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают по отношению к нам самую лютую ненависть».

Этот ленинский урок объяснил тональность, избранную Сталиным для его выступления 9 февраля 1946 года в Большом театре на встрече с избирателями. Разумеется, речь прославляла исторический подвиг советского народа, напоминая

о жертвах, принесенных ради победы. Эту победу Сталин объяснял прежде всего «советской социальной системой, доказавшей свое превосходство над любой другой системой организации общества».

Но после такого вступления содержащийся в речи идеологический анализ международного положения четко указывал на новую угрозу: «Именно капитализм несет с собой кризисы и войны», — провозглашал Сталин, объявляя также, что отношения Советского Союза с западным миром входят в период конфронтации и антагонизма.

По его мнению, поскольку природа капитализма враждебна СССР, в обозримом будущем неизбежный конфликт двух систем неотвратимо повлечет за собой столкновение между капиталистическим и социалистическим мирами. Отсюда необходимость мобилизации всех сил в странах соцлагеря для восстановления экономики и прежде всего — тяжелой промышленности.

Не только Сталин предсказывал неизбежность конфликта СССР с недавними союзниками. О возможности третьей мировой войны не прекращал говорить в своем окружении и командующий американской армией во время битвы в Нормандии генерал Паттон.

Не только Сталин предсказывал неизбежность конфликта СССР с недавними союзниками. О возможности третьей мировой войны не прекращал говорить в своем окружении и командующий американской армией во время битвы в Нормандии генерал Паттон, тот самый, который отказался пожать руку «кровавым большевикам» во время встречи с советскими военными.

Тем не менее трудно было заподозрить Сталина в намерении вступить в войну против Запада в это время. Страна была к ней не готова не только психологически, но и с чисто военной точки зрения: с 12 миллионов военных в 1946 году Красная армия в конце 1948 года сократилась до 3 миллионов.

Согласно докладу секретных американских служб, составленному в начале 1946 года, «русский флот не способен к наступательным действиям... стратегические силы практически не существуют ни в материальном выражении, ни в виде концепции. Советский Союз истощен экономически. Население недоедает, промышленность и транспорт в состоянии прогрессирующего упадка, огромные территории страны опустошены. Тридцать процентов населения покинуло место проживания.

Поддержание Советами значительных контингентов оккупационных войск в Европе продиктовано заботой найти способ прокормить хотя бы часть миллионов людей, не имеющих ни средств, ни крова будущей зимой». Доклад заканчивался

безапелляционным выводом: «В течение следующих пяти лет СССР не сможет начать враждебные действия против англо-американцев». (Надо учесть, что этот прогноз не учитывал перспективу получения Советским Союзом атомного оружия в 1949 году).

Конечно, романтические идеологические амбиции и надежды большевиков увидеть однажды весь мир наследником русской революции были похоронены вместе с роспуском Коминтерна в 1943 году. В разгар войны в разговоре с дипломатическим посланником Рузвельта Гарри Хопкинсом Сталин заверил его, что советский режим «не экспортируется».

Приоритет Сталина состоял поэтому в восстановлении разрушенной экономики и обеспечении охраны своих границ, чтобы защитить страну от нового вторжения с Запада. Отсюда интерес получить от побежденной Германии максимум экономических репараций и превратить оккупированные страны Восточной Европы в защитный кордон. Именно в таком контексте внезапное прекращение в мае 1945 года программы ленд-лиза и отказ Советскому Союзу в новых кредитах (обещания расчувствовавшегося в Ялте Рузвельта, позабытые Трумэном), были восприняты в Кремле как первый акт экономической войны, объявленной Вашингтоном.

Тем не менее февральская речь Сталина в Большом театре, предназначенная в первую оче-

редь для мобилизации внутреннего общественного мнения, в значительной степени повлияла на два документа, определивших стратегический подход Запада к Советскому Союзу на ближайшие годы.

Меньше месяца спустя после выступления Сталина Уинстон Черчилль произнес в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури) в присутствии Гарри Трумэна свою речь «Извилистые дороги мира». В этом выступлении, ставшем знаменитым из-за объявления «железного занавеса», опустившегося, по словам бывшего премьера, на европейский континент «от Щецина на Балтийском побережье до Триеста на Адриатике», он упомянул «наших русских друзей», которые «ничто так не уважают, как силу, и ничто так не презирают, как слабость, особенно военную». Уточнив, что не верит в то, что «советская Россия стремится к войне», Черчилль сказал: «Она надеется воспользоваться плодами войны и добивается безграничного распространения своего влияния и своих доктрин». Эти опасности не могут быть устранены «политикой умиротворения». Главную роль в противостоянии советской экспансии, как заявил Черчилль, следовало взять на себя англоговорящему миру, объединяющему силы Соединенных Штатов, Англии и Канады.

Неудивительно, что речь «старого льва», давно известного своим антикоммунизмом, вызвала гнев «дяди Джо». Газета «Правда» в своей редак-

ционной статье обвинила Черчилля в англо-саксонском расизме. Что касается Сталина, то он в интервью советской прессе квалифицировал это выступление как «призыв к войне» и сравнил «расовую английскую теорию» с гитлеровской. «Нации проливали кровь в течение пяти лет ужасной войны ради свободы и независимости их стран, а не для того, чтобы заменить верховенство Гитлера на Черчилля».

Неудивительно, что речь «старого льва», давно известного своим антикоммунизмом, вызвала гнев «дяди Джо», он в интервью советской прессе квалифицировал это выступление как «призыв к войне» и сравнил «расовую английскую теорию» с гитлеровской.

Реагируя на призыв Черчилля к «братскому объединению англоговорящих народов», Сталин даже начал думать о славянском варианте ответа, следы которого можно найти в его беседе с Милованом Джиласом. Он, в частности, сказал посланцу Тито: «Если славянские народы сохранят свое единство и будут солидарны, никто в мире и пальцем не пошевелит».

Если речь в Фултоне, безусловно, останется в истории холодной войны важной символической вехой, она при этом не заслоняет другой важный текст, поводом для которого тоже стала речь

Сталина в Большом театре. Имеется в виду так называемая «длинная телеграмма», посланная по горячим следам в Вашингтон в феврале 1946 года советником-посланником в американском посольстве в Москве Джорджем Кеннаном.

В своем многостраничном тексте Кеннан сформулировал свое представление об идеологическом видении внешнего мира советскими лидерами, объясняя, почему руководители СССР нуждаются в алиби — внешней угрозе — для оправдания своего режима. Главная рекомендация телеграммы сводилась к необходимости «сдерживать» Советский Союз, используя «одновременно политические и военные средства» в ожидании внутренней эволюции политической системы в СССР, которую Кеннан считал неизбежной. Этот текст служил нескольким американским президентам настольным пособием в течение десятилетий холодной войны против СССР.

Годы спустя, уже в роли патриарха американской советологии, Кеннан выразит сожаление о том, что его рекомендации были истолкованы слишком упрощенно и легли в основу слишком милитаризированной политики США, дав результаты, обратные тем, на которые он рассчитывал: искусственное продление жизни коммунистического режима путем усиления конфронтации вместо того, чтобы «терпеливо, твердо и бдительно» способствовать его деградации и неизбежному саморазрушению.

На самом деле официальная американская доктрина «сдерживания» СССР с самого начала делала акцент на военное давление. В сентябре 1946 года политический советник Белого дома и будущий министр обороны США Кларк Клиффорд писал в докладе президенту Трумэну: «Главным фактором предотвращения советской атаки против Соединенных Штатов («чистая фантазия», по мнению Генри Киссинджера) или против регионов мира, имеющих жизненно важное значение для нашей безопасности, будет военная сила».

Разумеется, советская дипломатия, обслуживая тезисы, сформулированные Сталиным в его речи в Большом театре, тоже не стеснялась в выражениях для описания американской внешней политики. Осенью 1946 года советский посол в Вашингтоне Николай Новиков отправил в Москву свой вариант «длинной телеграммы»: «Для внешней политики Соединенных Штатов, отражающей империалистические тенденции монополистического американского капитала, характерно стремление к мировому господству. Гарри Трумэн и другие американские руководители неоднократно заявляли, что Соединенные Штаты претендуют на право руководить всем миром».

Можно, таким образом, датировать 1946 годом первые публичные проявления глубокого недоверия между бывшими союзниками. Оно было осно-

вано на непримиримом конфликте между двумя логиками и двумя противоположными проектами мировой экспансии, который имел все шансы продлиться в течение десятилетий.

Соединенные Штаты с возрастающим аппетитом претендовали на статус экономического императора, рассчитывающего править миром, в котором другие империи распались бы или были значительно ослаблены войной. Это касалось Японии в Тихом океане, а также Великобритании и Франции в Средиземноморье, на Ближнем Востоке и в Индокитае.

Что касается Советского Союза, опираясь на свой авторитет главного военного победителя нацизма, он делал упор на идеологической экспансии, которая позволила бы ему расширить свою сферу стратегического влияния в мире и таким образом сохранить статус главного соперника США.

Каждый из них рассчитывал, что история будет на его стороне. Сталин, как правоверный марксист, исходил из неизбежности кризиса западного капитализма, тогда как американцы ожидали, что коммунистическая Россия, обескровленная в ужасной войне, окажется более сговорчивой и готовой в обмен на экономическую помощь Запада отказаться от своих революционных амбиций.

Парадоксально, но именно столкновение этих двух догматов, одинаково далеких от реальности,

оказалось основой их объективного сговора в нагнетании обоюдного очернения. Каждый представлял другого в виде главной почти экзистенциальной опасности. Каждый настаивал на необходимости сделать выбор между лагерями Добра и Зла. Согласно этой логике, «Империя Добра» нуждалась в своем антиподе — «Империи Зла», играющей роль пугала, необходимого для поддержания единства собственного общества и контроля за той частью мира, которой каждый из них управлял.

Каждый настаивал на необходимости сделать выбор между лагерями Добра и Зла. Согласно этой логике, «Империя добра» нуждалась в своем антиподе — «Империи зла», играющей роль пугала, необходимого для поддержания единства собственного общества.

Публичные обвинения шли по нарастающей, причем для убедительности каждый из участников представлял своего противника пособником нацистской гидры — символа абсолютного Зла, с которым они еще недавно вместе боролись.

Вслед за Сталиным, не поколебавшимся представить Черчилля после его речи в Фултоне новым Гитлером, год спустя Гарри Трумэн в своем выступлении 12 марта 1947 года обвинил Сталина (без упоминания его имени) в стремлении навязать, подобно нацистам, свободным народам «путем

прямой или косвенной агрессии» установление тоталитарных режимов. Он, в частности, упомянул Польшу, Румынию и Болгарию в качестве примеров нарушения Ялтинских соглашений.

ОКОПНАЯ ВОЙНА

Начиная с 1947 года конфронтация между бывшими союзниками поднимается на новый уровень. За окопной войной в пропагандистских траншеях последовала разработка стратегических доктрин и начало их претворения в жизнь. Именно в этом году американцы объявили о своей решимости противостоять любыми методами — прежде всего военными — распространению коммунистической экспансии, где бы она ни пыталась утвердиться.

Первым полем этого столкновения стало Средиземноморье. Говоря об этой чувствительной зоне мира, американский президент высказал свою позицию в выступлении перед Конгрессом 12 марта: «[Соединенные Штаты твердо решили] поддержать свободные народы, сопротивляющиеся попыткам подчинения вооруженным меньшинством или внешнему давлению». На практике «доктрина Трумэна» предусматривала предоставление американским правительством военной помощи двум странам, которые рассматривались как стратегические бастионы Запада в

этом регионе, — Греции и Турции. Одновременно в Средиземное море вошел, чтобы в нем остаться на постоянной основе в последующие десятилетия холодной войны, 6-й флот США.

Такой выбор американский посол в Париже Джефферсон Кэффери объяснял своему советскому коллеге Александру Богомолу во время дипломатического приема: «Греция и Турция — это ближневосточная нефть. Мы (американцы) готовы смириться с тем, что вы заглотили прибалтийские республики, но вы хотите вытеснить нас с Балкан и слишком приближаетесь к Ближнему Востоку».

В действительности это признание Кэффери — всего лишь напоминание о «пакте Куинси» — соглашении, заключенном по пути в Ялту 14 февраля 1945 года Рузвельтом с королем Саудовской Аравии Ибн Саудом. Этот пакт предоставлял американским нефтяным компаниям монопольное положение в стране, при этом другое соглашение позволяло США разместить свою военную базу в Дахране.

Для Трумэна повод сформулировать «ответ Америки на волну экспансий коммунистической тирании» представился весной 1947 года, когда американцы стали опасаться победы коммунистов в гражданской войне в Греции. Трумэн подозревал Сталина в том, что тот оказывает грекам поддержку. В своих «Мемуарах» он напишет: «В конце февраля настал момент четко обозна-

чить место и руководящую роль США во главе свободного мира».

На самом деле Сталин продолжал соблюдать разграничительную линию между Советским Союзом и Западом, проведенную карандашом во время встречи с Черчиллем в 1944 году, согласно которой Греция отходила под контроль Запада. Как писал в своих мемуарах Джилас, Сталин сказал во время своей встречи с представителями Югославии и Болгарии, предложившими ему поддержать греческих коммунистов путем военного вмешательства: «Как вы это себе представляете? Что Великобритания и Соединенные Штаты, самые могущественные морские державы в мире, вам позволят нарушить линии соприкосновения в Средиземном море? Какая глупость! У нас к тому же нет флота. Выступления греческих товарищей следует прекратить как можно скорее». За этим распоряжением Кремля последовали кровавые расправы монархистов с греческими коммунистами, стоившие многим из них жизни и отправившие в изгнание тысячи участников греческого сопротивления нацистам.

«Доктрина Трумэна», естественно, облекала новые стратегические цели американской политики в идеологическую риторику. «Каждая нация, — заявлял американский президент, — находится отныне перед выбором между двумя образами жизни. Первый основан на воле большинства, демократических институтах, предста-

вительном правительстве, свободных выборах, гарантиях индивидуальных свобод, совести и гарантиях против политических репрессий. Другой образ жизни основан на воле меньшинства, которая силой навязывается большинству. Она опирается на террор и подавление, на контроль за прессой и радио, мошеннические выборы и подавление демократических свобод».

Генри Киссинджер в своей книге «Дипломатия» пишет, что речь Трумэна стала водоразделом. В своем выступлении американский президент бросал советским руководителям не только стратегический, но и моральный вызов. Отныне новый мировой конфликт мог быть разрешен только «либо изменением целей советской политики, либо самой политической системы, либо тем и другим». Объявленной целью американской политики становилось, таким образом, «не восстановление баланса сил на мировой арене, а трансформация советского общества».

Отныне новый мировой конфликт мог быть разрешен только «либо изменением целей советской политики, либо самой политической системы, либо тем и другим». Объявленной целью американской политики становилось, таким образом, «не восстановление баланса сил на мировой арене, а трансформация советского общества».

Ответ Сталина на «доктрину Трумэна» последовал через несколько месяцев. В сентябре 1947 года во время конференции в Польше, где собрались представители девяти коммунистических партий стран Восточной Европы, Франции и Италии, главный московский идеолог Андрей Жданов представил концепцию, которая останется в истории холодной войны как «доктрина Жданова».

В докладе «О международной ситуации», безусловно, одобренном Сталиным, Жданов повторяет буквально слово в слово идею о «двух образах жизни» американского президента. Он упоминает о разделении мира «на два основных лагеря»: «С одной стороны, империалистический лагерь сил, враждебных миру и демократии, с другой, — антиимпериалистический лагерь демократических и миролюбивых сил». Согласно Жданову, «Америка порвала с прежним курсом Рузвельта, перейдя к другой политике — подготовке новых военных авантюр». Политика экспансии США «в точности напоминает авантюрную программу фашистских агрессоров, которые тоже претендовали на мировое господство и бесславно закончили».

Конференция в Польше объявила о создании Коминформа (информбюро крупнейших европейских компартий). В отличие от Коминтерна — Коммунистического Интернационала, созданного Лениным для подготовки мировой революции, — Коминформ должен был стать «главным оплотом

антиимпериалистической и антифашистской политики», то есть политическим и пропагандистским инструментом на службе внешней политики СССР.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНКА ОРЕХА

Сталин выжидал несколько месяцев, прежде чем сформулировать свой ответ на военную доктрину Трумэна. Это объяснялось необходимостью отреагировать на второй, экономический аспект американского вызова — план Маршалла.

Представленный спустя три месяца после провозглашения «доктрины Трумэна» 5 июня 1947 года американским госсекретарем Джорджем Маршаллом в Гарвардском университете, этот план излагал стратегию спасения Европы от коммунизма. Он предусматривал субсидии европейским странам, разрушенным войной, в размере 13 миллиардов долларов сроком на 4–5 лет с целью «восстановления их экономики и создания политических и социальных условий для существования свободных институтов».

Эта программа, предназначенная для восстановления разрушенной войной Европы, позволяла, писал Генри Киссинджер, «избежать политических проблем и проявления недовольства, которые бы способствовали расширению влияния коммунистических партий». «Правительства, партии и политические группировки, стремящие-

ся спекулировать на нищете населения, чтобы извлечь из этого политическую выгоду, встретят отпор Соединенных Штатов», — заявлял, представляя свой план, Джордж Маршалл.

В своих «Мемуарах» Трумэн подтверждает, что помимо помощи Европе в том, чтобы подняться из развалин войны и экономической разрухи, его план предусматривал также защиту от угрозы коммунизма. По словам Трумэна, его военная доктрина и план Маршалла были «двумя половинками одного ореха».

Европейские союзники США разделяли эту цель. В начале 1947 года председатель Совета министров Франции Поль Рамадье, приехав в Вашингтон, убеждал американцев в том, что без существенной экономической поддержки его правительство не сможет устоять под напором коммунистов.

(Может показаться парадоксальным, что аналогичные аргументы приводил Горбачев в июле 1991 года на встрече с руководителями стран «Большой семерки» в Лондоне. В своем выступлении советский президент упомянул об экономическом истощении страны и предупредил западных партнеров: возможен приход в Кремль генералов в случае, если Запад не поддержит перестройку экономически, предложив СССР на переходный период своего рода новый «план Маршалла». Военный путч в Москве подтвердил его опасения несколько недель спустя).

Первая реакция Сталина на план Маршалла была позитивной. Отдавая себе отчет в бедственном экономическом положении СССР, он видел в нем новую версию программы ленд-лиза, способную спасти советскую экономику, тем более что экономическая помощь США предлагалась разоренной Европе в целом, в том числе странам Восточной Европы и Советскому Союзу.

Поэтому первоначально Москва приняла предложение направить в Париж министра иностранных дел Молотова во главе большой делегации экономических экспертов. Однако когда делегация уже находилась в Париже, в Москве задумались о цене, которую придется заплатить за экономическую помощь. Американская программа сопровождалась рядом политических условий. Не только американские инспекторы должны были получить доступ к информации о реальном положении экономики стран, принимавших программу, но и в целом в течение нескольких лет европейское восстановление должно было находиться под наблюдением специально созданного комитета, руководимого Вашингтоном.

Сталин не мог пойти на установление американского контроля не только над советской экономикой, но и над странами Восточной Европы. Оказавшись перед необходимостью выбирать между плюсами экономической помощи Запада и сохранением своего протектората над освобожденной советской армией частью Европы, он сделал выбор.

Для Сталина, как писал французский историк Жорж-Анри Суту, план Маршалла представлял собой «попытку установления американского господства в Европе с намерением восстановить германскую промышленность для последующего использования против СССР».

На резкое изменение его позиции повлияли секретные сведения, полученные советской разведкой о намерении американцев включить в план Маршалла Германию, следствием чего стало бы прекращение выплат репараций Советскому Союзу. Для Сталина, как писал французский историк Жорж-Анри Суту, план Маршалла представлял собой «попытку установления американского господства в Европе с намерением восстановить германскую промышленность для последующего использования против СССР».

Второго июля Молотов заявил об отказе Советского Союза участвовать в программе плана Маршалла и покинул Париж. Газета «Правда» в одночасье изменила тон, квалифицировав план Маршалла как «программу порабощения Европы». Для сохранения стран Восточной Европы в советской орбите нужно было отрезать их от остального континента, вырыв экономическую траншею.

В ночь с 7 на 8 июля Кремль разослал директиву руководителям компартий Югославии, Поль-

ши, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Болгарии и Албании с предложением отказаться от участия в парижской Конференции. Руководители всех этих стран за исключением Чехословакии подчинились беспрекословно. Лишь Клемент Готвальд, генеральный секретарь компартии Чехословакии, входившей в многопартийную правительственную коалицию в Праге, высказал оговорки, объявив: «Некоторые члены правительства нас не поддержат».

Разъяренный Сталин вызвал в Москву 9 июля правительственную делегацию Чехословакии. После ночи переговоров, которые свелись к выламыванию рук чехам, делегация, возглавляемая президентом Бенешем, вернувшись в Прагу, созвала чрезвычайное заседание правительства, отменившего свое предыдущее решение. Ян Масарик, беспартийный министр иностранных дел, сын основателя чехословацкого государства, подвел итог этому заседанию в следующих выражениях: «Я отправился в Москву еще свободным человеком, а вернулся оттуда сталинским батраком».

Для компенсации потерянной выгоды от американской помощи Сталин предложил странам, которые вынудил от нее отказаться, альтернативную программу экономического сотрудничества. За 36 дней СССР подписал 12 коммерческих соглашений между Советским Союзом и восточно-европейскими государствами. Впоследствии аль-

тернативой «плану Маршалла» станет СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи), созданный в 1949 году.

Что касается коммунистических партий в западных странах, то, согласно докладу Жданова, им отводилась задача противостояния американскому плану «порабощения Европы» в тылу противника.

«Доктрина Жданова», зеркально отражавшая черно-белую логику «доктрины Трумэна» и вдохновлявшаяся формулой «кто не с нами, тот против нас», стала еще одним символом пока еще невидимого барьера, разделившего Европу, за 14 лет до возведения настоящей Берлинской стены.

«Доктрина Жданова», зеркально отражавшая черно-белую логику «доктрины Трумэна» и вдохновлявшаяся формулой «кто не с нами, тот против нас», стала еще одним символом пока еще невидимого барьера, разделившего Европу, за 14 лет до возведения настоящей Берлинской стены. Приняв форму столкновения между противоположными идеологическими проектами, едва начавшаяся холодная война стала все более напоминать классический конфликт между супердержавами за передел сфер влияния.

Логика конфронтации начала влиять на политический климат внутри каждого лагеря. Для фор-

мирования двух армий разгоравшейся холодной войны их лидеры занялись наведением порядка в своих рядах. Для оправдания новой войны помимо внешних надо было назначить и внутренних врагов. Эту роль отводили разнообразным «предателям»: иностранным агентам, шпионам, членам «пятой колонны».

Уже в 1946 году Уинстон Черчилль задал тон своей речью в Фултоне, упомянув внутренних врагов, представленных «пятой колонной коммунистов, внедрившихся и работающих в полном согласии и подчинении директивам коммунистических центров, которые представляют собой вызов и все возрастающую опасность для христианской цивилизации». В ноябре 1947 года Джордж Маршалл делился со своим окружением подозрениями: «Советские намерены подталкивать французские и итальянские компартии к разжиганию гражданских войн во Франции и Италии».

Постепенно коммунисты, входившие в период с 1944 по 1947 год в коалиционные правительства во Франции, Италии, Бельгии, Финляндии, Люксембурге, Австрии, Греции, Исландии, Норвегии и Дании, были вынуждены их покинуть. Их изгнание было условием предоставления помощи по плану Маршалла и получения первых кредитов.

Следуя той же логике, восточноевропейские «страны народной демократии» отказывались одна за другой по приказу из Москвы от декора-

тивных народных фронтов и изгоняли из правительств своих некоммунистических попутчиков. Все это сопровождалось безжалостными кампаниями идеологических чисток и жестоких репрессий. Политическая инквизиция принимала кровавые формы. Парадоксальным образом жертвами репрессий чаще всего становились самые преданные сторонники Сталина в верхних эшелонах руководства коммунистических партий.

Логика конфронтации начала влиять на политический климат внутри каждого лагеря. Для формирования двух армий разгоравшейся холодной войны их лидеры занялись наведением порядка в своих рядах. Для оправдания новой войны помимо внешних надо было назначить и внутренних врагов. Эту роль отводили разнообразным «предателям»: иностранным агентам, шпионам, членам «пятой колонны».

Вполне логично, что Чехословакия, где сохранилась подлинная многопартийная коалиция, испытала эффект холодного душа от объявления мировой политической зимы, провозглашенной «доктриной Жданова». В феврале 1948 года демонстрация силы, организованная коммунистической партией на улицах Праги, собрала 200 тысяч участников, которых сопровождали

вооруженные отряды рабочей милиции. Глава государства Эдвард Бенеш был вынужден поручить Клементу Готвальду сформировать правительство, где единственным членом, не состоявшим в компартии, был Ян Масарик, министр иностранных дел.

Спустя тринадцать дней он покончил с собой, выбросившись из окна своего министерства. Он оставил письмо, адресованное Сталину: «В Чехословакии уже невозможно говорить свободно. А без свободы я не могу жить. Мне остается только умереть в полном молчании. И тогда моя смерть не послужит поводом для тех, кто хотел бы развязать гражданскую войну». Несколько месяцев спустя, 7 июня, пришла очередь президента Бенеша объявить о своей отставке.

Волна печально известных «сталинских процессов» обрушилась на все страны Восточной Европы. На этот раз речь не шла о троцкистах, меньшевиках и других «уклонистах» всех мастей, а о первых лидерах «братских» партий, таких как Владислав Гомулка, Ласло Райк, Имре Надь, Трайчо Костов, Рудольф Сланский и других, объявленных агентами империализма и, хуже того, приспешниками Тито или сионистами. Большинство осужденных были казнены. Некоторые, как Сланский, Гомулка или Анна Паукер, за несколько месяцев до этого сидели в президиуме рядом со Ждановым во время Конференции коммунистических партий в Польше. Они аплодировали

его выступлению и вместе с другими единодушно голосовали за создание Коминформа со штаб-квартирой в Белграде, столице Югославии, еще не объявленной «логовом титоистов».

Если лобовое столкновение между Сталиным, Трумэнном и Черчиллем легко объяснить не только политическими разногласиями, но также конфликтом характеров, то ссора Сталина с Тито, напротив, происходила большей частью от их сходства. Оба были убежденными коммунистами, отлитыми в одной идеологической формочке. Личный престиж каждого из них многократно вырос благодаря статусу военачальника. Этим и объясняется тот факт, что оба с большим удовольствием носили мундиры маршалов, чем обычные костюмы генеральных партийных секретарей.

Их личные отношения, очень теплые в конце войны — Тито, прилежный ученик школы Коминтерна, где был известен под кодовым именем «Вальтер», превозносил Сталина как неоспоримого Вождя, — начали портиться с того момента, когда Кремль вознамерился ввести жесткую дисциплину внутри своего лагеря. Напомним, что руководитель югославских коммунистов был практически единственным национальным лидером в восточноевропейских странах, кто не был обязан Красной армии своей руководящей должностью. Свою легитимность бесспорного национального лидера он завоевал собственной ролью в борьбе против нацистских оккупантов.

Уже сразу после войны Тито отказался сформировать коалиционное правительство, как того требовал Сталин, согласно своей первоначальной тактике создания союзов и народных фронтов в странах Восточной Европы. Кроме того, Тито был уязвлен отказом Кремля поддержать территориальные претензии Белграда на Триест, оккупированный англо-американскими войсками. Он намеревался создать под своим протекторатом конфедерацию, которая объединяла бы Югославию, Болгарию и Албанию с возможным распространением на Грецию.

Тлеющий конфликт между Сталиным и Тито разгорелся с того момента, когда, порывая с доктриной Жданова, югославские лидеры заявили о своем несогласии с разделом мира на два враждебных лагеря. Они отвергали принцип раздела сфер влияния между великими державами — советской и американской. Сталин воспринял это как вызов.

После отзыва в марте 1948 года советских экспертов и военных советников компартия Югославии была исключена из Коминформа. С этого момента бывшая «братская партия» превратилась в «кликну Тито». Все сторонники югославской политики, включая робких диссидентов в других партиях в странах Восточной Европы, должны были понести суровое наказание. В результате чисток «титоистов» более 30 тысяч коминформовцев были отправлены в концлагеря.

По ту сторону Атлантического океана в Соединенных Штатах холодная война приведет к «охоте на ведьм» (коммунистов и их сторонников) и достигнет апогея во времена маккартизма в начале 1950-х гг. Но антикоммунистическая паранойя воцарилась уже в конце 1940-х гг.: логика холодной войны требовала, чтобы истинные патриоты очистили американское общество от агентов Москвы.

В годы, когда свирепствовал маккартизм, антисоветская и антикоммунистическая паранойя в США приняла оруэлловские масштабы. Американское министерство юстиции приступило к созданию списка «подрывных организаций». А в рамках выработки федеральной Хартии лояльности от бывших коммунистов официально требовали доносить на своих коллег для подтверждения своей гражданской лояльности.

Как объяснял американский поэт и писатель, профессор Арчибальд Маклиш в своей книге «Свобода — это право выбирать»¹: «Никогда в мировой истории ни один народ не был столь поработан интеллектуально и морально другим народом, как американцы русскими в течение четырех лет с 1946 по 1949 г. Внешняя политика США представляла собой зеркальную противоположность русской внешней политики: неважно, что делают русские, мы все сделаем наоборот».

¹ MacLeish Archibald Freedom is the right to choose... — Boston, 1951.

Атмосфера ожидания атаки советских войск, которую Джордж Кеннан назвал «истерией», имела в результате как минимум одну громкую символическую жертву: в мае 1949 года бывший американский министр обороны Джеймс Форрестол, приглашенный Гарриманом провести у него уик-энд, покончил с собой, выбросившись из окна с криком: «Русские идут!» На почве антисоветской паранойи он заработал психическое расстройство.

НОВАЯ БИТВА ЗА БЕРЛИН

Начиная с 1948 года демаркационная линия, разделявшая две армии союзников и первоначально обозначенная символической встречей боевых друзей на Эльбе, превратилась в линию фронта. Естественно, она пересекала страну, начавшую последнюю войну, — Германию. Основные стратегические проблемы, вызывавшие озабоченность Сталина со времени окончания войны, были связаны прежде всего с немецким вопросом. И это по понятным причинам. Во-первых, из-за смертельной опасности, исходившей от нацистской Германии, которой СССР удалось избежать ценой огромных жертв.

Соответственно, именно Германия в первую очередь, по мнению Сталина, должна была участвовать в восстановлении советской экономики. Во время переговоров с партнерами по коалиции Ста-

лин даже выдвинул предложение о советском участии в коллективном управлении индустриальной зоной Рура, но в конце концов от этого отказался.

Зато он не расстался с надеждой вырвать Германию из сферы влияния Запада, надеясь в будущем возродить альянс двух европейских мастодонтов, следуя духу пакта Рапалло, объединившего в 1920-х годах двух маргиналов в постверсальской Европе – Веймаровскую Германию и большевистскую Россию.

Вот почему Сталин долгое время возражал против различных вариантов расчленения Германии, предлагавшихся Черчиллем, Рузвельтом и даже де Голлем на разных этапах консультаций между союзниками о судьбе Третьего рейха. Именно надежда помешать интеграции единой Германии в структуры, находившиеся под англосаксонским контролем, объясняет советскую позицию в пользу «Германии объединенной, мирной, демилитаризованной и демократической», как это сформулировал Жданов на совещании в Польше в 1947 году.

Демарши Запада в пользу создания самостоятельного западногерманского государства на основе объединения трех оккупационных зон, находившихся под контролем США, Англии и Франции, воспринимались поэтому Москвой как стремление восстановить «промышленную и военную базу», враждебную Советскому Союзу. После провала заседания министров иностранных дел четырех

стран антигитлеровской коалиции в ноябре-декабре 1947 года переговоры по германскому вопросу были прерваны на неопределенное время.

Весной 1948 года в Лондоне состоялась конференция по германскому вопросу с участием исключительно западных стран. Ее целью была подготовка объединения западных оккупационных зон в Германии и соответствующих секторов Западного Берлина. «Тризония» — будущая ФРГ — официально присоединилась к плану Маршалла, а новая единая валюта — западногерманская марка — была введена на всей ее территории и в западных секторах Берлина в июне 1948 года. Сталин был поставлен перед свершившимся фактом.

Он был в ярости. Двадцать четвертого июня 1948 года советская армия заблокировала все наземные пути, связывающие Западную Германию с Берлином. Началась новая «битва за Берлин». Вызов со стороны Сталина поставил Запад перед принципиальным выбором: либо отдать Западный Берлин с его 2,5 миллиона жителей «дяде Джо», либо начать военный конфликт с Красной армией. Малейший ложный шаг одной из сторон либо случайный конфликт мог привести к новой войне.

Чтобы выйти из западни, западные державы организовали беспрецедентный воздушный мост. Двадцать шестого июня лидеры трех стран приняли решение обеспечить снабжение западных секторов Берлина транспортными самолетами под прикрытием трех групп бомбардировщиков

В-29, способных нести атомные бомбы, которые с этой целью Трумэн перебросил в Европу. За 11 месяцев эти самолеты осуществили 275 тысяч рейсов, позволивших переправить в осажденный город 8 тысяч тонн продовольствия, горючего и товаров первой необходимости.

Сталин угодил в собственную ловушку. На этот раз ему предстояло решать, готов ли он развязать войну против Запада, атаковав этот воздушный мост, и начать сбивать самолеты своих вчерашних союзников.

Столкнувшись с решимостью Запада, сразу после официального провозглашения Федеративной Республики Германии 5 мая 1949 года он признал свое поражение и снял блокаду Берлина 12 мая. У него оставалось слабое утешение: создание второго немецкого государства в зоне советской оккупации. Германская Демократическая Республика была образована в октябре 1949 года.

Таково было необычное начало этой странной войны: разгул агрессивной пропаганды с обеих сторон, представлявший контраст с их крайне осторожным поведением на чужой территории, чтобы не спровоцировать настоящую конфронтацию.

Таково было необычное начало этой странной войны: разгул агрессивной пропаганды с обеих

сторон, представлявший контраст с их крайне осторожным поведением на чужой территории, чтобы не спровоцировать настоящую конфронтацию. Поскольку в действительности то, чего добились инициаторы холодной войны, несмотря на угрозы, которыми они обменивались и позы, которые принимали, была скорее атмосфера войны, чем реальное противостояние с непредсказуемыми результатами.

Формула, резюмирующая особенности этой войны, была провозглашена Джоном Фостером Даллесом, госсекретарем президента Эйзенхауэра. Это был «бринкмэншип» (от английского brink — «порог») — то есть намеренное доведение конфронтации с противником до порога столкновения, не переступая его, с расчетом, что противник «моргнет первым». Сталин не дожидался изобретения Даллеса, чтобы действовать по этой формуле на практике и провозгласить войну нервов, организовав блокаду Берлина.

Однако стратегические потери Кремля не ограничились тем, что развеялся миф о возможном возрождении духа Рапалло. Жесткость поведения СССР в берлинском кризисе привела к обратным результатам и заставила европейцев осознать необходимость тесных связей между Западной Европой и США в области военного сотрудничества. Это убеждение привело к созданию НАТО, которое вопреки обещанию прези-

дента Рузвельта Сталину в Ялте закрепило военное присутствие американцев на европейском континенте.

Североатлантический пакт был подписан 4 апреля 1949 года в Вашингтоне министрами иностранных дел Бельгии, Канады, Дании, США, Франции, Великобритании, Исландии, Италии, Люксембурга, Норвегии, Голландии и Португалии.

Стратегические потери Кремля не ограничились тем, что развеялся миф о возможном возрождении духа Рапалло. Жесткость поведения СССР в берлинском кризисе привела к обратным результатам и заставила европейцев осознать необходимость тесных связей между Западной Европой и США в области военного сотрудничества.

Цель создания НАТО и его стратегическое предназначение выразил одной фразой первый генсек Альянса лорд Исмей: «Держать американцев в Европе, не пускать в нее русских и контролировать немцев». 1949 год закончился, таким образом, разделом Европы на два противоположных военных лагеря (как выразился французский журналист Андрэ Фонтэн: «С одной стороны — вассалы Америки, с другой — сателлиты СССР»).

Но если на европейском континенте во время первого Берлинского кризиса Востоку и Западу

удалось избежать прямого столкновения, в этом же году произошли два других важных события, решающим образом изменивших мировую геостратегическую ситуацию. Речь идет об испытании в августе советской атомной бомбы и победе китайских коммунистов в гражданской войне, в результате чего 1 октября была провозглашена Китайская Народная Республика. После этого геополитического потрясения холодная война распространилась на азиатский континент, продлив на него ту демаркационную линию, которую провели между собой Сталин и Черчилль в 1944 году.

ГОРЯЧАЯ ВОЙНА ВНУТРИ ХОЛОДНОЙ

Пережив испытание разрушительной войной в Европе, Сталин не был готов открывать новый фронт в Азии. И тем не менее именно на этом континенте произошла первая военная битва холодной войны. Она длилась три года и оставила более трех миллионов жертв.

Еще летом 1945 года ничто этого не предвещало. Согласно соглашению, заключенному между Сталиным и Трумэном в Потсдаме, после освобождения корейского полуострова от японской оккупации советские и американские войска, разделенные демаркационной линией, установленной по 38-й параллели, должны были покинуть

страну после избрания единого национального правительства под наблюдением ООН. В ожидании этого в двух оккупационных зонах действовали местные власти.

Страна была разделена пополам. На севере руководили коммунисты, возглавляемые бывшим лейтенантом советской армии и будущим маршалом Ким Ир Сенем. На юге установился авторитарный антикоммунистический режим во главе с Ли Сын Маном, диктатором, посаженным американцами. В соответствии с потсдамскими договоренностями советские и американские войска были выведены из Кореи в 1948 году, при этом Красная армия покинула страну на 7 месяцев раньше американцев.

В отношении Китая, где шла гражданская война между коммунистами и националистами, Сталин проявлял такую же сдержанность. Несмотря на финансовую и военную поддержку, которую СССР многие годы оказывал китайским коммунистам, Кремль избегал открыто демонстрировать свое предпочтение той или другой стороне.

Как ни парадоксально, на деле Сталин даже предпочитал националистов коммунистам. Он не доверял Мао, в ком видел возможного «китайского Тито», тем более что, как и югославский маршал, шеф китайских коммунистов не был обязан Сталину своим статусом безусловного национального лидера. В частности, в июле 1949 года,

избегая угрозы прямого конфликта с американцами, Сталин отказался поддержать намерение Мао оккупировать Тайвань после изгнания войск лидера Гоминьдана Чан Кайши.

С победой Мао и установлением в октябре 1949 года коммунистического режима в Пекине геостратегическая ситуация изменилась. «Потеря» Китая, которую Вашингтон не предвидел и за которой видел «руку Москвы», спровоцировала настоящую панику в Белом доме. Американское правительство начало опасаться, что и другие азиатские страны, включая Японию, упадут, как костяшки домино, в объятия победоносного коммунизма.

Принятая в апреле 1950 года в Вашингтоне под впечатлением победы китайских коммунистов директива Совета по национальной безопасности «Национальная безопасность-68» рекомендовала Трумэну значительно усилить американские ядерные вооруженные силы, сокращенные после войны, и создать новые региональные альянсы по типу НАТО, в частности в Азии. Кроме того, считая, что «Сталин не понимает другого языка, кроме силы», авторы директивы предложили ускорить проект создания водородной бомбы в ответ на советскую атомную бомбу.

Сталин же считал красный флаг, поднятый над Запретным городом в китайской столице, началом решающего изменения в мировом стратегическом балансе сил в свою пользу. Иначе го-

воря, шансом взять реванш за унижение в Европе. Таким образом, в начале 1950-х годов сложились все условия для нового этапа советско-американского противоборства. Оставалось дожидаться, когда кто-нибудь чиркнет спичкой.

Сталин считал красный флаг, поднятый над Запретным городом в китайской столице, началом решающего изменения в мировом стратегическом балансе сил в свою пользу. Иначе говоря, шансом взять реванш за унижение в Европе.

Предложение о молниеносной военной операции со стороны северокорейского режима для свержения проамериканского режима на юге и объединения страны, пользуясь отсутствием американских войск, было высказано Ким Ир Сенем своим двум «старшим братьям» во время их встречи в Москве в январе 1950 года. Северокорейский лидер, судя по всему, вдохновлялся успехами своих китайских соседей, а также успехами руководителя вьетнамских коммунистов Хо Ши Мина, который после провозглашения Демократической Республики Вьетнам на севере страны начал в 1949 году военную операцию по распространению коммунистического режима на всю территорию Вьетнама.

Поначалу, как писал впоследствии Хрущев в своих мемуарах, по отношению к проекту Ким

Ир Сена Сталин выражал сомнения. Советский лидер не решался открыто нарушить договоренности, достигнутые с Трумэном в Потсдаме, и не давал Ким Ир Сэну своего согласия до того, как получил поддержку Мао.

Даже после начала военных действий северокорейскими войсками, которые 25 июня пересекли 38-ю параллель и вторглись на территорию Южной Кореи, он предпочитал тактику «управления из-за кулис». В частности, оказывая скрыто военную помощь Северной Корее, Сталин делал все, чтобы ее замаскировать, заставляя советских военных экспертов и пилотов, принимавших участие в войне, носить северокорейскую военную форму и запрещая вести радиопереговоры по-русски.

Агрессия со стороны Северной Кореи не просто грозила американцам потерей Южной Кореи после утраты Китая, но также способствовала подтверждению подозрений Трумэна: Москва на самом деле вынашивает стратегические планы по установлению коммунистического господства во всем мире. Вашингтону таким образом предстояло дать ответ на глобальный вызов со стороны Кремля.

Совет Безопасности ООН, срочно созванный по инициативе США, принял резолюцию с требованием немедленного вывода северокорейских войск. Советское вето этому не помешало: представитель СССР бойкотировал работу Совета в

знак протеста против того, что место Китая в нем было занято представителем Тайваня.

Два дня спустя под командованием американского генерала Макартура был создан корпус международных сил ООН. Но еще не дожидаясь этого решения, Трумэн дал приказ американским войскам, базировавшимся в Японии, высадиться на Корейском полуострове. Чтобы предотвратить возможную атаку со стороны коммунистического Китая, который мог воспользоваться ситуацией, чтобы захватить Тайвань, 7-й американский флот был срочно направлен в зону конфликта.

В первые дни наступления, пользуясь эффектом неожиданности, войскам Ким Ир Сена удалось достаточно легко захватить большую часть юга страны, заняв столицу Сеул. Однако в сентябре, внезапно высадив американский десант в тылу северокорейской армии, Макартур резко изменил ход войны.

Уже в октябре американцы оттеснили северокорейские силы за 38-ю параллель, заняв Пхеньян и продолжив свое продвижение к границе с Китаем. На этот раз разгром грозил северокорейской армии.

Предчувствуя победу, Макартур уже планировал возможность объединения Кореи, освобожденной от коммунистического режима. Он предлагал даже воспользоваться ситуацией, чтобы заново развязать гражданскую войну в Китае и отобрать власть у коммунистов.

Однако в ноябре 1950 года 300 тысяч китайских «добровольцев» пересекли границу и обрушились на американцев. В разгар завязавшихся боев Макартур предложил Трумэну распространить войну на территорию Китая, сбросив от 30 до 50 атомных бомб на Манчжурию, объявив блокаду китайского побережья и организовав высадку полумиллиона националистов с Тайваня при поддержке двух американских дивизий морских пехотинцев.

В марте 1951 года он выступил с публичным заявлением, угрожая Китаю разрушением, если Пекин не согласится с требованием немедленно вывести войска из Кореи. Именно в этот момент Трумэн, опасаясь вступления в конфликт Советского Союза и ответной акции Сталина в Европе — в частности в Германии, — решил одернуть героя войны против Японии и отправил Макартура в отставку.

Линия фронта стабилизировалась вдоль 38-й параллели. Переговоры между воюющими сторонами начались в июле 1951 года и продолжались в течение двух лет до подписания перемирия 27 июля 1953 года в Панмыньчжоне (уже после смерти Сталина).

Потери американцев в этой войне оцениваются в 34 тысячи погибших, Южной Кореи — в 400 тысяч. Что касается Северной Кореи и Китая, количество погибших достигло 2 миллионов. Осмотрительный Сталин, укрывшись

за спиной Мао, смог выйти из этого кризиса с наименьшими потерями — в 300 человек. (Естественно, все эти цифры, кроме американских, невозможно проверить.)

Война в Корее ознаменовала переход
холодной войны в горячую стадию.

Ее последствия дали себя знать
за пределами азиатского континента.

Военные бюджеты США и СССР
резко возросли.

Война в Корее ознаменовала переход холодной войны в горячую стадию. Ее последствия дали себя знать за пределами азиатского континента. Военные бюджеты США и СССР резко возросли. В 1951 году НАТО принял в свои ряды Грецию и Турцию. Однако самым важным последствием войны и новым этапом конфронтации между Соединенными Штатами и СССР стало, безусловно, определение будущей судьбы Германии.

Опасаясь перспективы вступления Федеративной Республики Германии в НАТО, ускоренного войной в Корее (как писал Конрад Аденауэр в своих «Мемуарах», западные немцы опасались, что «корейский сценарий» попытки объединения страны силой будет применен к Германии), прагматичный Сталин радикально изменил тактику.

Силовые приемы в противостоянии с западными державами в Европе и недавняя блокада

Западного Берлина были забыты. Десятого марта 1952 года Сталин обратился к своим бывшим союзникам с нотой, в которой предлагалось объединение Германии при условии ее нейтралитета и неучастия в НАТО. «Объединенная Германия, демократическая и мирная, — согласно советскому предложению — не должна быть членом никакого военного блока, направленного против того или иного государства, участвовавшего в войне против гитлеровской Германии». Нота Сталина предлагала немедленный отвод всех оккупационных войск из обеих частей Германии и объединение страны — что означало принесение в жертву ГДР, — а также подписание договора о коллективной безопасности, который гарантировал бы Германии статус нейтрального государства.

Неудивительно, что предложение Сталина, воспринятое и правительством ФРГ, и его западными союзниками как отвлекающий маневр, направленный, в частности, на то, чтобы добиться ухода американцев из Германии (и Европы) было отвергнуто.

После тревожных лет, пережитых Европой после окончания войны, разрыв между союзниками выглядел окончательным, и немецкая нация должна была за это расплачиваться. Двум германским государствам предстояло стать ключевым звеном в противостоящих военных блоках — конфронтация между ними наложит свой отпечаток на ев-

ропейскую историю в течение почти сорока лет. ФРГ официально вступит в НАТО в 1954 году, ГДР станет членом Варшавского пакта со дня его основания в 1955 году.

Период 1940-х годов оставил, таким образом, Европу и весь мир разделенными надвое барьером взаимного подозрения и страха, воздвигнув два враждующих военных блока, две Германии, две Кореи и две атомные бомбы. Десятилетие, прошедшее после самой смертоносной войны, вместо того чтобы открыть перспективу надежного мира, достигнутого ценой страданий и жертв, оказалось в конце концов всего лишь передышкой. Тем более что на горизонте маячила угрожающая перспектива ядерного конфликта.

Между тем, несмотря на то что напряжение между двумя новыми хозяевами мира достигло своего пароксизма, а может быть, именно поэтому, начало 1950-х годов ознаменовалось просветлением на грозном небе. После выборов в США в ноябре 1952 года Гарри Трумэн уступил свой пост в Белом доме Дуайту Эйзенхауэру. Этот генерал, командовавший войсками союзников при освобождении Европы, как большинство профессиональных военных, судил о вопросах войны и мира со знанием дела. Поэтому он не так беспечно относился к перспективе развязывания конфликта, как его предшественник.

Сразу после избрания нового президента Сталин заявил о готовности с ним встретиться. Мы

никогда не узнаем о том, что могла бы дать встреча двух бывших полководцев последней войны. Сталин умер 5 марта 1953 года, и во главе новой команды советских руководителей спустя некоторое время оказался Н. С. Хрущев.

Однако отношения, сложившиеся между новыми лидерами СССР и США, хотя и привели к первой разрядке, не положили конец начавшейся холодной войне. Они лишь позволили обозначить передышку в конфронтации Востока и Запада и одновременно ее переход в новую стадию — ядерного покера.

Глава 2

БОМБА

Атомная бомба – это бумажный тигр, которым американские реакционеры размахивают, чтобы напугать людей.

Мао Цзедун

Победа в атомной войне будет иметь вкус пепла.

Джон Кеннеди

Беспредельная мощь атома изменила все, кроме нашего образа мыслей, из-за чего мы движемся к беспрецедентной катастрофе.

Альберт Эйнштейн

НЕУДАВШАЯСЯ РАЗРЯДКА

Смерть советского вождя и уход американского президента-«ястреба», двух родителей идеологической холодной войны — освободили пространство для более прагматичных дипломатических маневров их преемников: Дуайта Эйзенхауэра и Никиты Хрущева, хотя последнему пришлось выждать по меньшей мере два года, чтобы утвердиться в роли бесспорного партийного лидера и главы советского государства.

Новое советское партийное руководство послало миру первые сигналы, извещающие о его намерении расчистить почву для освобождения от наследия предыдущей эпохи. Уже в апреле 1953 года был сделан первый важный шаг в американско-советских отношениях: газета «Правда» — рупор Центрального комитета партии, отдала целую страницу публикации речи американского президента, в которой выражалась надежда на их улучшение.

Смерть Сталина позволила разблокировать переговоры по Корее, остановленные в момент

прекращения военных действий, и подписать перемирие в Паньмынчжоне в июле 1953 года.

На следующий год, после того как битва при Дьен Бьен Фу на севере Вьетнама закончилась разгромом французского экспедиционного корпуса, в июле 1954 года во время конференции в Женеве были подписаны Соглашения по Индокитаю. Впервые после Потсдама по этому поводу собрались лидеры стран-победительниц в последней мировой войне.

И хотя можно было обнаружить первые признаки изменения политического климата, время настоящей разрядки еще не наступило. Взаимное недоверие сохранялось. Оно проявлялось уже в том, что американский госсекретарь Джон Фостер Даллес отказался пожать руку премьер-министру «красного» Китая Чжоу Эньлаю и отсоветовал Эйзенхауэру фотографироваться с новым советским лидером Никитой Хрущевым.

В то же время, начав посылать друг другу сигналы о желании минимизировать риск лобового столкновения, главы двух лагерей не церемонились, наводя порядок на подвластных им территориях. В июне 1953 года советские танки участвовали в подавлении восстания против коммунистического режима в Восточном Берлине. В том же году американцы (в сотрудничестве с британской Intelligence Service) свергли правительство Мосаддыка в Иране, осмелившееся национализировать нефтяную компанию British

Petroleum, и организовали переворот в Гватемале против режима Джакобо Арбенса, подозреваемого в прокоммунистических симпатиях. (Чтобы гарантировать его успех, Вашингтон без дипломатических церемоний отправил на самолете американского посла в столицу страны главного организатора путча — полковника Кастильо Армаса.)

Настоящих серьезных дипломатических маневров между Востоком и Западом придется ждать до начала 1955 года, когда Н.С. Хрущев окончательно освободится от опеки со стороны бывших приближенных Сталина Георгия Маленкова и Вячеслава Молотова, занимавших посты премьер-министра и министра иностранных дел. В этом году Москва неожиданно согласилась вывести советские войска (вместе с другими иностранными вооруженными силами) с территории Австрии в обмен на гарантии австрийского правительства на нейтралитет страны и ее невступление в НАТО.

Советские власти рассчитывали таким проявлением доброй воли добиться того же от Германии (опираясь на аналогичную логику сделки, предложенную в знаменитой ноте Сталина в 1952 году). Эта формула была изложена в комментарии, распространенном московским радио спустя три дня после подписания Австрийского государственного договора, гарантировавшего нейтралитет Австрии, ее неучастие в блоках и запрет на размещение военных иностранных баз

на ее территории: «Если Бонн последует примеру Австрии, Германия как нация будет в выигрыше в атмосфере всеобщего мира».

Однако даже столь привлекательное предложение, как национальное объединение в обмен на нейтралитет, уже не могло остановить движение Германии в сторону НАТО. Подталкиваемая американцами, немецкими ультраправыми, а также, как ни парадоксально, французами, отказавшимися от проекта Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), которое задумывалось как альтернатива НАТО, ФРГ вступила в Атлантический альянс в мае 1955 года.

Советский ответ, соответствовавший правилам шахматных гамбитов, разыгрывавшихся между СССР и США, легко было предугадать. Спустя неделю 14 мая 1955 года страны советского блока (включая ГДР) объявили о создании Варшавского договора. Это заявление и окончательный раздел Германии на два государства, принадлежащих к противостоящим блокам, закрепили раскол Европы, а вместе с ней и остального мира на два политических полушария.

Это заявление и окончательный раздел Германии на два государства, принадлежащих к противостоящим блокам, закрепили раскол Европы, а вместе с ней и остального мира на два политических полушария.

Парадоксально, но менее месяца спустя новый тандем, находившийся у руля Советского Союза — первый секретарь партии Хрущев и премьер-министр Булганин, — во время визита в Белград подписал под давлением принимавшего их маршала Тито совместное заявление с осуждением «политики военных блоков» и призывом к «сотрудничеству всех государств независимо от идеологических и социальных различий».

К этому времени, разумеется, осталась в прошлом эпоха, когда в том же городе в 1947 году партии будущего Коминформа под диктовку Сталина ратифицировали политический манифест с заявлением о неизбежном разделе мира на два враждующих лагеря.

Зигзаги в советской позиции и, в частности, в поведении Хрущева легче понять, если их поместить в контекст набравшей силу десталинизации, проводившейся новым советским лидером внутри страны. Она была вызвана сложным комплексом соображений: логикой борьбы за власть против своих соперников и необходимостью освободиться от репутации приспешника умершего диктатора; неприспособленностью системы политического управления, основанной на терроре во время войны, к потребностям мирного времени; личными амбициями Хрущева, желавшего оставить персональный след в истории своей страны и быть на равной ноге с другими мировыми лидерами.

Во внешней политике десталинизация должна была включить примирение с застарелым противником вождя — югославским лидером. Тито, ставший к тому времени одним из основателей движения неприсоединения, мог к тому же открыть Хрущеву дверь в страны «третьего мира».

Однако этот демарш влек за собой необходимость отвергнуть логику, на которой покоилась в прежние годы стабильность советского блока и членов Варшавского пакта. Признание ошибок Сталина по отношению к Тито означало реабилитацию «титоистов» в коммунистических партиях Восточной Европы, которые в своей массе стали жертвами репрессий.

Действуя как пожарный-пироман, Хрущев, выступив в феврале 1956 года на заключительной сессии XX съезда КПСС со своим знаменитым «секретным докладом», разоблачающим сталинские преступления, взорвал пороховой погреб. Съезд произвел настоящую революцию в области не только внутренней, но и внешней политики СССР: перспектива неизбежного конфликта между двумя лагерями — Добра (социализма) и Зла (капитализма) — заменялась концепцией их мирного сосуществования.

Тем не менее новая политика Хрущева вскоре подверглась испытанию действительностью внутри советского блока. Символический снос сталинского монумента XX Съездом партии побудил тысячи демонстрантов выйти на улицы столиц

Восточной Европы с желанием избавиться от реальных памятников, воздвигнутых во славу отца народов, а вместе с ними — режимов, навязанных Москвой.

Если в Польше новое руководство партии во главе с Владиславом Гомулкой, недавно освобожденным из тюрьмы, смогло найти на переговорах с Хрущевым выход из политического кризиса, избежав интервенции советских войск, то в Венгрии все пошло по трагическому сценарию. Когда ее правительство, вдохновляясь примером соседней Австрии, заявило о намерении выйти из Варшавского договора и обрести нейтральный статус, советские танки вторглись в Будапешт в октябре 1956 года, подавив восстание.

Хрущев и его соратники быстро поняли, что гораздо легче перейти к дипломатической разрядке в отношениях с классовыми противниками, чем внутри семьи братских народов. М. С. Горбачев убедился в этом спустя 35 лет.

Хрущев и его соратники быстро поняли, что гораздо легче перейти к дипломатической разрядке в отношениях с классовыми противниками, чем внутри семьи братских народов. М. С. Горбачев убедился в этом спустя 35 лет, когда его политика «нового мышления», включавшая «свободу выбора» народами их политических режимов, адресованная прежде

всего Западу, была воспринята народами Восточной Европы как стимул к немедленному выходу из Варшавского договора. Разница между Горбачевым и Хрущевым состояла в том, что Горбачев не стал посылать танки для сохранения советского блока.

Что же касается Хрущева, то его стратегическая позиция в противостоянии с американцами значительно укрепилась после запуска в октябре 1957 года первого в мире советского спутника. После этого он счел, что настало время предложить Западу сотрудничество на своих условиях. Таков был смысл его ультиматума о статусе Берлина, направленного в ноябре 1958 года главам трех других стран-победительниц Германии.

Пользуясь берлинским рычагом, советское руководство рассчитывало добиться от них уступок не только в германском вопросе, но и по другим стратегическим позициям.

Своим ультиматумом Хрущев надеялся добиться того, что не удалось Сталину, несмотря на объявленную им блокаду Берлина в 1948 году: достичь с их стороны признания ГДР и вывода войск из Западного Берлина, который бы стал, согласно советскому предложению, «свободным и демилитаризованным городом».

На самом деле Хрущева интересовала не новая экзотическая формула статуса Берлина, а лишь символическое признание американцами статуса Москвы как равноправного партнера в управлении мировым порядком.

Шантаж Хрущева сработал. Не желая провоцировать новый берлинский кризис, Эйзенхауэр направил советскому лидеру официальное приглашение посетить США. Хрущев, захватив с собой в качестве подарка американскому президенту копию советского спутника, отправился в Вашингтон 15 сентября 1959 года. За несколько дней до его визита советская ракета доставила на Луну красное знамя и герб СССР.

Визит советского лидера в Вашингтон вызвал дипломатическое потрясение. Хрущев потряс американских конгрессменов, заявив, что в Советском Союзе выпуск межконтинентальных ракет поставлен на конвейер, как «производство сосисок». Он пообещал им облегчить их участь, если во время революции в Соединенных Штатах они угодят в тюрьму, и успокоил понравившегося ему сенатора от Миннесоты, будущего вице-президента США Хьюберта Хамфри, пообещав не нацеливать ракеты на его штат во время атомной бомбардировки. Не слишком заботясь о дипломатии, Хрущев заявил во время выступления по американскому телевидению: «Мы вас всех закопаем!»

При этом наряду с этими эффектными политическими выходками визит Хрущева в Соединенные Штаты был отмечен длительными переговорами с глазу на глаз с Эйзенхауэром в Кемп-Дэвиде и выступлением в Генеральной Ассамблее ООН, где он представил развернутую программу всеобщего и полного разоружения.

После десятилетий замороженных отношений между Востоком и Западом «дух Кемп-Дэвида», казалось, обозначил перспективу реальной разрядки. Эйфорически настроенные по итогам переговоров, советский и американский лидеры были готовы объявить миру наступление эпохи, свободной от конфликтов.

Дело не ограничилось одними обещаниями. В доказательство своей веры в наступление стабильности в мировой политике Хрущев принял решение сократить на треть — почти на два миллиона человек — численность советских войск и отправить на слом важную часть военно-морского флота. Он понимал, что это рискованное политическое пари настроит против него не только тысячи военных, отправленных в отставку, но и членов Политбюро, связанных с армией и военной промышленностью. К тому же они не верили обещаниям Хрущева установить на долгий срок отношения доверия с империалистами.

Эйзенхауэр, в свою очередь, чтобы поддержать дух Кемп-Дэвида, отказался одобрить новую программу вооружений, предложенную американскими военными, вызвав критику своих соперников — демократов, и в их числе Джона Кеннеди.

Для обоих лидеров было нелегко противостоять давлению со стороны военного лобби, имевшего в обеих странах значительный вес. Поскольку вопросы, связанные с национальной безопасностью, во всех странах относятся к об-

ласти как внешней, так и внутренней политики, нагнетание международной конфронтации повсеместно используется военно-промышленными комплексами, которые, в погоне за политическим влиянием и миллиардными субсидиями, часто являются ее основными инициаторами.

Для обоих лидеров было нелегко противостоять давлению со стороны военного лобби, имевшего в обеих странах значительный вес.

Логика такого объективного сообщничества военно-промышленных комплексов хорошо раскрыта в литературном шедевре Джозефа Хеллера «Уловка-22». В этом романе американские и немецкие пилоты договариваются во время войны бомбить собственные позиции, чтобы потом делить между собой деньги, сэкономленные на покупке горючего. Сопоставление не слишком преувеличено: разорение, которым грозит национальным экономикам все менее контролируемая гонка вооружений, вполне сравнимо с вражескими бомбардировками.

В своем прощальном обращении к нации 17 января 1961 года Эйзенхауэр в жестких выражениях раскрыл опасность подчинения национальной политики безграничным аппетитам ненасытного военного лобби: «Мы должны оберегать себя от неоправданного влияния со стороны военно-

промышленного комплекса. Возможный риск его катастрофического воздействия на власть существует и сохраняется», — заявил президент перед тем, как покинуть Белый дом.

Хрущев пригласил Эйзенхауэра посетить Советский Союз летом 1960 года. Чтобы произвести впечатление на американца огромными размерами своей страны, советский руководитель решил организовать ему перелет в Сибирь и показать Байкал. (ЦРУ, не желая упустить такую исключительную возможность, решило оснастить президентский самолет фотокамерами-шпионами, которые могли сфотографировать во время полета «закрытые» зоны советской территории.)

Визиту Эйзенхауэра в Советский Союз должен был предшествовать саммит, своего рода G-4, в Париже, в мае 1960 года, американцев, англичан, советских и французов. В программе этой встречи значились проблемы Германии, а также разоружение и помощь слаборазвитым странам.

Однако первая попытка разрядки, как оттепель, оказалась короткой. Она оборвалась на взлете. На этот раз в буквальном смысле, поскольку речь шла о прерванном полете сбитого советской ПВО американского самолета-шпиона У-2, который должен был накануне Парижского саммита на большой высоте облететь советскую территорию для обнаружения мест запуска советских ракет.

Несмотря на колебания Эйзенхауэра, ЦРУ убедило его согласиться на эту операцию, пообещав,

что она будет последней разведывательной акцией такого рода. Однако американцы не ведали, что, в отличие от предыдущих лет, советская противовоздушная оборона уже обзавелась ракетами, способными поразить цель на большой высоте. Американский самолет был сбит одной из двух запущенных ракет (первая попала в советский истребитель, пытавшийся перехватить вторгшегося шпиона).

Разразился скандал. Пытаясь его притушить и думая, что пилот погиб (по инструкции, при угрозе попадания в плен летчик должен был отравиться), американский президент отрицал его шпионскую миссию и утверждал, что самолет, по всей вероятности, «заблудился». Однако попавший в плен к советским властям пилот У-2 Фрэнсис Гэри Пауэрс начал давать показания.

Приехав в Париж на саммит, Хрущев, который воспринял эту американскую акцию как персональную пощечину («Какая муха вас укусила?» — бросил он Эйзенхауэру при их первой встрече), потребовал от него официальных извинений и обещания отказаться от подобных акций в будущем. Его гнев был тем более оправдан, что его собственные политические позиции в Москве оказались под ударом: для того, чтобы добиться от Политбюро согласия на значительное сокращение советского военного потенциала, Хрущеву требовалось убедить его членов в том, что советско-американская разрядка необратима.

Эйзенхауэр отверг требования Хрущева и тот, хлопнув дверью, покинул Париж. Окно возможной разрядки захлопнулось. Рассказывают, что британский премьер-министр Макмиллан, приехавший в Париж, расплакался, узнав об отмене саммита.

Новые надежды советская дипломатия теперь возлагала на преемника Эйзенхауэра в Белом доме – демократа Джона Фицджеральда Кеннеди. Однако начало его мандата (в январе 1961 года) было омрачено унизительным провалом американской «спецоперации» в Заливе Свиней на Кубе. Попытка свержения режима Фиделя Кастро, организованная ЦРУ, провалилась. Во время своей первой встречи с Хрущевым в Вене в июне 1961 года Кеннеди сам назвал эту операцию «ошибкой».

Его намерение установить таким образом отношения доверия с советским лидером привело к обратному результату. Считая, что имеет дело с молодым президентом, чьи позиции были ослаблены этим провалом, Хрущев, вдохновленный триумфальным запуском в космос Юрия Гагарина 12 апреля 1961 года, считал, что настал подходящий момент получить от американца уступки по Берлину и выдвинул западным державам очередной ультиматум по этому вопросу.

Однако агрессивность советского лидера произвела обратный эффект, заставив Кеннеди ужесточить свою позицию, превратив его в убежденного защитника независимого статуса Западного

Берлина. В результате из-за конфликта двух характеров саммит в Вене закончился безрезультатно. В июле 1961 года американский президент объявил о решении направить в Западную Германию дополнительные войска.

В поисках выхода из ловушки, куда он загнал себя своим ультиматумом, Хрущев после неудачи Венского саммита принял предложение лидера ГДР Вальтера Ульбрихта, который уже давно предлагал закрыть границу между Восточным Берлином и западными секторами города.

В поисках выхода из ловушки, куда он загнал себя своим ультиматумом, Хрущев после неудачи Венского саммита принял предложение лидера ГДР Вальтера Ульбрихта, который уже давно предлагал закрыть границу между Восточным Берлином и западными секторами города. Сохранение открытой границы создавало условия для массовой эмиграции на Запад квалифицированных специалистов, ученых и студентов. За 10 лет этой возможностью воспользовались больше трех миллионов граждан ГДР.

В августе 1961 года Хрущев дал согласие на возведение стены, которая должна была окончательно перекрыть границу для граждан Восточной Германии (только военные и дипломаты союзников могли, согласно Потсдамским соглашениям

ям, свободно передвигаться между восточным и западным секторами города). Такой выход из очередного Берлинского кризиса в итоге устраивал всех, включая страны Запада, опасавшиеся новой блокады. Узнав о возведении стены, Джон Кеннеди с облегчением сказал своему окружению: «В конце концов стена лучше войны». И не стал прерывать свой отдых.

Расставшись с идеей неудавшейся разрядки, Хрущев положил конец мораторию на ядерные испытания, организовав демонстрацию советской ядерной мощи: взрыв на полигоне Новой Земли в Арктике последнего варианта советской водородной бомбы мощностью в 50 мегатонн — в 10 раз более разрушительной, чем все бомбы Второй мировой войны, вместе взятые, включая две американские атомные бомбы, сброшенные на Японию.

В беседе с Андреем Сахаровым, одним из создателей «Царь-бомбы», который пытался отговорить Хрущева от проведения этих испытаний, опасаясь катастрофических последствий для экологии, советский лидер сказал: «Нам надо сейчас показать свою силу».

В ТЕНИ БОМБЫ

Поздно ночью 28 октября 1962 года капитан Уильям Бассет, командующий одной из четырех американских военных баз с ядерным оружием,

расположенных на японском острове Окинава, получил закодированное радиосообщение. На базе были размещены четыре ракеты, снабженные термоядерными боеголовками мощностью в 1,1 мегатонны каждая – в 70 раз больше первой американской атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму 6 августа 1945 года.

Дальность полета ракет позволяла американцам держать под прицелом порт и военно-морскую базу во Владивостоке, а также три азиатские «красные» столицы: Пекин, Пхеньян и Ханой.

Прочитав полученное сообщение, капитан с удивлением обнаружил в нем, помимо обычной метеосводки, две группы цифр, совпадавшие с кодом запуска ракет. Действуя в соответствии с инструкцией, он открыл специальный отсек на приборной доске, чтобы сравнить полученные цифры с теми, которые в нем хранились. Увидев, что они совпадают, он вскрыл запечатанный конверт с перечнем целей, подлежащих удару, и кодов для запуска ракет. У капитана было всего несколько минут для исполнения приказа, исходившего от высшего командования.

Однако он колебался. Бассет знал, что, согласно инструкции, такому приказу должна предшествовать стратегическая директива DEFCON1, объявляющая «предстоящую ядерную атаку», но директивы не было. В то же время инструкции предусматривали возможность в экстремальных ситуациях, как, например, неожиданная атака

«вражеских» ракет, пропустить промежуточные этапы.

Не надо забывать, что эти события происходили в октябре 1962 года, в разгар кубинского ядерного кризиса. Размещенные секретно на Кубе советские ракеты были направлены на Флориду и крупные города Восточного побережья США. Весь мир почувствовал в эти дни дыхание ядерного апокалипсиса.

Аналогичная директива была направлена и трем другим американским базам на Окинаве, что означало, что 32 ракеты с ядерными боеголовками должны были занять стартовые позиции для атаки на цели в Советском Союзе.

Тем не менее, чтобы снять все сомнения перед тем, как нажать на кнопку ядерной войны, капитан Бассет решил связаться с командным центром и запросить подтверждение приказа. Новое пришедшее ему сообщение было повторением предыдущего. Ему не оставалось ничего другого, как выполнить приказ.

Несмотря на это, капитан не решился на запуск ракет. Он не только не выполнил техническую процедуру подготовки ракетной атаки, но вновь запросил центр подтвердить знаменитую директиву DEFCON1. Более того, узнав, что один из его подчиненных, начальник соседней базы, уже открыл крышки шахт, чтобы приступить к запуску, Бассет приказал охране стрелять в своего шефа, если тот будет действовать без его распоряжения.

Трудно поверить, что эта сцена, достойная сюрреалистического фильма Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав», разыгрывалась наяву и в реальных обстоятельствах на американской базе с ядерным оружием посреди Тихого океана. К счастью, удивленный настойчивостью капитана Бассета оператор центра стратегических американских войск перепроверил посланную директиву и обнаружил ошибку, которая могла стать фатальной. Первоначальный приказ был отменен.

К счастью, удивленный настойчивостью
капитана Бассета оператор центра
стратегических американских войск
перепроверил посланную директиву
и обнаружил ошибку, которая
могла стать фатальной.

Двадцать один год спустя ровно в 19 часов 26 сентября 1983 года подполковник советской армии Станислав Петров прибыл на командный пункт сверхсекретной службы раннего оповещения стратегических сил. Его вахта должна была длиться 12 часов. Он сел в кресло перед занимавшим большую часть стены огромным экраном, на котором были обозначены позиции американских ракет. Каждый запуск ракеты засекался спутником и немедленно передавался в центр. Во избежание ложных тревог информация со спутников о предполагаемой траектории запускае-

мых ракет дублировалась с помощью телескопов и радаров.

В 00 часов 15 минут, когда Петров собирался сделать паузу и выпить чашку чая, обычно темный экран вдруг засветился. Большие красные буквы на нем, сопровождаемые пронзительным воем сирен, сообщали: «ЗАПУСК!»

Все операторы повскакивали со своих мест, обращаясь к шефу, — ведь этой ночью командовал именно он, Петров. Его задачей была проверка достоверности сигнала, пришедшего со спутника, и сравнение его с данными телескопов и радаров. Однако он ничего не «увидел». Более того, сказал себе Петров, ядерную войну не начинают с запуска одной ракеты.

На его столе зазвонил телефон громкой связи. У Петрова не было достаточно времени, чтобы передать начальству свою оценку риска. Встав по стойке «смирно», он доложил: «Ложная тревога». Произнося это, Петров следовал лишь собственной интуиции. Не успел он присесть, как экран вспыхнул вновь: снова команда на запуск ракет, и второй, и третий, и четвертый раз. Сирена выла, не переставая. На этот раз уже огромный экран начал мигать: «Ракетная атака!»

Петров знал, что такой же сигнал тревоги должен был появиться в кабинетах его начальства. Информация, если она рассматривалась как достоверная, немедленно передавалась в генеральный штаб, а оттуда политическому руководству

для принятия решения об ответном ударе. Петров еще раз сверил ее с тем, что поступало с телескопов и радаров. По-прежнему ничего (надо было при этом учесть, что радары еще не имели возможности засечь приближение вражеских ракет к советским границам). Стало быть, принимать столь ответственное решение предстояло ему одному. Петров знал, что в прошлом были случаи технических сбоев аппаратуры, установленной на спутниках, которая, по его мнению, не была стопроцентно надежной. Он повторил по телефону: «Ложная тревога». Информация ушла наверх...

Встав по стойке «смирно», он доложил: «Ложная тревога». Произнося это, Петров следовал лишь собственной интуиции. Не успел он присесть, как экран вспыхнул вновь: снова команда на запуск ракет, и второй, и третий, и четвертый раз.

Девятого ноября 2014 года Станислав Петров в качестве почетного гостя Берлинской мэрии присутствовал вместе с Михаилом Горбачевым и Ангелой Меркель на церемонии празднования 25-й годовщины падения Берлинской стены и любовался, как тысячи белых воздушных шаров, символизируя линию исчезнувшей Стены, поднялись в воздух. Вспоминал ли он тогда о тысячах смертоносных ракет, траектория которых могла пересечь это небо тридцать один год назад?!

Капитана Уильяма Бассета не было в этот день в Берлине. Он умер в 1991 году, никому не рассказав об эпизоде, случившемся на его базе. Он даже запретил своим подчиненным говорить об этом. После внутреннего расследования, проведенного американскими авиационными службами, майор, отправивший ошибочное сообщение, был оправлен в отставку, а информация об инциденте, чуть было не приведшем к ядерной войне, была засекречена. Лишь годы спустя, как сообщил журнал американских ученых-атомщиков, один из высших чинов ВВС США разрешил членам команды Бассета рассказать все журналистам.

Петров и Бассет были не единственными, кто столкнулся с объявлением ложных тревог, — известно несколько аналогичных случаев, когда приказ к нанесению ядерных ударов был спровоцирован техническими неполадками в советской и американской системах. За каждым таким эпизодом, который по счастливой случайности не привел к ядерному конфликту, стояли конкретные люди, принявшие на свои плечи осознанное решение не поддаваться страху и сделавшие собственный выбор.

Эти американцы и советские не знали друг друга, но, несмотря на это, вели себя как братья по оружию. Они предпочли не следовать абсурдной самоубийственной логике, навязанной враждующими лагерями, которые по существу пре-

вращали их в камикадзе, обязывая взорвать пояс ядерного оружия, прикрепленный к телам.

Известные или нет, они стали настоящими героями этой странной холодной войны, начавшейся до окончания Второй мировой войны, и которая во многом благодаря им не превратилась в третью мировую.

ОРУЖИЕ СУДНОГО ДНЯ

С появлением атомной бомбы, ставшей после ее единственного военного применения американцами в Хиросиме и Нагасаки средством политического шантажа, холодная война превратилась в угрозу апокалипсиса. Но именно из-за этого устрашающего оружия конфликт между двумя сверхдержавами даже в самые критические моменты не позволял им переступить «красную черту». Напротив, они всякий раз ее отодвигали и шли на компромисс.

Если развить эту логику до крайности,
следует присудить атомной бомбе
Нобелевскую премию мира.

Многие специалисты по истории холодной войны убеждены, что именно особенность этого оружия Судного дня, способного довести человечество до самоубийства, позволяла избегать (по край-

ней мере, до сих пор) новой мировой войны. Если развить эту логику до крайности, следует присудить атомной бомбе Нобелевскую премию мира.

Такое предложение не должно было бы шокировать основателя этой премии Альфреда Нобеля. Двадцать пятого ноября 1867 года, когда шведский химик зарегистрировал патент, подтверждавший его авторство на изобретение динамита, он был убежден, что это поможет человечеству окончательно положить конец всем войнам. «В тот день, когда две армии смогут уничтожить друг друга за одну секунду, все цивилизованное человечество с отвращением отвернется от войны и распустит свои армии», — писал он.

Однако если разрушительной силы динамита оказалось недостаточно, чтобы воспрепятствовать двум мировым войнам, то всеми характеристиками, о которых говорил Нобель, обладает атомная бомба. С этой точки зрения она стала идеальным оружием холодной войны. Практически неприменимая в классических военных конфликтах, она, напротив, вполне подходит для виртуальных сражений, представляя собой инструмент взаимного шантажа и пропагандистских кампаний, позволяющих лелеять надежду на выигрыш в войне без того, чтобы ее реально начинать.

Черчилль утверждал в своей речи в Фултоне, что мир может спать спокойно, пока секретом атомной бомбы владеют лишь англоговорящие

страны. «Было бы преступным безумием предоставить доступ к этому оружию всем желающим в этом беспокойном и расколоте мире. Богу было угодно предоставить нам по крайней мере передышку для наведения порядка в нашем доме, и наше превосходство должно быть безусловным, чтобы не позволить никому другому им воспользоваться или пригрозить».

Неожиданное быстрое появление советской атомной бомбы в августе 1949 года благодаря эффективной работе ученых в Арзамасе и шпионов советской разведки на американской территории нарушило монополию англосаксов и повергло мир в гонку поиска неустойчивого равновесия, основанного на взаимном страхе. Между тем на осознание беспрецедентных свойств этого нового оружия ушло немало времени в обоих лагерях.

Поначалу и политики, и генералы, пытаясь выработать рациональный способ использования немислимого (и тратя на это колоссальные средства), соревновались в изобретении различных сценариев, позволяющих одержать победу в ядерном конфликте. Их первая реакция на появление этого оружия носила традиционный характер: они по привычке пустились в соревнование в количестве производимых бомб, их разрушительных возможностей и средств доставки. Короче говоря, каждая из сторон бросилась в погоню за призраком превосходства над противником.

Так, после того как ТАСС объявил в 1949 году о взрыве первой советской атомной бомбы, американский президент подписал в апреле 1950 года «Директиву о национальной безопасности 68» (NSC-68), предусматривающую ускорение работ по изготовлению водородной бомбы разрушительной мощностью в несколько сотен раз больше классического атомного оружия. Ее испытание было впервые проведено на атолле Эниветок 1 ноября 1952 года.

Советские атомщики не заставили себя долго ждать. Если их атомная бомба появилась по сравнению с американской с опозданием в четыре года, то водородная — всего через год. К тому же на этот раз результат был получен без помощи шпионов Берии, на основе интенсивной работы советских ученых и инженеров, в том числе молодого физика Андрея Сахарова.

После этого события перед Америкой, которая до сих пор чувствовала себя защищенной от любых противников двумя океанами и привыкла жить в комфорте стратегической неуязвимости, встал вопрос о том, как справиться с неожиданными последствиями начатой ею самой ядерной эпохи.

Два года спустя роли в этой гонке поменялись. В 1957 году Советский Союз первым запустил

межконтинентальную баллистическую ракету, с помощью которой на орбиту был выведен первый спутник. После этого события перед Америкой, которая до сих пор чувствовала себя защищенной от любых противников двумя океанами и привыкла жить в комфорте стратегической неуязвимости, встал вопрос о том, как справиться с неожиданными последствиями начатой ею самой ядерной эпохи.

Новость о запуске спутника повергла американский политический класс и общественное мнение в панику, которую сравнивали с шоком, произведенным бомбежкой японской авиацией Перл-Харбора. Новый враг оказался за дверью. «Русские» на этот раз явились из космоса. Реагируя на запуск спутника, Эйзенхауэр сделал ответный ход: передвинул ядерные ракеты к границам СССР, установив их в Европе.

Между тем синдром отставания США от советского противника (утверждение о «ракетном отставании» впоследствии оказалось ложным), подогретый бахвальством Хрущева о производстве советских ракет на конвейере, серьезно повлиял на американскую президентскую кампанию 1960 года. Это стало одной из причин победы Джона Кеннеди над Ричардом Никсоном, вице-президентом Эйзенхауэра.

В своем сатирическом фильме «Доктор Стрейнджлав» Стэнли Кубрик описывает сцену, в которой советский посол срочно вызван в «си-

туационную комнату» Белого дома, где президент США сообщает ему о возможной катастрофе — неумышленной ядерной бомбардировке СССР американским самолетом, который он не в силах вернуть обратно. Услышав это, посол заявляет президенту, что в Советском Союзе разработано устрашающее оружие ответного удара, которое приводится в действие автоматически и ведет к разрушению всей планеты. На логичный вопрос президента: «Почему эта информация не стала достоянием гласности?» — посол ответил, что генеральный секретарь готовил этот сюрприз к съезду коммунистической партии.

В некотором смысле фантазия Кубрика являлась документальным фильмом, представляющим собой копию реальности. В 1961 году Никита Хрущев на самом деле с гордостью объявил с трибуны XXII Съезда компартии о создании советскими учеными и инженерами бомбы с мощностью, эквивалентной 4000 атомных бомб, сброшенных на Хиросиму. Этот монстр весом в 26 тонн с трудом помещался в специально для этого переоборудованный транспортный самолет «Ту-95».

Его взрыв создавал радиоактивный гриб высотой в 67 км, а взрывная волна трижды облетала Землю. Андрей Сахаров, участвовавший в создании этой бомбы, объяснил причины бешеной гонки в интервью за несколько месяцев до своей смерти в 1989 году: «Обладание термоядерным

оружием для ряда стран — СССР, Соединенных Штатов и нескольких других — стало фактором, позволяющим предохранить мир от соскальзывания к новой мировой войне. Разумеется, это балансирование на острие ножа делало мир нестабильным. Однако наша работа была исторически оправданна, хотя мы отдавали это оружие в руки Сталина и Берии».

После того как два главных актера холодной войны обзавелись атомной бомбой в 40-е годы, ядерный клуб заметно расширился (Великобритания стала ядерной державой в 1952 году, Франция — в 1960-м, Китай — в 1964-м, если перечислять только первых его членов). Попытка этих стран сохранить за собой статус «более равных, чем другие», добившись принятия в 1968 году международным сообществом Договора о нераспространении ядерного оружия, согласно которому число государств, имеющих атомное оружие, ограничивалось пятью, не воспрепятствовала расширению круга его обладателей, хотя цели, преследуемые каждым новым членом «клуба», сильно различались.

Тогда как для постоянных членов Совета Безопасности статус ядерной державы стал необходимым пропуском в клуб обладателей права «вето», для Индии и Пакистана, испытавших свои бомбы в 1998 году, это оружие — всего лишь возможный инструмент решения взаимных территориальных споров.

Для постоянных членов Совета Безопасности статус ядерной державы стал необходимым пропуском в клуб обладателей права «вето», для Индии и Пакистана, испытавших свои бомбы в 1998 году, это оружие — всего лишь возможный инструмент решения взаимных территориальных споров.

Для Израиля его ядерный статус, хотя официально обладание бомбой им не подтверждено, служит страховкой для существования еврейского государства во враждебном арабском окружении. Целый ряд лидеров авторитарных режимов подумывал о том, чтобы обзавестись бомбой для выторговывания у мирового сообщества гарантий их безопасности. Однако эти надежды не спасли ни Муаммара Каддафи, ни Саддама Хусейна.

Напротив, Северная Корея, которая произвела целый ряд ядерных взрывов, включая, как утверждает Пхеньян, водородную бомбу, превратила атомный козырь в эффективный способ шантажа всего международного сообщества. Разжигая сомнения относительно намерений создать свое атомное оружие, режиму иранских аятолла также удалось частично добиться снятия международных санкций и выторговать свой выход из мировой изоляции.

В то время, как мировые лидеры не переставали изобретать все новые гипотетические сцена-

рии использования атомного оружия, военные, и особенно генеральные штабы ядерных сверхдержав, состязались в изобретении способов их практического применения. В документах, недавно опубликованных в США Архивом национальной безопасности, раскрываются планы Вашингтона по ведению атомной войны длительностью не более 30 дней.

В 800-страничном докладе «О нуждах американских стратегических сил», представленном в 1956 году и рассекреченном в 2015 году, содержится список приоритетных целей, подлежащих разрушению в первые же дни войны в СССР и других странах Варшавского договора. Этот план предполагал уничтожение, помимо 1100 аэропортов и военных баз, таких городов, как Москва, Ленинград, Берлин, Варшава, Будапешт, Прага, Бухарест и Пекин. Для первых ударов по военным аэродромам стратегическое американское командование рассчитывало использовать до 3400 атомных и термоядерных боеголовок.

Естественно, что такой уровень конфронтации неизбежно провоцировал критические ситуации. Помимо уже упомянутых инцидентов случались и другие: ошибки в системах коммуникации, за вражеские ракеты принимали стаи перелетных птиц (известны по крайней мере пять случаев, когда тревоги были подняты по ошибке радарными), или более банальные инциденты со стратегическими самолетами-носителями ядер-

ных бомб. Известны, по крайней мере, два таких случая: потеря четырех водородных бомб, упавших с американского бомбардировщика В-52 над заливом Паломарес в Испании в 1966 году, и аналогичный эпизод, произошедший с другим В-52 в 1968 году над Гренландией.

Согласно недавно рассекреченным документам американских архивов, в ноябре 1974 года стратегическая подлодка военного флота США, имевшая на борту 160 ядерных боеголовок, столкнулась с советской подлодкой недалеко от американской базы в Шотландии. Этот инцидент мог бы спровоцировать серьезный кризис, если бы был воспринят обеими сторонами как преднамеренное нападение. Однако военные с обеих сторон предпочли не раздувать пожар. Обе подлодки всплыли на поверхность и, убедившись в том, что ничего драматичного не произошло, поприветствовав друг друга, опустились на глубину.

Но, помимо нескольких подобных инцидентов или технических неполадок, известны случаи, когда политики в ситуациях, которые они считали критическими, поддавались искушению всерьез задуматься об использовании атомного оружия. Уже упоминалась война в Корее, в ходе которой генерал Макартур хотел прибегнуть к бомбе для отражения наступления со стороны Китая.

В апреле 1954 года, когда французский экспедиционный корпус оказался в отчаянной ситуации

под Дьен Бьен Фу, Эйзенхауэр и его вице-президент Никсон обсуждали возможность применить атомную бомбу, чтобы прийти на выручку Парижу.

В апреле 1954 года, когда французский экспедиционный корпус оказался в отчаянной ситуации под Дьен Бьен Фу, Эйзенхауэр и его вице-президент Никсон обсуждали возможность применить атомную бомбу, чтобы прийти на выручку Парижу.

Пятнадцать лет спустя, став президентом, Никсон, убежденный, что только угроза ядерной войны заставила Пхеньян подписать перемирие в 1953 году, поднял в разговоре с Киссинджером тему о применении атомного оружия в разгар войны во Вьетнаме, чтобы дать понять Москве и Ханюю, что он готов на это решиться. В частной беседе Никсон называл это «теорией сумасшедшего лидера»: «Я хочу, чтобы северовьетнамцы поверили в то, что я могу пойти на все, чтобы одержать верх в войне».

Советские со своей стороны тоже несколько раз помахивали ядерной дубинкой (вряд ли всерьез намереваясь прибегнуть к бомбардировкам). Как минимум дважды во время кризисов на Ближнем Востоке советский премьер-министр Булганин в 1956 году в разгар Суэцкого кризиса и Брежнев в 1973 году во время «войны Киппура»

предупреждали западных руководителей, что в случае острой необходимости Советский Союз «будет вынужден предусмотреть соответствующие односторонние меры». Эти недвусмысленные намеки на возможность использования атомного оружия каждый раз провоцировали приведение в боевую готовность ядерных сил США.

Как минимум дважды во время кризисов на Ближнем Востоке советские лидеры — премьер-министр Булганин в 1956 году в разгар Суэцкого кризиса и Брежнев в 1973 году во время «войны Киппура» — предупреждали западных руководителей, что в случае «острой необходимости» Советский Союз «будет вынужден предусмотреть соответствующие односторонние меры».

В азартной стратегической игре, которую представляла собой история холодной войны, следует упомянуть и один сюрреалистичный эпизод, о котором написал в своих мемуарах Киссинджер: в марте 1969 года во время боев советских и китайских войск из-за территориального конфликта на острове Даманский на реке Уссури руководство СССР решило прозондировать реакцию американцев на случай, если оно «будет вынуждено» применить атомное оружие, чтобы сдержать китайскую агрессию.

Проходившие в ноябре 1983 года масштабные маневры войск НАТО Эйбл Арчер-83, в ходе которых имитировалось использование ядерного оружия против вражеской территории, в Москве восприняли как возможное прикрытие внезапного ядерного удара. В ответ советское руководство поставило на боевое дежурство стратегические бомбардировщики, размещенные в Восточной Европе.

Однако из всех этих кризисов лишь размещение советских ракет на Кубе в 1962 году, когда, по выражению американского госсекретаря Дина Раска, «весь мир заглянул в пушечный ствол», стало поворотным пунктом в истории холодной войны. И одновременно обозначило предельные границы для игр политиков с ядерными спичками.

«ИСКРЕННЕ ВАШ»

Попытка Хрущева установить стратегический паритет с Соединенными Штатами, разместив ядерные ракеты на Кубе в ответ на развертывание американских ракет средней дальности в Турции, могла дорого обойтись всему миру. Особенно из-за секретного характера этой операции, поставившей американцев в тупик относительно подлинных намерений Москвы.

Все началось в апреле 1962 года, когда министр обороны СССР маршал Малиновский докладывал первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву

о развертывании американцами ядерных ракет средней дальности в Турции. «А давай запустим ежа в штаны американцам?» — перебил его «наш Никита Сергеевич».

«Еж в американских штанах» — это 36 ракет Р-12 с радиусом действия до 2500 км, оснащенные 164 ядерными боеголовками, которые должны были быть тайно доставлены на Кубу в рамках операции «Анадырь» под видом сельскохозяйственной техники.

Несмотря на предупреждения советников Хрущева о том, что операция вряд ли останется секретом для американцев, а прибытие ядерных ракет на остров, расположенный в 80 милях от Флориды, может вызвать у них шок, советский лидер упорно настаивал на желании поставить руководителей США перед свершившимся фактом. В результате лидеры двух сверхдержав — Кеннеди и Хрущев — встали на тропу, которая прямоком привела их в октябре 1962 года к Кубинскому кризису и к порогу третьей мировой войны.

Холодная война, как и Вторая мировая война с ее днем высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 года, получила свой «самый длинный день» — 27 октября, «Черную субботу», когда президент Кеннеди объявил морскую блокаду Кубы после обнаружения на острове советских ракет.

Холодная война, как и Вторая мировая война с ее днем высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 года, получила свой «самый длинный день» — 27 октября, «Черную субботу», когда президент Кеннеди объявил морскую блокаду Кубы после обнаружения советских ракет, тайно доставленных на остров за предыдущие недели. Целью объявленного им «карантина» было помешать, если надо, с применением силы, приближению советских кораблей, груженых оружием, к берегам Кубы.

Ультиматум Кеннеди означал, что если эти корабли не остановятся для инспекции американскими пограничными службами, они будут потоплены. Двадцать седьмого октября советское судно «Грозный», груженное «специальным оборудованием», приблизилось к зоне «карантина», и ему оставалось лишь несколько часов до пересечения невидимой линии, отделявшей мир от третьей мировой войны.

Снимки ракет, уже установленных на острове и обнаруженных самолетом-разведчиком У-2, легли на стол президента США в Овальном кабинете несколькими днями ранее. В своем телевизионном выступлении перед нацией Кеннеди потребовал у советского правительства немедленно их убрать.

Из разных вариантов, предложенных ему советниками и военными, — от блокады и бомбардировки установленных ракет до вторжения на

Кубу — он выбрал «карантин». «Карантин» как двусмысленный термин, заменяющий более грозно звучащую «морскую блокаду», означающий объявление войны, был выбран как вариант самого гибкого реагирования, который оставлял советским и американцам считанные часы для того, чтобы найти выход из тупика.

В течение этих суток развернулись интенсивные секретные переговоры на разных уровнях между Вашингтоном и Москвой. Их целью было найти формулу, позволяющую лидерам двух сверхдержав избежать военного столкновения, не потеряв лица перед обществом в каждой стране.

Утром 27-го, опасаясь начала войны, персонал Белого дома отправил свои семьи в провинцию, подальше от Вашингтона. Министр обороны Роберт Макнамара сутками не покидал Пентагон и спал в своем кабинете на походной кровати. ЦРУ основывало свой анализ неизбежности ответной советской ядерной атаки на том, что большинство окон здания Центрального Комитета партии, под которыми прогуливались ночью американские агенты, оставались освещенными.

В то же время в Москве все члены Политбюро, чтобы успокоить московскую публику и заставить население поверить, что ситуация под контролем, неожиданно посетили Большой театр, где шел классический балет. Некоторые из них побывали там впервые в жизни.

Трагедии удалось избежать в последний момент. Формула компромисса, позволяющая каждой стороне утверждать, что противник сдался, предусматривала, что в обмен на демонтаж и отвод советских ракет с Кубы американская администрация возьмет на себя обязательство не повторять попыток свержения режима Фиделя Кастро.

Трагедии удалось избежать в последний момент. Формула компромисса, позволяющая каждой стороне утверждать, что противник сдался, предусматривала, что в обмен на демонтаж и отвод советских ракет с Кубы американская администрация возьмет на себя обязательство не повторять попыток свержения режима Фиделя Кастро. Кроме того, Кеннеди дал Хрущеву обещание (державшееся в секрете в течение нескольких месяцев, чтобы соблюсти формальности внутри НАТО) убрать американские ракеты «Юпитер», установленные в Турции.

После достижения договоренности, чтобы уложиться в сроки ультиматума и выиграть несколько часов, необходимых для шифровки и перевода посланий, направленных по дипломатическим каналам, советское руководство опубликовало рано утром 28 октября по каналам ТАСС коммюнике с изложением условий соглашения,

которое было затем передано по радио. Мир мог вздохнуть свободно.

С тех пор почти все нюансы этой игры в русскую рулетку были скрупулезно и поминутно проанализированы. И тем не менее почти полвека спустя некоторые секретные детали кризиса, не известные в то время даже его главным участникам, вышли на поверхность и подтвердили исключительную опасность угрозы, которую мир пережил в 1962 году.

Выяснилось, что даже после того как было достигнуто официальное соглашение между Хрущевым и Кеннеди, опасность ядерного конфликта не исчезла. Фидель Кастро, которого заранее не предупредили о закулисном соглашении, заключенном в последний момент между Москвой и Вашингтоном, в своих переговорах с эмиссаром Москвы Анастасом Микояном, направленным Хрущевым в Гавану, чтобы усмирить гнев команданте, просил оставить ракеты как страховку от возможных новых атак американцев. «Я им не доверяю, потому что знаю их лучше, чем наши советские товарищи», — сказал он Микояну.

По его просьбе советские военные спрятали в секретных хранилищах на острове около 100 атомных зарядов — тактических ракет и авиабомб — для отражения возможной атаки против Кубы. Американцы не знали о них, поэтому не включили в основную сделку между двумя лидерами.

Подозрения Фиделя были обоснованны, потому что после недавнего открытия американских архивов в них обнаружилась докладная записка генерала Максвелла Тейлора, председателя Комитета начальников штабов США, адресованная президенту Кеннеди 2 ноября 1962 года. То есть уже в то время, когда советские ракеты с ядерными зарядами были погружены на корабли для отправки в Советский Союз.

В этой записке генерал предлагал разные сценарии нападения на Кубу и излагал свои оценки возможных американских потерь в случае их реализации. Согласно планам военных, высадка на остров должна начаться шесть дней спустя после бомбардировки, которая разрушила бы кубинскую оборону.

Даже после этого, по подсчетам Тейлора, число жертв с американской стороны в первые десять дней операции могло достигнуть 18 500 человек. Это при том, уточнял генерал, что не будет применено атомное оружие. «С его использованием, — писал Тейлор, — цифры потерь трудно подсчитать из-за недостатка необходимых данных». Занимаясь этими подсчетами, генерал не был в курсе наличия на Кубе ядерных зарядов, спрятанных в гротах массива Сьерра-Маэстра, иначе его оценка последствий такой операции была бы более драматической.

К счастью для всех, начиная с самих кубинцев, Микоян не уступил давлению Фиделя Кастро во-

преки мнению Хрущева, который был готов оставить атомные заряды на Кубе, чтобы успокоить команданте. В записке, отправленной в Политбюро, Микоян написал: «Кубинские товарищи слишком эмоциональны, чтобы мы оставляли это оружие в их распоряжении».

Парадоксально, но аргумент, который он нашел, чтобы убедить Кастро согласиться, был его собственной выдумкой. Он сообщил кубинскому лидеру о существовании секретного советского закона, запрещающего передачу такого оружия иностранным властям. В действительности такого закона не было. И верховный лидер кубинских революционеров склонился перед силой воображаемого закона, выразив надежду, что однажды в интересах борьбы против империализма советское законодательство будет изменено.

Другая неизвестная страница саги о кубинском кризисе связана с эпопеей советских подлодок, которые секретно пересекли Атлантику, сопровождая надводные корабли. Эти подлодки были вооружены торпедами с ядерными боеголовками. Согласно приказу, их командиры могли принять решение использовать оружие в случае вражеской атаки и потери радиосвязи с базой.

Поскольку транспортировка ракет через Атлантику происходила в условиях строгой секретности, а капитаны подлодок всеми способами старались избежать встречи с американскими сторожевыми кораблями береговой обороны,

связь с советским командным центром была нерегулярной. В течение нескольких дней экипажи подлодок были лишены какой-либо информации о том, что происходило на поверхности и в мире.

Когда американские корабли все-таки засекли одну из подлодок, они начали забрасывать ее шумовыми гранатами, чтобы заставить лодку всплыть на поверхность. Гранаты взрывались прямо рядом с корпусом. Если бы американские моряки знали об оснащении подлодки торпедами с ядерными боеголовками, и о том, что капитан имел разрешение их использовать, они вели бы себя осторожнее.

Считая, что его атакуют и не имея представления об общей ситуации, капитан подлодки Б-59 Савицкий в состоянии нервного срыва отдал приказ офицеру, отвечающему за запуск торпед, готовиться к залпу. Почти воспроизводя поведение знаменитого персонажа из все того же фильма Стэнли Кубрика, который в ковбойской шляпе на голове оседлал атомную бомбу, сбрасываемую с его самолета, чтобы направить ее к цели.

Савицкий кричал на подчиненных: «Там, наверху, они, может быть, уже всю воюют, пока мы прячемся на дне океана! Не позволим опозорить советский флот! Взорвем их всех! Мы погибнем, но по крайней мере их потопим!» Коллегам из его окружения на командном посту с трудом удалось его успокоить и убедить всплыть на поверхность, чтобы зарядить батареи.

Подлодка всплыла посреди группы американских кораблей, направивших на нее прожекторы. Лишь когда Савицкий услышал джаз, игравший на мостике одного из кораблей, приветствуя их, он понял, что США и Советский Союз не воюют.

Другая советская подлодка, так и не обнаруженная американцами, была направлена через Тихий океан в направлении американской базы Перл-Харбор с целью нанести по ней удар атомными торпедами в случае советско-американского конфликта. Неожиданная атака на Перл-Харбор советской подлодки, повторяющая японскую атаку 1941 года, могла показаться эпизодом еще одного сюрреалистического сценария для голливудского фильма. Хотя в конце концов выглядел бы он не более фантастическим, чем вполне реальный проект атаки против Советского Союза с привлечением нескольких перевооруженных немецких дивизий, разработанный британским генштабом по поручению Черчилля весной 1945 года. Атака на Перл-Харбор была отменена Москвой до того, как подлодка приблизилась к цели.

В конце концов Кубинский кризис счастливо разрешился. Стоит воздать должное за это чувству ответственности и государственной мудрости, проявленной (в последнюю минуту!) Кеннеди и Хрущевым. Но в не меньшей степени своим спасением от гибели мир обязан здравомыслию простых исполнителей нередко хаотических приказов, поступавших от начальников.

Например, хладнокровию, с которым были урегулированы инциденты, спровоцированные полетами американских разведывательных самолетов У-2 27 октября. Один из них, пролетавший над Кубой, был сбит местной ПВО, другой — случайно вторгшийся в этот же день в советское воздушное пространство над Камчаткой, был проигнорирован по приказу командования.

Важно также отдать должное здравому смыслу Анастаса Микояна, которому удалось отобрать атомное оружие у кубинских революционеров, готовых пожертвовать собой в последнем бою с империализмом янки. Но, возможно, стоит упомянуть и о скромном, никогда не упоминавшемся поступке неизвестного переводчика секретной переписки между Кеннеди и Хрущевым в эти решающие дни.

История, ставшая легендой, гласит, что при переводе на русский достаточно угрожающего по тону письма Кеннеди наш переводчик по собственной инициативе — возможно, машинально — добавил в конце текста перед подписью американского президента банальную вежливую формулу «Искренне ваш», которая отсутствовала в оригинале.

Эта история, ставшая легендой, гласит, что при переводе на русский достаточно угрожающего по тону письма Кеннеди наш переводчик по собствен-

ной инициативе — возможно, машинально — добавил в конце текста перед подписью американского президента банальную вежливую формулу «Искренне ваш», которая отсутствовала в оригинале.

Утверждают, что эти два слова, добавленные переводчиком, впечатлили Хрущева больше, чем остальной текст. Он увидел в них закодированный сигнал личной заинтересованности Кеннеди в том, чтобы заключить соглашение. Не исключено, что эти два слова помогли разблокировать ситуацию, достигшую критической стадии, и помочь двум лидерам выйти из тупика, где они оказались, заботясь о соблюдении государственного престижа.

Отголосок психологического шока, пережитого американским президентом во время кубинского кризиса, можно найти в его выступлении несколько месяцев спустя 10 июня 1963 года в Американском университете Вашингтона. По тональности речь Кеннеди радикально отличалась от речей его предшественников — Черчилля и Трумэна, — которые в 1940-х годах объявляли о начале холодной войны. Кеннеди утверждал, что сам термин «тотальная война» теряет смысл во времена, когда «один только атомный снаряд обладает в 10 раз более разрушительной силой, чем все бомбы, сброшенные авиацией союзников во время Второй мировой войны». Он уточнил при этом, что поиск пути к миру не может основываться только на «магической формуле, предложенной одной из двух сверхдержав».

Кеннеди сказал о том, что как советские, так и американцы испытывают «общую озабоченность и отвращение к войне» перед тем, как закончить выводом: «Продолжая защищать свои интересы, ядерные державы должны избегать прямой конфронтации, которая бы ставила противника перед выбором между унижительным отступлением и ядерной войной».

Эта мудрость, навязанная логикой ядерной эпохи, могла вполне найти отклик у его советского партнера, что позволило им обоим во время кубинского кризиса предпринять конкретные шаги к тому, чтобы совместно отойти от края пропасти. Среди принятых ими после пережитого кризиса решений — установление линии «красного телефона» между Москвой и Вашингтоном и подписание летом 1963 года трехстороннего договора (с участием Великобритании) о частичном запрете испытаний ядерного оружия.

Пройдя совместно через испытание, два лидера обещали друг другу регулярно встречаться, чтобы двигаться дальше по пути оттепели и разрядки. Их планам не суждено было сбыться: Кеннеди застрелили в Далласе 23 ноября 1963 года. Никита Хрущев был отстранен от власти спустя год решением своего Политбюро. Сменившим их руководителям пришлось заново поступать на «курсы» управления политикой, оказавшейся в тени Бомбы.

Минует почти четверть столетия, прежде чем два других лидера советской и американской

сверхдержав Рональд Рейган и Михаил Горбачев во время своей первой встречи в верхах в Женеве в ноябре 1985 года подпишут заявление о том, что «в атомной войне не может быть победителей» и взаимно откажутся от попыток достичь стратегического превосходства над противником, который становится партнером. В целом соглашения, заключенные между Горбачевым, Рейганом и его преемником Бушем, позволили обеспечить сокращение более чем на 80% атомных арсеналов сверхдержав, накопившихся за 30 лет ядерного века.

Глава 3

ВОЙНА МАЛОВЕРОЯТНА, МИР НЕВОЗМОЖЕН?

Мы сделаем с вами самое страшное:
лишим вас врага.

*Академик Георгий Арбатов
в разговоре с Генри Киссинджером*

История не знает других примеров, чтобы революционные, политические и социальные изменения такого масштаба происходили почти без насилия.

*Марк Крамер,
американский историк о распаде СССР*

«СТРАННЫЙ» МИР

После Кубинского кризиса правила геостратегической игры, установленные двумя сверхдержавами, рассыпались в прах. Холодная война стала соответствовать знаменитой формуле Раймона Арона: «Война маловероятна, мир невозможен». Поскольку ядерный конфликт стал теперь синонимом самоубийства, два главных актера не могли больше размахивать бомбой даже в виде шантажа или политического блефа. Следовало, таким образом, изобрести своего рода бессрочное стратегическое перемирие. Но избежать войны не означало гарантировать мир.

Война, которую отказывались так называть, должна была принять новые формы и использовать другую лексику. Поскольку советский противник согласился не пересекать «красную линию» и границы, установленные после Второй мировой войны, Запад дал понять, что готов относиться к нему как к равному партнеру в вынужденном сосуществовании. Согласно одному из выводов,

сформулированных Кеннеди после Кубинского кризиса в его речи в Вашингтоне, Соединенные Штаты были готовы ждать, что «конструктивные изменения внутри коммунистического блока приведут к решениям, которые сейчас кажутся невозможными».

Официальные пропагандисты в Москве расстались с надеждой увидеть когда-либо «мировую революцию» и стали определять сосуществование с капитализмом как «мирную форму классовой борьбы» на международном уровне.

Таким образом, каждый из партнеров делал ставку на будущее, рассчитывая, что изменение соотношения сил на международном уровне сыграет в его пользу. Каждый при этом рассчитывал на разные факторы. Советский Союз делал ставку на подъем освободительной борьбы в странах «третьего мира» как своего естественного союзника в историческом противостоянии с Западом. А западный мир рассчитывал на постепенную эрозию коммунистических режимов и развитие в них внутренних противоречий.

И у тех, и у других были свои резоны надеяться на успех: Советский Союз некоторое время извлекал пользу из процесса деколонизации в странах Азии, Африки и на Ближнем Востоке, тогда как Запад после значительно более долгого ожидания получил неожиданный исторический подарок — провал большевистского проекта и распад СССР.

Однако в 1960-е годы итог этой конфронтации был далеко не очевиден. Несмотря на то что после октября 1962 года два участника дуэли обязались не вступать в прямое столкновение, им ничто не мешало попытаться набрать стратегические очки в стороне от линии конфронтации.

Весь мир превратился в заложника этого противостояния. Многие страны стали его жертвой. Некоторые постарались извлечь из него выгоду, предлагая себя обеим сверхдержавам в качестве клиентов или наемников. По всему миру большое количество местных или региональных, гражданских, межэтнических и других конфликтов оказались подчинены логике чужой войны.

Две сверхдержавы, с виду
непримиримые противники,
вели себя, по существу,
как единомышленники в том, что
касалось самоуправства на своем
«подворье». Всякая попытка нарушения
«лагерной дисциплины» каралась
«надзирателями».

Можно сказать, что целая глава мировой истории была «украдена» и искажена советско-американской конфронтацией, доминировавшей на мировой сцене в течение нескольких десятилетий. При этом две сверхдержавы, с

виду непримиримые противники, вели себя, по существу, как единомышленники в том, что касалось самоуправства на своем «подворье». Всякая попытка нарушения «лагерной дисциплины» каралась «надзирателями». И за этим бесстрастно наблюдали главари противоположного лагеря.

Многие национальные лидеры и политические деятели в разных регионах мира: Мохаммед Мосаддык в Иране, Джакобо Арбенц в Гватемале, Имре Надь в Венгрии, Патрис Лумумба в Конго, Александр Дубчек в Чехословакии и Сальвадор Альенде в Чили заплатили свободой, а некоторые и жизнью за то, что осмелились бросить вызов порядку, навязанному миру двуглавым командованием.

В то же время кубинский кризис пробил своего рода брешь в монолите мировой политики, в которую устремились другие актеры. Как те, кто уже больше не боялся угрозы глобального конфликта, так и те, кто решил освободиться от протектората своих «старших братьев». Ибо после того как два властителя мира публично подтвердили свой отказ от войны как способа разрешения их разногласий, стало понятно, что они тем более не будут воевать, защищая интересы своих союзников. Все это привело к появлению первых трещин внутри противостоящих блоков.

Первые попытки «побега» из противостоящих лагерей тех, кто стремился избежать логики двух-

полюсного мира, относятся к 1950-м годам. Это касалось тех стран «третьего мира», которые, пользуясь распадом колониальных империй, приобрели независимость. В отличие от Европы, по их территории не проходила разграничительная линия, навязанная победителями во Второй мировой войне, и тем более их не разделял «железный занавес». Они могли таким образом надеяться избежать последствий логики, расколовшей территорию Европы.

Выдвинутая президентом Индонезии Сукарно в 1955 году во время конференции в Бандунге идея «третьей силы», независимой от западного и восточного блоков, приняла форму Движения неприсоединения, официально провозглашенного в 1961 году в Белграде, столице страны-«перебежчика» из сталинского лагеря. Первое заседание этого движения было созвано новой тройкой мировых лидеров, объединившей Тито, индийского премьер-министра Неру и египетского президента Насера.

В отличие от свергнутого англичанами и американцами в 1953 году Мосаддыка, Насер вышел победителем из противостояния с прежними колониальными хозяевами. Бросив вызов Франции и Великобритании, которых поддерживал Израиль, он национализировал Суэцкий канал, чем спровоцировал Суэцкий кризис 1956 года. То, что его удалось урегулировать на основе договоренности между Хрущевым и Эйзенхауэром,

означало конец господства колониальных держав в решении проблем «третьего мира». Советско-американский дуэт заявил о своем намерении править миром.

Если поначалу состав участников Движения неприсоединения в соответствии с хронологией деколонизации ограничивался странами Азии, Африки и Ближнего Востока, то триумфальное вступление «барбудос» Фиделя Кастро в Гавану 1 января 1959 года ознаменовало собой первое поражение в своей вотчине империализма янки. Того самого, господство которого на американском континенте, как считалось, надежно защищено двумя океанами.

Европа, в свою очередь, поспешила воспользоваться разрядкой в американо-советских отношениях после избавления от своих прежних колоний. Просвет на темном небе холодной войны подарил европейцам возможность заняться своими собственными проблемами, но до этого она должна была предварительно соблюсти некоторые условия.

Прежде всего восстановить, пользуясь планом Маршалла, разрушенную войной экономику. Затем придать процессу примирения на континенте, дважды расколотом войной, форму будущего Евросоюза, который предложили в 1950 году французы Робер Шуман и Жан Монне, немец Конрад Аденауэр и итальянец Альчидеде Гаспери.

Это подарило Европе шанс заявить о собственных приоритетах в области безопасности. Роль глашатая новой европейской цели — добиться стратегического суверенитета — взял на себя генерал де Голль. Он сформулировал как цель перспективу Европы «от Атлантики до Урала», позволявшую преодолеть «железный занавес» и интегрировать в Европу Россию, которая, по мнению генерала, должна была когда-нибудь освободиться от коммунизма.

Роль глашатая новой европейской цели — добиться стратегического суверенитета — взял на себя генерал де Голль. Он сформулировал как цель перспективу Европы «от Атлантики до Урала», позволявшую преодолеть «железный занавес» и интегрировать в Европу Россию.

Но для того, чтобы реализовать эту перспективу, Франции следовало стать серьезным игроком на стратегическом поле и для этого обзавестись собственной атомной бомбой. Поскольку, в отличие от Великобритании, обязанной своим статусом ядерной державы Соединенным Штатам, с которыми она делила «ключ» на право его применения, он решил обзавестись бомбой *made in France*, ему пришлось ждать весны 1960 года, когда Франция испытала свою атомную бомбу в

Сахаре. Это испытание должно было состояться в апреле.

Вот почему генерал, которому предстояло организовать в Париже весной 1960 года встречу в верхах лидеров четырех сверхдержав, отложил ее на месяц. Таким образом он мог принять своих гостей в качестве главы государства — полноправного члена клуба ядерных держав. (Этот перенос Парижского саммита на один месяц оказался фатальным: 1 мая американский самолет-шпион У-2, посланный с разведывательной миссией над советской территорией и сбитый ее ракетой ПВО, привел к срыву встречи в верхах. Вместе с этим исчезла надежда на новую эру разрядки между Востоком и Западом, открытая поездкой Хрущева в США в 1959 году.)

Стремясь расширить сферу своей стратегической автономии по отношению к большому американскому брату, де Голль в 1966 году вывел Францию из стратегического командования НАТО и добился перевода штаб-квартиры Альянса из Парижа в Брюссель. В том же году он посетил Москву, где был принят с почестями как фактический политический лидер Европы.

Советское руководство разместило его в Кремле и предоставило возможность посетить (первому из зарубежных глав государств) космодром Байконур, с которого за 5 лет до этого стартовал в космос Гагарин. (Поскольку генералу предстояло переночевать на Байконуре, из Москвы специаль-

ным самолетом доставили кровать под рост этого необычного гостя¹.)

Придав проекту де Голля форму Остполитик (Восточной политики), эту линию продолжил Вилли Брандт, избранный канцлером ФРГ в 1969 году. Ставка, которую он сделал на сближение с Востоком, то есть с СССР, оправдала себя. Она помогла Западу уберечь от заморозков ростки протестов внутри стран Варшавского блока, проклюнувшиеся во время Пражской весны в 1968 году и расцветшие в пору горбачевской перестройки в Советском Союзе двадцать лет спустя.

«Мягкая» форма «приручения» коммунизма, избранная европейцами, подтвердила, что автор концепции его долгосрочного «сдерживания» Джордж Кеннан был прав: она оказалась более эффективной, чем «жесткая» версия военного давления, которой долгое время отдавали предпочтение Белый дом и Пентагон.

«Мягкая» форма «приручения» коммунизма, избранная европейцами, подтвердила, что автор концепции его долгосрочного «сдерживания» Джордж Кеннан был прав: она оказалась более

¹ Рост генерала де Голля составлял 1,96 м. — *Примеч. ред.*

эффективной, чем «жесткая» версия военного давления, которой долгое время отдавали предпочтение Белый дом и Пентагон.

В 1970-х годах эта политика, нашедшая свое выражение в Хельсинкском процессе, завершилась подписанием Заключительного акта Конференции по безопасности и сотрудничеству в столице Финляндии 1 августа 1975 года. Для Леонида Брежнева, поставившего подпись под этим документом вместе с лидерами США, Канады и руководителями еще 34 стран, включая европейские государства, это стало формой политической «коронации» и личного триумфа. Накануне церемонии подписания он признался своему окружению: «Если нам все удастся в Хельсинки, я могу умереть спокойно!»

В Кремле рассматривали этот документ, подтверждающий нерушимость европейских границ, не только как официальное одобрение Западом линии раздела, обговоренного в Ялте, но и как закрепление роли СССР в качестве ведущей европейской державы, что открывало перспективу возможной «финляндизации» континента.

СУПРУЖЕСКИЙ СОЮЗ НА ТРОИХ

Два марафонца в гонке ядерных вооружений начали выдыхаться в конце 1970-х годов. Не только советская экономика Госплана не могла

бесконечно игнорировать законы рынка, но даже американский гигант, вынужденный нести бремя военных расходов во Вьетнаме, нуждался в передышке. Кроме того, после кубинской дуэли два соперника сообща решили, что окончательное выяснение отношений между ними может быть предоставлено суду истории. У каждого были свои, более срочные заботы.

Ричарду Никсону требовалось как можно скорее закончить войну во Вьетнаме, унаследованную им от его предшественников — демократов Кеннеди и Джонсона. Продолжавшийся вьетнамский кошмар, не суливший никакой перспективы удержать у власти коррумпированный режим в Южном Вьетнаме, превратился в одну из самых серьезных внутренних проблем американского общества. Чтобы найти выход, не теряя лица, Вашингтону требовалось заключить сделку с Москвой, остававшейся главным источником экономической и военной поддержки северовьетнамских коммунистов и Фронта Национального Освобождения (ФНО) Южного Вьетнама.

У Брежнева главную стратегическую озабоченность вызывал в это время скорее Восток, чем Запад: идеологический конфликт с Китаем, начавшийся с отказа от сталинской модели во времена «ревизиониста» Хрущева, перерос в военную конфронтацию. В 1969 году войска двух «братских» стран столкнулись в жестокой схватке

из-за территориального спора по линии советско-китайской границы, проходившей по реке Уссури и пустынному острову Даманский, площадь которого не превышала 1 кв. км.

Ослабленные этими конфликтами, Брежнев и Никсон встретились в Москве в мае 1972 года, чтобы заключить перемирие в холодной войне. Десять лет спустя после Кубинского кризиса и миллиардов долларов и рублей, потраченных для получения стратегического преимущества над соперником, две супердержавы констатировали, что пришли к мертвой точке — паритету. Стоит напомнить, что в момент, когда они достигли относительного равенства, общий арсенал ядерного оружия двух сверхдержав превышал в миллион раз бомбу, сброшенную на Хиросиму. У американцев было 1054 межконтинентальные ракеты, у советских — 1053. При этом США имели явное преимущество в сфере ядерных головок — 5000 против 2000 у СССР.

Визит Никсона в Москву весной 1972 года стал первым официальным визитом американского президента в советскую столицу. Рузвельт в 1945 году приезжал только в Ялту. Эйзенхауэр и Джонсон получили официальное приглашение из Кремля, но первому помешал полет самолета-шпиона У-2 в 1960 году, второму — вторжение СССР в Чехословакию в 1968 году.

Никсон был вторым лидером западной державы после де Голля, который удостоился чести

быть размещенным в Кремле, что свидетельствовало о значении его визита для советских властей. И это несмотря на то что перед тем, как приехать в Москву, в феврале того же года американский президент нанес визит в Китай, где состоялась его историческая встреча с президентом Мао, открывшая тем самым придуманную Киссинджером главу трехсторонней американской дипломатии.

Всего за год американскому лидеру, пользуясь советами его «дорогого Генри», удалось решить двойную задачу, посетив две «красные» столицы (которые, начиная с 1950-х гг., были заявлены как приоритетные цели ядерных ударов Пентагона).

Отношения внутри трио
США—СССР—Китай во многом
напоминали семейный треугольник и
воспроизводили логику взаимоотношений
между тремя мировыми полюсами влияния,
описанную Оруэллом в романе «1984».

Отношения внутри трио США—СССР—Китай во многом напоминали семейный треугольник и воспроизводили логику взаимоотношений между тремя мировыми полюсами влияния, описанную Оруэллом в романе «1984». В этом мире стабильность покоилась на постоянной войне и меняющихся союзах между Океанией, Евразией и Остзией.

Этот переход от двусторонней конфронтации к балансированию между тремя центрами силы означал радикальную перемену логики мировой политики. Вынув из рукава «китайскую карту», дуэт Никсон–Киссинджер отказался от представления о холодной войне как об идеологической конфронтации двух непримиримых проектов. Это открывало Белому дому новые возможности для тактических договоренностей. Разумеется, речь не шла о прекращении политического и идеологического противостояния. С другой стороны, «техническое» перемирие становилось вполне достижимо. Оно позволяло притормозить гонку ядерного вооружения и состязание между апокалиптическими сценариями поведения в случае атомной войны.

По истечении четверти века, ушедшей на обоюдные попытки добиться преимущества над соперником, лидеры США и СССР обнаружили, что беспощадная логика MAD¹, ставшая категорическим императивом ядерного века, превращает соперников в сиамских близнецов.

¹ MAD. — *Mutual assured destruction* (англ.) — Взаимное гарантированное уничтожение (буквальный перевод *mad* — безумный). — Военная доктрина, согласно которой применение противниками оружия массового поражения приведет к полному уничтожению противоборствующих сторон. Это делало бессмысленным применение военной доктрины *первого удара*. — *Примеч. ред.*

Выживание одного оказывается в зависимости от сохранения живым другого. Московские соглашения 1972 года стали возможными не из-за запоздалого здравомыслия или неожиданного просветления в мозгах высших лидеров, а лишь как результат вывода, к которому они пришли совместно: стратегия, нацеленная на достижение превосходства над соперником, ведет в опасный тупик.

Они должны были, кроме того, обнаружить, что держать постоянно палец на ядерной кнопке, — тяжелое психологическое бремя для каждого из руководителей сверхдержав. Гарри Халдеман, глава администрации Белого дома при президенте Никсоне, рассказывал, как в 1969 году вскоре после своего избрания американский президент должен был познакомиться со своим командным постом, размещенном в самолете «Боинг-707» на случай ядерной войны. Во время имитации ядерного кризиса ему предложили выбрать решение из пяти вариантов ответа на нападение гипотетического противника. Эти варианты различались лишь количеством миллионов жертв, к которым они должны были привести. По словам Халдемана, после прохождения испытания Никсон вышел «явно потрясенным».

Почти в это же время в 1972 году Леонид Брежнев, генсек ЦК КПСС, принял участие в маневрах, имитирующих ядерную атаку на Советский Союз

американских ракет и бомбардировщиков. Сидя на командном стратегическом пункте, Брежнев, согласно сценарию, должен был нажать знаменитую «красную кнопку». Как ему объяснили специалисты, советский ответ мог повлечь за собой гибель 80 млн человек в Соединенных Штатах и разрушение 85% промышленного потенциала страны. Побледнев, Брежнев обернулся к министру обороны маршалу Гречко с вопросом: «Ты уверен, что речь идет только об учениях?»

Сходная эмоциональная реакция двух лидеров лишь частично объясняет легкость, с которой они заключили своего рода «пакт о ядерном ненападении», подписав в Москве 26 мая 1972 года два важных соглашения: ОСВ-I об ограничении стратегических вооружений сроком на 5 лет и бессрочный договор по ПРО.

Сходная эмоциональная реакция двух лидеров лишь частично объясняет легкость, с которой они заключили своего рода «пакт о ядерном ненападении», подписав в Москве 26 мая 1972 года два важных соглашения: ОСВ-I об ограничении стратегических вооружений сроком на 5 лет и бессрочный договор по ПРО (противоракетной обороне), ограничивающий развертывание оборонительных противоракетных систем. Скорее,

именно апокалиптический характер атомного оружия образумил политиков.

Поступая таким образом, они исходили из того, что сама обоюдная уязвимость должна была стать доказательством отсутствия агрессивных намерений. Таким образом, взаимная сдержанность, а не новое наращивание уровня угроз должно было служить наиболее эффективным способом сдерживания возможного агрессора.

По прошествии многих десятилетий и попыток рационализировать «немыслимое», стратеги с двух сторон пришли к одному и тому же выводу: для того чтобы выглядеть убедительным, MAD («взаимное гарантированное уничтожение») должно было опираться на сокращение противоракетного вооружения. Ибо обладание одной из сторон эффективным оборонительным щитом могло дать надежду на то, что нападающий после первого обезоруживающего удара сможет выстоять в случае ответа.

Подписав эти два соглашения, лидеры надеялись таким образом найти идеальное равновесие между наступательным и оборонительным потенциалами, которое могло стать магической формулой, гарантией против развязывания самоубийственного конфликта.

Так же, как Кеннеди и Хрущев десятью годами ранее, Брежнев и Никсон вынашивали амбициозные планы атомного разоружения. Однако медовый месяц в отношениях пары Брежнев–Никсон

продолжался всего два года. После Уотергейтского скандала судьба вынудила президента США раньше времени покинуть Белый дом.

Преемник Никсона, его вице-президент Джеральд Форд, тем не менее отправился на советский Дальний Восток во Владивосток, чтобы обсудить с Брежневым новые соглашения по разоружению. Но у него не было тех же мотивов, что и у Никсона (война во Вьетнаме закончилась). После того, как американская пресса обвинила его в том, что он подыгрывает русским (согласившись поехать в Хельсинки для подписания с Брежневым Заключительного акта Конференции по безопасности и сотрудничеству), Форд запретил использовать в документах Госдепа термин *detente* («разрядка») даже формально, поскольку считал его русским словом.

Передышка в гонке вооружений оказалась короткой. Парадоксально, но именно события 1975 года — момента подписания Хельсинкского Акта — объясняют окончание просвета в советско-американских отношениях. Во-первых, взятие Сайгона в феврале этого года войсками ФНО Южного Вьетнама в нарушение соглашений, подписанных Киссинджером и Ле Дык Тхо в Париже в 1973 году, вынудило американцев в панике бежать из Сайгона. Кадры сцен эвакуации вертолетами персонала американского посольства, в том числе посла Грэхама Мартина, обошли весь мир.

Это унижительное поражение надолго оставило след в американской политике. Травмированные «вьетнамским синдромом», вернувшиеся к изоляционизму, США производили впечатление страны, сдававшей стратегические позиции на международной арене.

В последующие годы новая волна побед антиколониальных движений в Африке (Ангола, Мозамбик) и успех латиноамериканских герильерос, объявлявших себя марксистами (Никарагуа, Сальвадор), подтверждала это впечатление. Советские лидеры в Москве начали всерьез верить, что соотношение сил на международной арене склоняется в их пользу.

Отказ от «русского» слова *detente* не помог Форду избраться президентом США. В 1976 году, став главой Белого дома, демократ-идеалист Джими Картер решил исправить репутацию Соединенных Штатов с мирового жандарма на защитника демократии и прав человека. Его намерение утверждало Москву в уверенности в окончательном отступлении ее противника. Веря, что ветер истории дует в их сторону, советские руководители начали мечтать о статусе первой мировой сверхдержавы. Осторожный прагматизм, позволивший двум главным актерам холодной войны заключить компромисс 1972 года, был отброшен в сторону.

Отсюда парадокс европейской политики Кремля. В том же 1975-м, отпраздновав успех

конференции в Хельсинки, Москва приступила к подготовке замены устаревших ядерных ракет СС-4 и СС-5 новыми мобильными «евроракетами» СС-20, которые должны были утроить мощность советского ядерного потенциала, нацеленного на Европу.

Прожорливость военно-промышленного комплекса взяла верх над усилиями советской дипломатии, стремившейся всеми способами восстановить репутацию СССР после ущерба, нанесенного вторжением в Чехословакию в 1968 году. К бездарному политическому просчету добавился образец типичной советской бюрократии. Поставленный перед необходимостью выбрать один из двух проектов новых ракет, разработанных разными конструкторскими бюро, имевшими своих сторонников в Политбюро, Брежнев, чтобы ни с кем не ссориться, согласился на оба, создав абсурдную стратегическую ситуацию (и удвоив расходы бюджета).

Европейские партнеры СССР, не успев насладиться преимуществами от разрядки с Москвой, оказались на прицеле у новых советских ракет, направленных на их столицы. Карточный домик Хельсинкского соглашения рисковал рухнуть под дуновением ледяного ветра с Востока.

Чтобы ответить на риск стратегического дисбаланса, страны-члены НАТО приняли решение поставить в Европу американские ракеты: 108 единиц «Першингов-2» и 464 крылатые

ракеты. Германский канцлер Гельмут Шмидт пытался предложить СССР соглашение, согласно которому европейцы отказывались бы от перевооружения, если Москва обязуется не превышать прежних лимитов. Однако его призыв остался без ответа. Некоторые знатоки порядка, действующего за византийскими стенами Кремля, объясняют эту неудачу тем, что Шмидт со своим предложением обратился к премьер-министру Косыгину вместо первого человека государства Леонида Брежнева.

Чтобы ответить на риск стратегического дисбаланса, страны-члены НАТО приняли решение поставить в Европу американские ракеты: 108 единиц «Першингов-2» и 464 крылатые ракеты. Германский канцлер Гельмут Шмидт пытался предложить СССР соглашение, согласно которому европейцы отказывались бы от перевооружения, если Москва обязуется не превышать прежних лимитов. Однако его призыв остался без ответа.

С ракетами SS-20 Москва угодила в собственную ловушку: американские ракеты, поставленные в Европу, должны были значительно усилить стратегический потенциал США, поскольку время, необходимое для достижения этими ракетами

советской территории из Европы, составляло 8–10 минут, тогда как для отражения атаки и удара по территории США межконтинентальными советскими ракетами требовалось по меньшей мере 40 минут.

Ответить на этот новый вызов, как сделал Хрущев в 1962 году, отправив ракеты на Кубу, для Брежнева было неприемлемо: после того как кубинская авантюра поставила весь мир на грань третьей мировой войны, она закончилась отстранением ее инициатора от дел в октябре 1964 года.

Вместо того чтобы «финляндизировать», иначе говоря, нейтрализовать Западную Европу, затея с советскими евроракетами подтолкнула ее к атлантизму, заставив даже французского президента Франсуа Миттерана, наследника традиций голлизма, поддержать установку в Европе американских ракет. Надежда советских руководителей на то, что манифестации протеста против ракет, проходившие в Великобритании и Голландии, приведут к отказу от проекта НАТО, как это случилось с нейтронной бомбой Джимми Картера, не оправдались. Выступая в Бундестаге, Миттеран резко осудил протестующих, заявив 29 января 1983 года: «Демонстрации проходят на Западе, тогда как ракеты находятся на Востоке».

Другую, еще более серьезную стратегическую ошибку ареопага кремлевских старцев со-

вершил в 1979 году. Речь идет о советском вторжении в Афганистан. По иронии истории секретное решение Политбюро о направлении туда «ограниченного военного контингента» по просьбе правительства Кабула было принято 12 декабря 1979 года. В тот же день страны НАТО одобрили решение о развертывании в Западной Европе американских ракет с ядерными боеголовками.

В момент принятия решения по Афганистану (оказавшегося фатальным для судьбы СССР) Брежнев колебался. Он спрашивал у министра обороны Дмитрия Устинова о возможной реакции американцев. Ответ министра был безапелляционным: «Леонид Ильич, американцы ведь не спрашивают нашего разрешения, когда вмешиваются в дела латиноамериканцев. Почему мы должны вести себя более деликатно, когда речь идет о защите наших интересов?»

Советское вторжение в Афганистан действительно копировало американскую модель. В течение десятилетий ЦРУ без комплексов проводило свои секретные операции не только в странах Латинской Америки, но и в других регионах, важных с точки зрения сохранения американского «лидерства» в мире. Одним из таких примеров стал Южный Вьетнам, где в ноябре 1963 года ЦРУ организовало путч для смены руководства страны, для чего пришлось «устранить» тогдашних главарей сайгонского режима братьев Дьем.

Первоначально «хирургическая операция» советского спецназа в Кабуле не имела другой цели, кроме «нейтрализации» диктатора Хафизуллы Амина, ставшего обременительным и, главное, неэффективным, и который, в свою очередь, захватил власть, расправившись вопреки возражениям Москвы с тогдашним президентом Тараки. Посадить на его место более управляемого лидера Бабрака Кармаля, доставленного советским самолетом в Кабул из Праги, казалось, было вопросом нескольких часов. Продолжение известно: выполнение Советским Союзом «интернационального долга» в соседней стране приняло форму классической колониальной войны, которая длилась 10 лет, унесла жизни 15 тысяч советских солдат и больше миллиона жизней афганцев. Она оставила после себя разоренную страну, ставшую жертвой гражданского конфликта и превратившуюся в очаг исламского радикализма.

Интервенция в Афганистане способствовала образованию разнородной антисоветской коалиции, объединявший под патронажем американцев такие разные страны, как Пакистан, Китай и Саудовская Аравия. В полном соответствии с замыслом советника Картера по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского, убедившего президента предоставить военную помощь исламским муджахиддинам в Афганистане, эта война превратилась для Советского Союза в «его Вьетнам».

РЕЙГАН: РАЗРУШИТЬ СОВЕТСКИЙ «КАРФАГЕН»

Единственная отрасль советской промышленности, которая развивалась в начале 1980-х годов стремительными темпами, была военная. По производству обычных вооружений (за исключением больших военных кораблей), СССР превосходил объемы 16 стран-членов НАТО. Советская армия имела больше танков, чем остальные страны мира, вместе взятые, — больше 60 000. Расходы советского государства на оборону в расчете на одного жителя были в два с половиной раза выше, чем американские, тогда как советский ВВП был в два раза меньше, составляя 14% национального бюджета. Такое расточительство стало возможным благодаря ценам на нефть, которые после нефтяного кризиса 1973 года обеспечивали советской экономике устойчивую ренту.

Стратегически СССР, казалось, достиг вершины своего могущества. Его господство над Европой выглядело обеспеченным. В Африке — от Эфиопии до границ Южной Африки — Москва с помощью кубинских «добровольцев» завоевывала новые территории. В Центральной Америке сандинисты и марксистские герильерос в Сан-Сальвадоре, вооружаемые и инструктируемые кубинцами, бросали вызов североамериканским янки.

Стратегически СССР, казалось, достиг вершины своего могущества. Его господство над Европой выглядело обеспеченным. В Африке — от Эфиопии до границ Южной Африки — Москва с помощью кубинских «добровольцев» завоевывала новые территории. В Центральной Америке сандинисты и марксистские герильерос в Сан-Сальвадоре, вооружаемые и инструктируемые кубинцами, бросали вызов североамериканским янки.

Однако за этим кажущимся триумфом скрывалось старческое бессилие. Внушительный военный потенциал обеспечивался за счет снижения уровня жизни населения, а сам СССР оставался во многих отношениях экономически отсталым и политически изолированным колоссом, окруженным врагами, которых сам и плодил. На Западе, оказавшись под прицелом советских евrorакет, Европа вновь почувствовала угрозу со стороны «русского медведя» и была готова искать укрытие под американским ядерным зонтиком.

На Востоке, не отказываясь от своих давних территориальных претензий, адресованных новым русским царям, Китай ожидал в засаде возможности мобилизовать международную коалицию против советского «гегемонизма». На Юге афганская авантюра Политбюро разбудила драко-

на радикального исламизма, открыв мягкое подбрюшье СССР – Центральную Азию и Кавказ – атакам воинов Аллаха.

Но более всего были затронуты советско-американские отношения. Стратегическая и идеологическая экспансия СССР в третьем мире, наложившаяся на унижение, испытанное американцами в Иране после свержения шахского режима (символом которого стал захват стражами исламской революции американского посольства в Тегеране), ускорили эволюцию американского общественного мнения. Травма, нанесенная поражением во Вьетнаме, была забыта, примирительно настроенный к СССР Джимми Картер, проиграв выборы, был вынужден покинуть Белый дом. В ноябре 1980 года на смену ему пришел ультраконсервативный республиканец Рональд Рейган, готовый сделать Америку «снова великой». Он объявил политику разрядки с СССР «улицей с односторонним движением» и декларировал решимость начать «крестовый поход против безбожного коммунизма», чтобы отправить его на свалку истории.

Мировая политика вернулась в морозные годы холодной войны. Не только из-за идеологической риторики нового американского президента, но и избранной им жесткой версии стратегии сдерживания Советского Союза. Она приняла форму «оттеснения» СССР с завоеванных позиций.

Рейган не хотел удовлетвориться восстановлением стратегического равновесия, нарушенного, по его мнению, Москвой. Целью его контратаки было утверждение американского превосходства над противником. СССР, который он называл «Империей Зла», не заслуживал, по его мнению, обращения с ним как с партнером. Он мог и должен был быть сокрушен, как Карфаген.

Конкретной целью этой политики было, разумеется, не сведение идеологических счетов со второй мировой ядерной державой военным путем, а атака на его слабую сторону — вовлечение в новый раунд гонки вооружений. Для этого Рейган приступил к небывалому увеличению военного бюджета. Этого соревнования советская экономика не могла выдержать.

Конкретной целью этой политики было, разумеется, не сведение идеологических счетов со второй мировой ядерной державой военным путем, а атака на его слабую сторону — вовлечение в новый раунд гонки вооружений. Для этого Рейган приступил к небывалому увеличению военного бюджета. Этого соревнования советская экономика не могла выдержать.

Стратегия экономического удушения СССР должна была включать замену эмбарго на постав-

ки ему зерна, объявленное Картером после советской интервенции в Афганистан, которое наказывало прежде всего американских фермеров, запретом на продажу западных труб для советских газопроводов. Такая мера должна была ударить одновременно по экономике СССР и европейским потребителям газа. Рассчитывая одним ударом убить двух зайцев, Рейган надеялся таким образом наказать советскую Россию и оборвать связи Европы с ее традиционным поставщиком энергии.

Официальное решение по этому поводу, навязанное союзникам в рамках КОКОМ (Координационного Комитета по контролю за многосторонним экспортом, созданного западными странами для контроля за продажей оружия и «чувствительной» технологии странам Варшавского договора) было дополнено секретным соглашением между США и Саудовской Аравией. Оно предусматривало существенное увеличение поставок саудовской нефти на мировые рынки, для того чтобы сбить цену на нефть и таким образом лишить советский бюджет главного источника доходов.

Но сердцевиной этого стратегического плана должна была стать программа СОИ (Стратегической Оборонной Инициативы), получившая название «сценария звездных войн», которой Рейган посвятил свое выступление 23 марта 1983 года. Этот проект предусматривал развертывание в космосе сложной системы спутников и ла-

зеров, управляющих ракетами, которые должны были открыть в космосе «зонтик» для защиты территории США от удара советских ракет. Этот проект, по словам Рейгана, был одновременно оборонительным и моральным, поскольку его целью было «сделать атомное оружие бесполезным и устаревшим».

Поскольку за проектом СОИ скрывалась надежда американцев оживить мечту об «абсолютной безопасности» США и таким образом гарантировать свою безнаказанность, советские дипломаты и пропагандисты подняли против нее свои «щиты». С точки зрения Москвы программа Рейгана подрывала саму философию договора по ПРО и таким образом вела к разрыву пакта о стратегической стабильности, заключенного Никсоном и Брежневым в 1972 году.

Но помимо заявленной Рейганом «моральной» цели у программы «звездных войн» было двойное дно, а именно: идея втянуть советских в чрезвычайно разорительное технологическое соревнование. Если сам Рейган, возможно, искренне верил, что реализация СОИ сделает атомное оружие устаревшим, его советники считали, что новая гонка в производстве высокотехнологичного оружия станет «последней соломинкой», которая сломает хребет советской сверхдержаве.

И хотя, с точки зрения советских экспертов, СОИ не была не реалистической программой,

эта цель могла быть более достижимой. В эпоху взаимных надувательств, которыми занимались секретные службы обеих стран во времена холодной войны, они нередко пытались втянуть противника в безнадежные проекты с целью заставить его бесполезно тратить интеллектуальные силы и ресурсы. Правда, случалось так, что это приводило к непредвиденным результатам.

Например, в 70-е годы, желая толкнуть советских военных на ложный путь, стратеги из ЦРУ подбросили им информацию о том, что США не отказались от производства бактериологического оружия, запрещенного на международном уровне. В действительности американские специалисты после многолетних исследований пришли к выводу о неэффективности применения этого оружия.

Однако их дезинформация сработала так успешно, что советские секретные лаборатории, чтобы не отстать от американцев, возобновили свои работы и, как оказалось, добились результатов там, где американцам этого не удалось. Так благодаря этой «удачной» операции ЦРУ, бактериологическое оружие, хотя и запрещенное, вошло в советский секретный арсенал.

Став главой государства, Горбачев оказался из-за программы Рейгана перед трудным выбором. Военные и поддерживающие ВПК лоббисты в Политбюро настаивали на необходимости начать разработку советской версии «звездных

войн». Посчитав расходы и особенно изучив анализ экспертов, квалифицировавших этот проект как «абсолютно утопический», Горбачев решил избрать гораздо менее разорительный «асимметричный ответ» и попытаться в то же время убедить Рейгана отказаться от его плана.

По словам Виталия Катаева, отвечавшего за оборонный сектор в ЦК, советские специалисты «с самого начала подозревали, что за впечатляющим фасадом СОВСЕИ скрывается всего лишь политический блеф и мистификация». По их словам, это была «голливудская деревня, построенная из фанеры».

Несмотря на то что обещанный Рейганом щит в космосе был скорее рекламным анонсом намерений США, чем реальной военной угрозой, он убедил советских руководителей в том, что американцы готовят превентивный удар по Советскому Союзу. Тональность передовиц в «Правде», без лишних церемоний называвших Рейгана фашистом, напоминала климат начала 1950-х годов.

Несмотря на то что обещанный Рейганом щит в космосе был скорее рекламным анонсом намерений США, чем реальной военной угрозой, он убедил советских руководителей (в частности, Юрия Андропова, сменившего Брежнева) в том,

что американцы готовят превентивный удар по Советскому Союзу. Тональность передовиц в «Правде», без лишних церемоний называвших Рейгана фашистом, напоминала климат начала 1950-х годов.

В этом климате тотальной подозрительности даже явно нелепые оговорки могли раздувать паранойю. Можно упомянуть неудачную шутку Рейгана перед своим еженедельным выступлением по радио. Во время проверки микрофона, не зная, что он включен, американский президент заявил: «Дорогие сограждане, сообщаю вам, что только что объявил Советский Союз государством вне закона. Его бомбардировка начнется через пять минут». Прозвучавшая в эфире, эта неудачная шутка была, естественно, растиражирована советской прессой, подбросив хвороста в огонь антиамериканской пропаганды.

В отсутствие личных контактов или политического диалога между лидерами стран, когда двусторонние переговоры по разоружению и даже политические контакты были прерваны после размещения американских ракет в Европе, любой случайный инцидент мог сыграть роль спички и спровоцировать серьезный кризис.

Это и случилось ночью 1 сентября 1983 года, когда «Боинг-747» южнокорейской авиакомпании KAL, направлявшийся из Нью-Йорка в Сеул через Аляску, отклонился от предусмотренного маршрута и вошел в советское воздушное про-

странство со стороны Камчатки по до сих пор невыясненным причинам. После нескольких часов полета над этой территорией, считавшейся чрезвычайно важной с военной точки зрения, самолет был сбит к западу от Сахалина истребителем советской воздушной обороны. Погибли все 269 пассажиров и членов экипажа. В списке жертв оказался член американского Конгресса.

Советское руководство поначалу отрицало, что инцидент вообще имел место. Маршал Устинов, докладывая о нем Политбюро, сказал о «Боинге»: «Удалился в сторону моря, а там его не найдут». Номер не прошел, «успешная» акция советской ПВО была зарегистрирована американцами. Несколько дней спустя ТАСС сообщил, что самолет был сбит, поскольку он, по всей видимости, выполнял шпионскую миссию. Соединенные Штаты вынесли обсуждение этого вопроса в Совет Безопасности, назвав СССР государством-преступником, ответственным за убийство невинных граждан. В этой накаленной атмосфере власти Нью-Йорка запретили посадку самолета советского министра иностранных дел Андрея Громыко, который направлялся на заседание Совета Безопасности. Спустя несколько дней, после того как страсти утихли, во время встречи с советским коллегой американский госсекретарь Джордж Шульц тем не менее отказался пожать руку Громыко, повторив жест

Джона Фостера Даллеса, который проигнорировал Чжоу Эньлая на конференции в Женеве по проблемам Индокитая в 1954 году.

Два месяца спустя после драмы с самолетом организация военных учений НАТО под названием «Эйбл Арчер-83», сценарий которых имитировал использование атомного оружия против СССР, привела к опасным последствиям. Советское военное командование восприняло маневры как маскировку готовившегося ядерного нападения.

Ядерные силы СССР были приведены в состояние повышенной готовности. Это касалось в том числе и стратегической авиации, базировавшейся в ГДР и в Польше. В эти дни руководство КГБ даже поручило своим агентам в США представить сведения об объемах закупки мяса у американских фермеров. Их резкое увеличение должно было означать, что американцы создают стратегические резервы на случай предстоящей войны.

Со времени кубинского ракетного кризиса 1962 года два блока никогда еще не были столь близки к ядерной войне.

Со времени кубинского ракетного кризиса 1962 года два блока никогда еще не были столь близки к ядерной войне. Английский историк Тимоти Гартон Эш писал, что в те дни перспек-

тива того, что ядерная война разразится до конца десятилетия, выглядела вполне вероятной.

В этих условиях только что переизбранный на второй срок Рональд Рейган, как утверждают, под влиянием своей жены Нэнси, начал искать каналы связи для восстановления отношений с Москвой. Чтобы оправдать удручающий уровень отношений с советскими лидерами, Рейган нашел хороший предлог: «Всякий раз, когда я хочу увидеться с кем-то из них, он тут же умирает!»

В самом деле, хотя «красный телефон», установленный между Москвой и Вашингтоном после кубинского ракетного кризиса, был постоянно включен, с советской стороны некому было снять трубку: после смерти Брежнева пост партийного лидера и главы государства занял тяжело больной Юрий Андропов. В январе 1984 года в своей речи, посвященной отношениям СССР и США, Рейган обратился к новому шефу Кремля со словами: «Если советское руководство хочет мира, оно его может получить». Однако в этот момент Андропову оставалось жить меньше месяца. Его заменил бывший «портфельносец» Брежнева Константин Черненко, такой же престарелый и еще более больной, чем два его предшественника. Он скончался 10 марта 1985 года. С этого дня после избрания на пост генсека КПСС Михаила Горбачева ход истории страны и всего мира радикально изменился.

«КОМЕТА» ГОРБАЧЕВА

Когда закончилась холодная война? Для большинства людей в мире ответ кажется очевидным: 9 ноября 1989 года, в день или, точнее, в ночь падения Берлинской стены. Что могло быть более впечатляющим, чем исчезновение на глазах у миллионов телезрителей этого айсберга холодной войны, воплощавшего тот знаменитый «железный занавес», о котором говорил в марте 1946 года Черчилль в Фултоне!

Но и другие даты такого события могли быть названы с неменьшим основанием. Все зависит, в конце концов, от того, как определить эту необычную войну. Если ее свести к опасной эквилибристике двух ядерных держав на грани пропасти, тогда, согласно британскому историку Эрику Хобсбауму, эта война закончилась после двух советско-американских встреч на высшем уровне в Рейкьявике (1986 г.) и Вашингтоне (1987 г.). Во время этих двух саммитов Горбачев и Рейган решили отказаться от военного противостояния и приступить к поэтапной ликвидации атомного оружия.

Если, как считают другие, холодная война сводилась к совместному управлению миром, поделенным между победителями Второй мировой войны по линии, согласованной в Ялте, в таком случае, как считают оксфордский профессор Арчи Браун и бывший посол США в Москве Джек Мэтлок, она закончилась в декабре 1988 года.

Именно тогда в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН М.С. Горбачев объявил о фактическом отказе от «доктрины Брежнева», означавшей «ограниченный суверенитет» восточно-европейских стран-членов Варшавского договора и о выводе из них советских войск.

Наконец, если холодная война была стратегическим воплощением идеологической конфронтации между двумя видениями мира и двумя антагонистическими моделями общества — коммунистической и капиталистической — надо будет считать датой ее окончания 25 декабря 1991 года. В этот день Горбачев ушел в отставку, и красный флаг, развевавшийся над куполом здания Сената в Кремле в течение 69 лет, был спущен. Разумеется, в этом случае началом холодной войны надо считать не окончание Второй мировой войны или речь Черчилля в Фултоне, а октябрь 1917 года и захват власти в России большевиками.

Устав ЮНЕСКО гласит: «Войны начинаются в умах людей. Необходимо поэтому изгнать идею войны из человеческого сознания». Это касается также и холодной войны. В связи с этим важно было ждать, пока перемены произойдут в головах воюющих.

Устав ЮНЕСКО гласит: «Войны начинаются в умах людей. Необходимо поэтому изгнать идею

войны из человеческого сознания». Это касается также и холодной войны. В связи с этим важно было ждать, пока перемены произойдут в головах воюющих.

Во время классической войны перемирие обычно следует после победы одной стороны над другой, либо когда обе истощены. В случае с холодной войной, поскольку в ней сталкиваются два непримиримых идеологических проекта, противостояние может продолжаться бесконечно. Настоящий конец холодной войны может наступить лишь когда обе стороны откажутся от их общей цели — окончательно взять верх над противником. Но что может их на это сподвигнуть? Какова бы ни была точная дата, конец холодной войны навсегда остается связанным с волей одного человека — Михаила Горбачева и его решимостью разорвать порочный круг.

Парадокс этого человека сводился к тому, что, будучи убежденным коммунистом и советским патриотом, Горбачев взялся решать проблемы безопасности исключительно прагматичным путем со здравым смыслом крестьянина, каким он был от рождения, свободного от идеологических постулатов или соображений престижа. Кроме того, в отличие от своих предшественников, он не принадлежал к поколению, до такой степени отмеченному ужасом нацистского нашествия, чтобы жить в постоянном ожидании возможной новой агрессии с Запада.

Его взгляд на политику можно было бы сравнить с восприятием мальчика, героя сказки Андерсена «Новое платье короля», который при виде монарха, шествовавшего по улице нагишом, не понимал, почему нельзя вслух сказать правду. В его случае сказать правду означало задаться логичным вопросом: почему истощенная советская экономика должна продолжать тратить огромные средства на прокорм военно-промышленного комплекса в целях подготовки к немыслимой войне, которая была бы самоубийственной для всего мира? Не стоило ли переориентировать ее на службу интересам собственных граждан?

Когда цель обозначена, надо еще найти средства для ее достижения. Задача оказалась гигантской. Перед тем как разрушить Берлинскую стену, Горбачеву предстояло избавиться еще как минимум от двух других препятствий: сначала от стены недоверия Запада, который вовсе не был готов верить на слово в искренность призывов нового советского лидера начать разоружение. Затем преодолеть сопротивление большинства членов Политбюро, которое его выбрало.

Панические предостережения военных, не прекращавших твердить об угрозах возможного нападения со стороны западного лагеря, на него не действовали. Горбачев исходил из того, что поскольку обоюдная возможность уничтожить друг друга (MAD) была не только достигнута, но и значительно превзойдена, что породило абсурдные термины

«сверхуничтожение» или overkill — «многократное убийство», увеличивать дальше ставки в этом театре абсурда не имело никакого смысла. Конечно, убеждение в этом военных и боссов военно-промышленного комплекса требовало немалой политической отваги. Не забывая о членах Политбюро, которые имели возможность в любой момент отправить своего генсека в отставку.

Во время заседаний Политбюро Горбачеву приходилось поэтому давать уроки геополитики: «Никому из членов Совета обороны не удалось мне объяснить, что означает стратегическое равновесие. Для меня это вопрос политики, а не статистики. Паритет означает иметь надежную гарантию защиты страны. Уверенность, что наш противник не нападет на нас, поскольку гарантированно получит неприемлемый ответ. Если мы сейчас находимся в такой ситуации, значит, паритет гарантирован. Если же мы будем терять время в арифметических подсчетах типа: одна наша винтовка против такой же у них, придется ставить крест на строительстве социализма. Я спрашиваю себя: «Хотим ли мы превратить свою страну в военный лагерь?»

Такое же терпение и настойчивость ему пришлось демонстрировать, чтобы преодолеть недоверие западных партнеров. В отношениях с ними приходилось двигаться поэтапно, а порой и петлять. Торопясь взять быка за рога, Горбачев решил, что надо сосредоточиться на главном

сопернике СССР и для этого постараться разбить лед в отношениях между советскими и американцами. Случай вскоре представился. По предложению Рейгана в Женеве в ноябре 1985 года должна была состояться советско-американская встреча, первая со времени саммита Брежнева и Картера в Вене в 1979 году.

В Белом доме серьезно относились к подготовке первой встречи Рейгана с новым советским лидером. Тем более что роли двух глав государств радикально изменились. На этот раз стареющий американский президент встречался с гораздо более молодым, динамичным и, стало быть, потенциально более опасным советским руководителем. Для подготовки шефа к этому испытанию аппарат президента подготовил более 24 досье, посвященных российской истории, ее культурным традициям и психологическим характеристикам самого Горбачева. Филиал ЦРУ направил из Парижа в Вашингтон видеозапись недавнего визита советского лидера во Францию в октябре 1985 года.

В записке, адресованной Рейгану, его советник по национальной безопасности Роберт Макфарлейн, написал: «Горбачев может продемонстрировать более прагматичный и неидеологический подход к советско-американским проблемам... Главная цель саммита (в Женеве) для него в том, чтобы подчеркнуть равный статус СССР в отношениях с США в глазах собствен-

ного и мирового общественного мнения... Он будет считать своим успехом, если ему удастся создать образ авторитетного и харизматичного лидера, способного достойно представлять свою страну... Если получится добиться конкретных результатов, он представит это как свое личное достижение, если нет — объявит вас ответственным за неудачу».

Перед самой встречей по карманам костюма Рейгана были расставлены шпалгалки для ответов на сложные вопросы. Бывший актер даже попросил своего посла в Москве Джека Мэтлока, внешне похожего на Горбачева, порепетировать с ним в течение нескольких часов воображаемые переговоры.

Начавшись настороженно, встреча двух лидеров рисковала превратиться в диалог глухих. После окончания первого заседания Рейган в окружении своих советников охарактеризовал советского лидера как «упертого коммуниста».

Со своей стороны, Горбачев после двухчасовых попыток пробить панцирь предубеждений своего американского собеседника назвал его «динозавром», который только что вылез из холодильника холодной войны.

Начавшись настороженно, встреча двух лидеров рисковала превратиться в диалог глухих.

После окончания первого заседания Рейган в окружении своих советников охарактеризовал советского лидера как «упертого коммуниста». Со своей стороны, Горбачев после двухчасовых попыток пробить панцирь предубеждений своего американского собеседника назвал его «динозавром», который только что вылез из холодильника холодной войны.

Несмотря на советы своего окружения, стремившегося свести встречу к сеансу фотографирования перед прессой, Рейган тем не менее проявил живой интерес к своему партнеру-коммунисту и в конце саммита признался своему спичрайтеру Пату Бьюкенену, что считает возможным «работать с этим парнем». Он даже спросил у своих советников, не пора ли ему предложить Горбачеву обращаться друг к другу по имени — Ронни и Майкл.

При этом нельзя сказать, что попытки растопить лед, накопившийся в советско-американских отношениях, не предпринимались с обеих сторон. Коммунист Горбачев, поднимая тост, цитировал Библию. Рейган, в свою очередь, упомянул 43-ю годовщину начала Сталинградской битвы, «которая изменила ход Второй мировой войны».

Однако если не считать торжественной декларации, в которой Рейган и Горбачев объявили, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, поскольку в ней не будет победителей»,

саммит в Женеве не привел к прорыву, ожидавшемуся Горбачевым. Он понимал, что для достижения настоящих результатов в переговорах о разоружении — его главной цели — словесных деклараций о благих намерениях недостаточно. За то, чтобы разрушить стену недоверия со стороны Запада, придется заплатить цену, т.е. пойти на односторонние уступки.

Во время переговоров с Хавьером Пересом де Куэльяром, генеральным секретарем ООН, с которым он встретился в Москве 29 июня 1987 года, Горбачев так характеризовал свой метод: «Наша тактика — тащить наших партнеров за собой. Нужно, чтобы кто-то проявил инициативу и сделал первый шаг. Даже если наши партнеры к этому не готовы, мы должны это сделать сами».

Целью нового советско-американского саммита в Рейкьявике в октябре 1986 года, с инициативой которого он выступил, было поэтому сделать такое предложение Рейгану, от которого бы тот не смог отказаться. Для этого следовало изменить советскую позицию, чтобы максимально приблизить ее к американским позициям.

Такой подход мог принести плоды. Джек Мэтлок, присутствовавший на саммите, рассказывал о сюрреалистической сцене собрания всей американской делегации в ванной комнате особняка Хофди в Рейкьявике, где проходила встреча двух лидеров. Это было единственным местом здания, где американские спецслужбы, как они считали,

могли обеспечить защиту от прослушки. Американский президент сидел на «троне»-унитазе, а некоторым его советникам пришлось забраться в ванну.

«Неожиданно для себя мы обнаружили, — пишет Мэтлок, — что Горбачев обещает нам выполнить большую часть требований, выдвинутых Рейганом в области сокращения баллистических ракет». В самом деле Москва включила в свое предложение взаимную ликвидацию 50% межконтинентальных «тяжелых» ракет, по которым у Советского Союза было преимущество, а также согласие на «нулевой вариант» по советским и американским евrorакетам, что представляло собой сердцевину варианта Рейгана. В качестве дополнительной «изюминки» Горбачев впервые пошел на то, чтобы вынести за скобки из западного списка ядерные средства Франции и Великобритании, которые до этого советские переговорщики всегда засчитывали в общий наступательный потенциал стран НАТО.

Дополнительным элементом пакета Горбачева, который должен был привлечь внимание американского президента, не устававшего напоминать о своем отвращении к атомному оружию, было предложение полностью ликвидировать ядерное оружие двух супердержав в течение десяти лет.

Надо напомнить, что после весны 1986 года Горбачев находился под впечатлением от Черно-

быльской катастрофы, случившейся 26 апреля. Это объясняет, почему к политическим резонам его желания добиться ядерного разоружения добавлялись психологические причины, сближавшие его с Рейганом, не устававшим говорить об «аморальности» атомной бомбы.

Чернобыльская катастрофа разрушила некоторые мифы, бытовавшие и в советских военных кругах. Так, советский министр обороны Дмитрий Язов в своих мемуарах написал, что до Чернобыля он считал возможной победу Советского Союза в ядерной войне.

Надо отметить, что Чернобыльская катастрофа, превратившаяся в демонстрацию возможных последствий ядерного взрыва в центре Европы, разрушила некоторые мифы, бытовавшие и в советских военных кругах. Так, советский министр обороны Дмитрий Язов в своих мемуарах написал, что до Чернобыля он считал возможной победу Советского Союза в ядерной войне.

В ответ на свое столь щедрое предложение советский лидер ожидал лишь одной уступки со стороны США – обязательств ограничить программу СОИ лабораторными исследованиями, не доводя их до практических испытаний в космосе (что, по мнению советских экспертов, противоречило соглашению по ПРО).

Однако, даже будучи впечатленным комплексом советских предложений, Рейган не готов был пожертвовать своим проектом «Звездных войн». В конце концов надежда на соглашение в Рейкьявике разбилась о единственное слово — «лаборатория».

Выходя с последней встречи, Горбачев, заметно разочарованный, признался своему американскому коллеге: «Господин президент, вы упустили исторический шанс войти в Историю как великий лидер, которому удалось открыть путь к ядерному разоружению». Рейган ответил одной фразой: «Это касается нас обоих». Шеф его кабинета позже ему сказал: «Рон, мы были в двух шагах от соглашения. Позор, что мы этого не достигли». По словам Мэтлока, если бы Нэнси сопровождала Рейгана в Исландии, она бы его убедила задержаться в Рейкьявике еще на день, чтобы избежать неудачи.

Парадокс саммита состоял в том, что несмотря на отсутствие подписанных документов, он стал психологическим поворотным пунктом в отношениях между двумя лидерами и дал возможность добиться важных прорывов в области разоружения в последующие месяцы. По свидетельству Анатолия Черняева, его шеф вернулся из Рейкьявика убежденным в желании Рейгана положить конец гонке вооружений: «Впервые он пришел к внутреннему убеждению, что американцы не намерены атаковать СССР первыми».

Что касается Рейгана, как вспоминал Джордж Шульц, он был под большим впечатлением после разговора с Горбачевым с глазу на глаз, который его «убедил в том, что взгляды его собеседника, даже если они расходились с его собственными, были искренними».

Можно, таким образом, предположить, что по крайней мере лично для Горбачева и Рейгана холодная война закончилась в Рейкьявике в октябре 1986 года. То, что последовало, было логичным развитием этого вывода и привело к постепенной разборке завалов взаимного недоверия, накопившихся за годы противостояния.

ПО СОВЕТУ АСТРОЛОГА

Горбачев торопился. Он чувствовал, что отведенное ему время ограничено, и поэтому хотел максимально воспользоваться уровнем доверия, установившегося между ним и Рейганом. Через год после «неудачи» Рейкьявика Горбачев, развязав «пакет» своих первоначальных предложений, подписал в Вашингтоне в декабре 1987 года Договор по РСМД (о ликвидации советских и американских ракет средней и меньшей дальности). Название «евроракеты» к ним было применять уже нельзя, поскольку Договор охватывал аналогичные советские вооружения, развернутые в Сибири недалеко от китайской границы. (Со-

ветская делегация в Вашингтоне не понимала, почему американцы настаивают на подписании соглашения во вторник 8 декабря точно в 13:45. Позднее выяснилось, что дату и время выбрала Нэнси Рейган после консультации со своим астрологом.)

Чтобы подписать этот договор, Горбачеву пришлось расплачиваться за те широкие жесты, которые в свое время Брежнев делал в отношении военных. Он согласился уничтожить (под контролем американских инспекторов, что было немыслимо в эпоху холодной войны) 1752 сверхсовременные советские ракеты СС-20, тогда как американцы должны были приговорить вдвое меньше — 859 «Першингов» и «Томагавков».

Что касается пресловутой СОИ, которая «утопила» саммит в Рейкьявике, Горбачев нашел неожиданно эффективный способ от нее избавиться: проигнорировать ее, дав возможность ей умереть собственной смертью (что в конце концов и произошло).

Поначалу намерения преемника Рейгана, Джорджа Буша-старшего, не были ясны Горбачеву. Его опасения оказались оправданными. Скорость, с которой он рассчитывал продвигаться, резко снизилась. Новая американская администрация решила взять «паузу для размышлений» в вопросах внешней политики, объявив фактический мораторий на политические контакты с Москвой.

Осторожный Буш, хотя и был готов верить в искренность намерений советского лидера, не торопился признать, что реформы, производимые Горбачевым внутри страны, представляют собой реальный шанс трансформации советской системы, а не просто способ обеспечить ее выживание.

Ближайшие помощники американского президента усиливали его колебания. Brent Scowcroft, советник по национальной безопасности, сделал в январе 1989 года категоричное публичное заявление: «Холодная война не закончена». Несколько месяцев спустя, в мае, Марлин Фицджеральд, пресс-секретарь Белого дома, обвинил Горбачева в двойной игре и сравнил его инициативы по разоружению с поведением «загулявшего ковбоя в бакалейной лавке».

«Устроить советским проверку» и «оставить Москву вариться в собственном соку» — таковы были лозунги Белого дома в начале 1989 года. Сам Буш, объясняя, почему он решил не торопиться в отношениях с Горбачевым, часто повторял, что если предложенные им инициативы реальны, они никуда не денутся. Поощряемый Бейкером и Скоукрофтом, Буш хотел убедиться в устойчивости феномена Горбачева и в том, что принятое им революционное преобразование советской системы приобрело необратимый характер.

Эта позиция кардинально отличалась от ситуации Горбачева, находившегося под растущим дав-

лением консервативных сил в стране. Из-за этого между Москвой и Вашингтоном возникла полная асимметрия в том, что касалось приоритетов в повестках дня и их календаря. Переживавшему глубокий внутренний кризис Горбачеву не терпелось представить советскому населению позитивные итоги его внешней политики.

Между Москвой и Вашингтоном возникла полная асимметрия в том, что касалось приоритетов в повестках дня и их календаря. Переживавшему глубокий внутривластный кризис Горбачеву не терпелось представить советскому населению позитивные итоги его внешней политики.

В конце 1989 года Черняев с горечью отмечал в своем дневнике: «Потерянный год». Потерянный для развития двусторонних отношений и особенно для планов Горбачева. Целый год — огромный срок в короткой жизни исторического проекта, который съеживался, как шагреновая кожа.

При этом, пытаясь закончить холодную войну, Горбачев вовсе не собирался делать подарок Западу, чтобы получить Нобелевскую премию. Для него речь шла в первую очередь об освобождении своей страны от монстра ВПК, пожиравшего ее экономику и душившего советское обще-

ство, не позволяя ему открыть глаза на вызовы нового века.

Ради этого он сделал рискованную ставку: попробовать обеспечить развитие и сохранение единства советского государства, избавив ее от статуса осажденной врагами крепости. Такой подход принципиально отличался от линии предыдущих руководителей страны — от Сталина до Брежнева, включая Хрущева, — которые видели в поддержании конфронтации с внешним миром в форме либо горячей, либо «холодной» войны важный политический рычаг для сохранения единства советского общества и обеспечения выживания коммунистической системы, закованной в спасительный бронежилет...

Речь Горбачева на Генеральной Ассамблее ООН 7 декабря 1988 года была встречена продолжительной овацией всего зала. Однако в правящих кругах Запада реакция на нее колебалась от удивления до недоверия. По словам министра иностранных дел ФРГ Ганса-Дитриха Геншера, «призыв Горбачева не произвел большого эффекта в тот момент; большинство руководящих кругов Запада его не оценили». Редактор *New York Times* признавал тем не менее: «Возможно, никогда еще со времен Вудро Вильсона, представившего свои «Четырнадцать Пунктов» в 1918 году, которые позволили создать Лигу Наций или Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля, подписавших Атлантическую хартию в 1941 году, ни

один политик не демонстрировал такое перспективное видение мира, как это сделал Михаил Горбачев на заседании ООН».

Сам Горбачев охарактеризовал свое выступление в ООН как «линию водораздела» в советской внешней политике. По мнению Черняева, его речь была задумана как «анти-Фултоновская», своего рода ответ на знаменитое выступление Черчилля сорок два года назад. Горбачев предлагал Объединенным Нациям новую доктрину, которая, по его убеждению, могла бы стать «вехой в мировой истории». Он позже писал: «Я хотел показать международному сообществу, что мы входим в совершенно новый период истории, где принципы традиционных отношений между государствами, основанные на соревновании и балансе сил, должны смениться на сотрудничество и солидарность».

Однако, взяв торжественное обещание «уважать свободу выбора» всех народов и призвав отказаться от применения силы в международных отношениях, Горбачев, тем самым похоронивший «доктрину Брежнева», оправдывавшую советское вторжение в Чехословакию, возможно, не представлял, что это совсем скоро приведет к краху двух империй, контролируемых Москвой: Варшавского пакта и самого Советского Союза.

После объявления Горбачевым о выводе 500 тысяч советских солдат вместе с танками и артиллерией из Восточной Европы, теория па-

дающих костяшек домино, сформулированная Джоном Фостером Даллесом, оказалась применимой не к угрозе распространения коммунизма, а к советскому блоку. Восточноевропейские страны, члены Варшавского договора, поторопились воспользоваться «правом на выбор», провозглашенным Горбачевым, чтобы избавиться от коммунистических режимов в 1989 году и добиться роспуска самого Пакта в 1991 году.

Тем временем поток инициатив Горбачева не иссякал и даже нарастал. Весной 1989 года советская армия покинула Афганистан, тем самым подтвердив обещание Горбачева Франсуа Миттерану, сделанное во время их первой встречи в Москве по случаю похорон Черненко.

Объединенная после падения Берлинской стены Германия была принята в НАТО с согласия советского президента, которого представители Запада (Бейкер, Коль и Мейджор) заверили, что военные структуры блока не двинутся «ни на дюйм» на восток к границам СССР.

Объединенная после падения Берлинской стены Германия была принята в НАТО с согласия советского президента, которого представители Запада (Бейкер, Коль и Мейджор) заверили, что военные структуры блока не двинутся «ни на дюйм» на восток к границам СССР. (Рассчиты-

вая получить в обмен на это обещание согласие Горбачева на вступление объединенной Германии в НАТО, Джим Бейкер говорил ему в январе 1990 года, что это будет отвечать и интересам Советского Союза, потому что иначе предоставленная самой себе Германия вне контроля ее западных союзников может захотеть обзавестись собственным ядерным оружием.)

Горбачев надеялся, что добрая воля, которую он продемонстрировал и подтвердил своими конкретными действиями, достаточны, чтобы западный мир признал Советский Союз как партнера, достойного доверия, и что отношения нового типа между Россией и внешним миром позволят осуществить его главную цель: спокойный, без насилия выход страны из 70 лет коммунистического режима.

Однако только летом 1989 года после поездки по Восточной Европе Буш пришел к выводу о необратимости революционных изменений, вызванных политикой Горбачева. Он заявил тогда своему ближнему окружению: «Этот парень и есть реальная Перестройка, и я хочу, чтобы ему все удалось». В декабре 1989 года, прибыв на саммит в Мальте месяц спустя после падения Берлинской стены, он выразил однозначную поддержку Горбачеву. Тот, в свою очередь, заверил Буша, что советские не считают больше США своим врагом. Топор войны был, кажется, надежно зарыт на дне Средиземного моря.

Между тем психологический успех Горбачева на Мальте запоздал. И хотя его усилия (и терпение) были, казалось, вознаграждены, удовлетворение от них имело горький привкус. Чтобы достичь этих результатов, ему пришлось пойти на целую серию односторонних инициатив, растратив таким образом значительную часть своего основного капитала: кредита доверия перестройке от населения страны, ожидавшего от нее прежде всего улучшения повседневной жизни.

Как писал впоследствии в своих мемуарах Джек Мэтлок, «Горбачев стал первым советским лидером, который поставил национальные интересы страны, как он их понимал, выше интересов партии. И принципы, в которые он верил, — выше забот о сохранении своего поста». Это опровергает распространенный среди западных экспертов тезис о том, что Рональд Рейган поставил СССР на колени. Бывший американский посол в Москве однозначно утверждает: «Не Рональд Рейган, а Михаил Горбачев положил конец коммунистической системе в Советском Союзе». Как бы подтверждая его слова, сам Рейган в одном из интервью с присутствующим ему юмором бывшего голливудского актера говорит: «Должен признать, что на этот раз я неплохо сыграл роль актера второго плана».

Однако модернизировать политическую систему без того, чтобы заплатить за выход из коммунистической утопии необходимую и болезненную для населения «цену свободы», как ее назвал

советник Горбачева Георгий Шахназаров, было невозможно без внешней помощи Запада и особенно Европы в рамках того, что Горбачев называл Общеввропейским Домом. Но именно в этом он чувствовал себя лишенным поддержки и даже преданным Западом.

В 1991 году практически все, что Запад рассчитывал получить от Горбачева (и на что еще несколько лет назад не мог надеяться), было достигнуто. Стратегические соглашения о ядерном разоружении между Соединенными Штатами и Советским Союзом были подписаны или находились в стадии подготовки, как и Договор об обычных вооружениях в Европе, который должен был положить конец многолетнему превосходству советских войск над силами НАТО. Советский «ограниченный контингент» ушел из Афганистана, а охранявшие с 1945 года «железный занавес» и новый «санитарный кордон» СССР войска покинули Восточную Европу.

Вся эта «распродажа» имперского состояния Советского Союза происходила практически без ощутимых встречных жестов со стороны Запада. Главное, что Горбачев хотел получить от него в ответ, — это признание Западом реформированного Советского Союза равным партнером и участником строительства нового мирового порядка.

Вся эта «распродажа» имперского состояния Советского Союза происходила практически без ощутимых встречных жестов со стороны Запада. Главное, что Горбачев хотел получить от него в ответ, — это признание Западом реформированного Советского Союза равным партнером и участником строительства нового мирового порядка.

Кроме этого он рассчитывал на то, что прежняя, основанная на обоюдном страхе взаимного уничтожения, блоковая система международной безопасности будет заменена на коллективную, опирающуюся на общий интерес и что у западных политиков хватит дальновидности и понимания собственной заинтересованности в том, чтобы помочь населению огромной страны расстаться со своим драматическим прошлым.

Однако в реальности все пошло по-другому. Европа предпочла вытолкнуть Россию за свои пределы в сторону Азии и Китая. «Мы бросили Горбачева», — считает Роллан Дюма, глава французской дипломатии в 1988–1993 гг. Роспуск Варшавского пакта не привел ни к исчезновению НАТО, изначально предназначенного для защиты Европы от «советской угрозы», ни к созданию системы коллективной безопасности с участием СССР, как это предусматривала Парижская хартия для Новой Европы, подписанная в ноябре 1990 года. Что касается американцев, предчувствуя, что дни

советского президента в Кремле сочтены, они торопились максимально закрепить те стратегические преимущества, которые им позволил получить «шанс Горбачева».

В экономическом плане дела обстояли не лучше, поскольку экономика страны была подорвана десятилетиями командно-административной системы и Госплана, а также разорительной гонкой вооружений, навязанной соревнованием с США за статус сверхдержавы. Так же, как Европа, разрушенная войной, нуждалась в плане Маршалла, так и СССР в момент прыжка через пропасть к рыночной экономике не мог обойтись без поддержки. Однако когда Горбачев обратился за помощью к лидерам «большой семерки» в Лондоне в июле 1991 года, американцы, контролировавшие предоставление кредитов, дали понять, что они не готовы инвестировать в «нерентабельные проекты». Горбачев предупреждал тогда, что без поддержки перестройка потерпит крах, и его самого заменят в Кремле генералы.

Говоря об этом, он не преувеличивал. Статус надежного партнера в глазах Запада ему пришлось оплатить стремительным ослаблением собственной позиции внутри страны. Генералы, до сих пор беспрекословно ему подчинявшиеся, начали открыто бросать вызов своему главнокомандующему. В июне 1990 года генерал Макашов развернул наступление, заявив на пленуме Центрального Комитета: «Советская армия покину-

ла без единого выстрела страны, которые наши отцы освободили от фашизма». Другие ораторы, не колеблясь, называли политический триумф Горбачева на Мальте «новым Мюнхеном».

Дмитрий Язов, министр обороны, заявил членам советской делегации:

«Этот договор означает, что мы проиграли третью мировую войну без единого выстрела».

Несколькими месяцами позже во время подписания в Париже Договора об обычных вооруженных силах в Европе Дмитрий Язов, министр обороны, не успев поставить под ним свою подпись, не скрывая досады, заявил членам советской делегации: «Этот договор означает, что мы проиграли третью мировую войну без единого выстрела». В августе 1991 года, спустя месяц после возвращения Горбачева из Лондона с пустыми руками, Язов станет одним из инициаторов неудавшегося путча в Москве.

Еще через четыре месяца, двадцать пятого декабря 1991 года, демократически избранный первый и последний президент СССР будет вынужден уйти в отставку. Эта отставка и последовавший затем распад огромного государства, которое он надеялся спасти путем модернизации, стали ценой, которую Горбачев заплатил за свои иллюзии и, возможно, чрезмерные амбиции.

Однако воздадим ему должное: он бросил вызов не только собственной стране, но и всему миру, впервые предоставив ему возможность основать свою безопасность на коллективном решении кризисов в духе взаимопомощи перед лицом новых общих глобальных вызовов и угроз. Возможно, он верил, что опыта холодной войны будет достаточно, чтобы вакцинировать политические элиты от его повторения, и они перестанут использовать взаимный страх как фактор стабильности. Его оптимизм его подвел.

Глава 4

НАЛИТЬ НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХИ

Существуют только две реальные трагедии в жизни: одна, когда ваши желания не осуществляются, другая, настоящая, когда вы достигаете всего, чего хотели.

Оскар Уайльд

Если опыт XX века не послужит нам уроком, мир переживет страшную трагедию.

*Александр Солженицын.
Зубы дракона*

КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Распад Советского Союза был воспринят Западом как безоговорочная капитуляция исторического противника и закономерный триумф капитализма и либеральной демократии в планетарном масштабе. Короче, голливудский хеппи-энд, или «конец истории», предсказанный Фукуямой. Между тем ничто не свидетельствовало о том, что еще незадолго до этого события западные лидеры предвидели возможность распада СССР, и поэтому, конечно, не были к этому готовы. «Главный парадокс холодной войны состоял именно в том, — отмечал историк Эрик Хобсбаум, — что Советский Союз погиб не от конфронтации, а от разрядки».

Должен ли был конец холодной войны стать победой добра над «Империей Зла»? Подарил ли крах коммунистической утопии шанс для торжества новой утопии — ультралиберализма? Сегодня мы видим, что если коммунизму в его большевистском варианте понадобилось семьдесят лет,

чтобы исчерпать свой потенциал и умереть практически собственной смертью, то ультралиберальная утопия достигла своих пределов меньше чем за четверть века.

Если коммунизму в его большевистском варианте понадобилось семьдесят лет, чтобы исчерпать свой потенциал и умереть практически собственной смертью, то ультралиберальная утопия достигла своих пределов меньше чем за четверть века.

Один вариант упрощенного видения мира оказался заменен другим. Однако новая мифология страдала от первородного греха. Оставшаяся в одиночестве сверхдержава США сочла себя облеченной исторической миссией: управлять доставшимся ей однополярным миром практически в одиночку. Казалось, что никто в мире не был готов оспаривать безраздельное господство американской модели. Даже бывший стратегический соперник США — Россия, расставшись с коммунистическим прошлым, давала понять, что готова принять религию нового бога: либеральной демократии и рыночной экономики, а также главенство ее пророка — США.

Такая интерпретация конца холодной войны опиралась на давно укоренившееся в Америке представление о США как о нации, избранной бо-

гом для установления мирового порядка, без того, чтобы отчитываться перед кем бы то ни было за свое поведение.

В 1990 году Джордж Буш-старший был полон энтузиазма, объявив перед Конгрессом, подобно Рузвельту в Ялте, наступление золотого века «нового мирового порядка, основанного на международном праве». Однако после распада СССР образ «великодушной империи» быстро развеялся и нашел свое конкретное воплощение в новых попытках утверждения Pax Americana — «американского мира». Планета должна была принять как новую униформу модель, навязанную экономическим, технологическим и финансовым превосходством США, подкрепленную при необходимости их военной мощью.

Победители пророчили планете стандартизированное будущее. Их проект предполагал унифицировать прошлое, точнее говоря, свести к одному шаблону все разнообразие различных и самобытных культур и цивилизаций отдельных народов. Однако едва закрылась дверь за холодной войной, Запад столкнулся с парадоксом. Мало кто ожидал, что «прекрасный новый мир» окажется конфликтным, раздробленным, безразличным к правам человека и склонным скорее к религиозному радикализму, чем к ультралиберализму.

Попытка загнать разнообразие мира в прокрустово ложе единых стандартов не могла не

вызвать сопротивление. К дремлющим конфликтам, пробужденным внезапно оттаявшей вечной мерзлотой холодной войны, добавились новые, спровоцированные попытками Запада монопольно управлять новым миром.

Глобальная конфронтация между двумя заклятыми противниками, хотя и грозила миру тотальным разрушением, позволяла — пусть и извращенным образом — стабилизировать международную ситуацию, сводя к незначительным или второстепенным проблемам большинство других конфликтов.

Снимите глобус с оси, и он покатится по наклонной. В пору холодной войны страх мирового конфликта играл роль графитового стержня, предотвращающего взрыв в атомном реакторе. С его исчезновением история, как разрушившая запруду река, возобновила свое естественное течение. Подавленные противоречия и нерешенные конфликты поднялись на поверхность. Мир, выбившийся из колеи, проложенной холодной войной, оказался в состоянии крайней нестабильности.

Утопия «одномерного» мира, где мог бы править один верховный лидер, уступила место кошмару разбуженного хаоса. Многочисленные противоречия реального мира начали упрямо напоминать о себе. Чтобы справиться с ними, уже не хватало объединенных ресурсов «мягкой и жесткой силы» одинокой «гипердержавы», как

назвал США бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин.

Гипотетическая третья мировая война, которая в течение десятилетий грозовой тучей висела над миром, пролилась потоками множества локальных конфликтов, зачастую разрушительных и кровопролитных. Вернулись понятия «геноцид» и «этнические чистки», сменив кампании идеологических, социальных и расовых репрессий прошлых десятилетий.

Гипотетическая третья мировая война, которая в течение десятилетий грозовой тучей висела над миром, пролилась потоками множества локальных конфликтов, зачастую разрушительных и кровопролитных.

Вместо того чтобы вести мир к светлому будущему, энергия, освобожденная концом холодной войны, спровоцировала колоссальный откат истории, возвращая целые регионы мира на десятилетия — если не на века — назад: к эпохе варварства, к Варфоломеевским ночам межрелигиозной резни, клановым, межэтническим и племенным конфликтам с их трагической данью в виде массовых жертв гражданского населения.

На фоне этого пейзажа после битвы по всему миру взошли посеянные «зубы дракона»: местные конфликты, часто спровоцированные или раз-

дутые секретными службами, армии наемников, брошенные их бывшими хозяевами, отправились искать новые фронты или новые контракты. Итог, пока предварительный, оказался более трагичен, чем результаты холодной войны. Не говоря уже о горах оружия, накопленного в течение десятилетий для подготовки к решающей, хотя и самоубийственной битве.

После битвы по всему миру
взошли посеянные «зубы дракона»:
местные конфликты,
часто спровоцированные
или раздутые секретными службами,
армии наемников, брошенные
их бывшими хозяевами,
отправились искать новые фронты
или новые контракты.

В середине 1970-х годов СССР имел танков больше, чем все страны мира, вместе взятые. Свидетели рассказывают об огромных пространствах сибирской тайги, где под открытым небом были брошены целые танковые армии, в то время как с конвейеров военных заводов продолжали сходить новые, так как никто не решался прекратить их производство.

Поскольку ликвидация арсенала стоила дороже его хранения, было решено их распродать или попросту раздать клиентам на разных конти-

нентах. Это позволило обогатиться многочисленными посредникам и привело к появлению новых рынков оружия, а значит, к новым конфликтам и новым войнам. Эти коммерческие схемы позволяли избавляться от старых моделей (по-прежнему весьма опасных) и создавать полигоны для испытания новых образцов оружия (еще более смертоносных).

Если кто и заслужил памятник победителя в холодной войне, так это не генерал, не политик, а скромный инженер Михаил Калашников, давший свое имя всемирно известному автомату. Он мог бы поделить подиум с американскими конструкторами «Стингера» – ПЗРК, щедро раздававшегося Пентагоном и ЦРУ афганским талибам для того, чтобы сбивать советские вертолеты и самолеты. После ухода советских войск из Афганистана секретные службы США пытались выкупать их обратно по цене 100 000 долларов за штуку. А когда советских в Афганистане сменили американцы, это оружие талибаны начали обращать против самих американцев.

Очевидно, что огромная «экономика войны» в обоих лагерях подчиняла себе гражданскую экономику, диктуя ей свои приоритеты. Еще в 1950-е годы президент Эйзенхауэр обличал пагубную роль военно-промышленного лобби. После холодной войны это лобби не только не ослабило свою хватку в отдельных странах и на мировых рынках, но и адаптировалось к новой

реальности зачастую быстрее политиков, подчиня мировую политику своим интересам, аппетитам и амбициям.

У многих на памяти восторг, вызванный падением Берлинской стены в 1989 году. Но за «Одой к радости» Бетховена, исполненной у Бранденбургских ворот, последовало тяжелое похмелье. Как будто История, увязнув в XX веке, отказывалась двигаться вперед, а тянула мир назад, не останавливаясь перед риском возрождения ужасов и катастроф прошлого.

В Европе ремейк истории коснулся прежде всего многонациональных государств, некоторые из которых образовались в результате распада империй, начавшегося после окончания Первой мировой войны. За СССР последовали и другие страны, возникшие в начале века по решению Версальского и Трианонского договоров. Однако их распад происходил по-разному.

Если Чехословакия мирно разделилась на два государства на основе полюбовного соглашения, то в Югославии развод происходил в условиях жестокого насилия, возродившего в Европе память о балканских войнах 1912–1913 годов.

В отличие от Советского Союза, роспуск которого в 1991 году произошел относительно мирно, Югославия в том же году вступила в мучительный процесс, растянувшийся на десятилетие войн и гражданских конфликтов между бывшими

республиками и этническими, а также религиозными меньшинствами. Население этой страны переживало полосу насилия и этнических чисток не один год.

Вне европейского континента
надежды на установление нового
мирового порядка рассеялись
еще быстрее.

Вне европейского континента надежды на установление «нового мирового порядка» рассеялись еще быстрее. С тех пор, как угроза ядерного конфликта перестала поддерживать стабильность в мире, новые факторы — экономические, культурные и демографические — вышли на передний план мировой политики и начали успешно конкурировать с привычной *hardpower* ядерных держав. Они породили новые, ранее неизвестные конфликты и полюса влияния в Азии, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

На Ближнем Востоке ожидания, возникшие после соглашений в Осло и рукопожатий Арафата с Рабином в Вашингтоне в 1993 году, не сбылись и не привели к конкретным результатам. Едва начавшиеся израильско-палестинские переговоры закончились неудачей.

В Африке драма начавшейся гражданской войны в Сомали привела к угрозе голода. Под-

разделения голубых касок ООН при поддержке американской армии в 1993 году предприняли первую международную миссию под флагом «гуманитарного вмешательства», однако эта операция закончилась неудачей в октябре 1993 года, когда 19 американских солдат подверглись линчеванию толпой в Могадишо. Билл Клинтон решил отозвать свои войска.

Гражданская война в Судане унесла 2 млн жизней и стала причиной перемещения 4 млн беженцев. Символическое присутствие ООН не помешало геноциду тутси в Руанде, устроенному их согражданами хуту в июле 1994 года, — в результате за несколько недель были убиты 800 тысяч человек.

Во всех этих конфликтах — в Сребренице, Могадишо, Кигалии и других — силы «интернационального сообщества» не сумели помешать совершению массовых преступлений. Иногда даже их бездействие воспринималось как сообщничество.

Страшные цифры подорвали престиж международной организации, с которой ее основатели в 1945 году связывали столько надежд. Теоретически получив возможность, право и мандат на выработку коллективных ответов на новые вызовы мира, ООН оказалась парализованной новыми разногласиями внутри «большой пятерки», что сделало ее копией Лиги Наций, оказавшейся неспособной помешать развязыванию Второй мировой войны.

Задуманная в Ялте как центр будущего мирового правительства, ООН была создана на основе принципа «пяти ключей», требующего, чтобы все важные решения принимались с общего согласия пяти постоянных членов Совета Безопасности. Но практически в течение всей холодной войны «эта штуковина», как презрительно называл ООН генерал де Голль, играла во многом декоративную роль, оставаясь заложницей соперничества между двумя блоками.

Не случайно госсекретарь США Джеймс Бейкер назвал датой окончания холодной войны 29 ноября 1990 года, день, когда в Совете Безопасности ООН представители Советского Союза и США вместе проголосовали за резолюцию, которая предусматривала возможное применение силы для того, чтобы заставить иракского президента Саддама Хусейна эвакуировать его войска, оккупировавшие Кувейт.

Лишь после прекращения этого соперничества в годы перестройки Организация получила шанс оправдать свое предназначение. Не случайно госсекретарь США Джеймс Бейкер назвал датой окончания холодной войны 29 ноября 1990 года, день, когда в Совете Безопасности

ООН представители Советского Союза и США вместе проголосовали за резолюцию, которая предусматривала возможное применение силы для того, чтобы заставить иракского президента Саддама Хусейна эвакуировать его войска, оккупировавшие Кувейт.

Однако уже в 2003 году, принимая решение о новом вторжении в Ирак, лидеры США и Великобритании сочли излишним добиваться для этой акции мандата Совета Безопасности ООН. Новый мировой шериф счел, что обязательства, взятые в Ялте, больше не существуют. Зачем тратить время на поиск компромиссов с посткоммунистической Россией, которая не имела стратегического веса СССР и не представляла такой же угрозы, как Советский Союз, если победитель в холодной войне одержал верх?

То же можно было наблюдать в ходе военных действий в Югославии, когда НАТО де факто единолично заменила собой ООН как международную инстанцию по разрешению этого кризиса. Новые правила мировой игры, которым решили следовать США, были описаны американским политологом Ричардом Хаасом: «Вы можете вступать в союз с отдельными странами по отдельным сюжетам в определенные дни недели, что не мешает вам соперничать с этими же странами по другим сюжетам в другое время».

Появились трещины и внутри ранее монолитного западного лагеря. Во время холодной войны

о прочности союза можно было не беспокоиться, ее надежно гарантировала «советская угроза», благодаря которой внутренние противоречия и проблемы уходили на второй план.

В начале 1990 годов советник Горбачева, академик Георгий Арбатов, предупредил Генри Киссинджера: «Мы сделаем с вами самое худшее: лишим вас врага». Поиск нового врага стал поэтому для американской сверхдержавы вопросом ее выживания. За рецептом далеко ходить было не надо — его сформулировал Джордж Оруэлл в своем «1984»: надо немедленно объявить новую войну новому врагу. Сталин поступил так в 1946 году, Трумэн — в 1947 году.

За дело взялась окружавшая Джорджа Буша-младшего команда неоконсервативных идеологов, полных решимости не растерять преимущества США, связанные с их победой в холодной войне. Не хватало только катализатора. Если бы не было Бен Ладена, его следовало бы изобрести.

АМЕРИКА В ПОИСКАХ ВРАГА

Мало найдется политиков, которые бы не поддались искушению большого упрощения реальности, которое дарит война. Нет более эффективного способа положить конец нестабильности и демобилизации, сопровождающим

политические дебаты в мирное время. При новом столкновении со злом вся внутренняя оппозиция подавляется, и нации внушается уверенность в принадлежности к лагерю добра. Колеблющимся союзникам не остается другого выбора, как следовать за лидером. Кто лучше военачальника мобилизует собственный лагерь и подавит оппозицию? Знаменитое определение войны Клаузевицем можно было бы уточнить: «Война есть продолжение **внутренней** политики другими средствами».

Здесь уже упоминалось использование необъявленной войны в Камбодже, развязанной Ричардом Никсоном, которая гарантировала ему благополучное переизбрание. Или война на Мальдивских островах, позволившая Маргарет Тэтчер заставить замолчать оппозиционные силы, выступавшие против ее внутренней политики, в том числе из ее собственной партии. Таким же образом поступили два президента во Франции: Николя Саркози, выступивший инициатором вторжения сил НАТО в Ливию и Франсуа Олланд, отправивший войска в Мали.

Но тот, кто говорит о войне, должен назвать врага. После того как Советский Союз перестал играть роль Большого Злодея, для Соединенных Штатов было непросто найти ему достойную замену. Гигантская американская военная машина, созданная ради стратегии сдерживания СССР, осталась на время не у дел.

В 1993 году Самюэль Хантингтон в своей большой статье для журнала *Foreign Affairs* изложил основные тезисы своей теории «конфликта цивилизаций». Профессор Гарварда предсказывал рост глобальных конфликтов в новом веке и изменение их характера. По его мнению, конфронтацию между главными идеологиями прошлого века сменяют межрелигиозные, межэтнические и культурные конфликты.

Но тот, кто говорит о войне,
должен назвать врага.

После того как Советский Союз
перестал играть роль Большого Злодея,
для Соединенных Штатов
было непросто найти
ему достойную замену.

В этом же 1993 году в подвале Всемирного торгового центра в Нью-Йорке взорвалась бомба, которая должна была уничтожить одну из высотных башен. Мир впервые услышал о малоизвестной Аль-Каиде*¹. Правда, тогда секретные службы США, по инерции продолжавшие со времени советской интервенции поддержку различ-

¹ Здесь и далее: организации, помеченные звездочкой (*), согласно решениям Верховного суда РФ, признаны террористическими или экстремистскими и их деятельность запрещена в Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

ных исламистских движений в Афганистане, не могли даже вообразить, что армия солдат Аллаха, в создании которой они сами участвовали, в один прекрасный день выберет США и его европейских союзников в качестве своей главной цели.

Прошло пять лет, прежде чем Соединенные Штаты в 1998 году оценили масштаб новой угрозы. Седьмого августа американские посольства в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания) подверглись нападению группировок, руководимых Бен Ладеном, в результате чего погибли и были ранены несколько сот человек. В ответ Билл Клинтон приказал выпустить 70 ракет по лагерю Аль-Каиды* в Афганистане. Не нанеся реального ущерба структурам Бен Ладена, эта демонстрация силы, в сущности, сыграла на руку стратегии исламского экстремизма, поставившего своей целью втянуть США в конфликт с мусульманским миром.

11 сентября 2001 года ловушка захлопнулась. В Нью-Йорке и Вашингтоне террористическая атака, спланированная Бен Ладеном, унесла три тысячи жизней и оставила после себя тысячи раненых. Пораженная в самое сердце своей империи, Америка открыла для себя нового устрашающего врага и объявила устами президента Джорджа Буша-младшего «войну против терроризма».

Бен Ладен оказался в выигрыше. Ответ Соединенных Штатов на террористическую атаку, кото-

рая стала для миллионов американцев символом нового Перл-Харбора, не ограничился карательной операцией против режима талибанов в Афганистане. Весной 2002 года в Афганистане спецоперация «Неукротимая свобода» практически закончилась.

Однако неоконсерваторам из окружения Буша нужна была победа повнушительнее успеха полицейской операции против племен, рассеянных в афганских горах. Они считали, что настоящий мир для Америки наступит после победы в настоящей войне, пусть и превентивной. После того как операция спецподразделений американской армии при поддержке племен Северного альянса и русских советников, направленных Путиным в помощь Бушу, вынудила Бен Ладена прятаться в гротах и ущельях Тора-Бора на границе с Пакистаном, США на этом не остановились. А именно этого и ждал шеф Аль-Каиды*.

Речь шла о том, чтобы узаконить новую роль США, которые должны были утвердить свой статус лидера не только «свободного», но и всего мира. Последствия 11 сентября должны были поставить Америку во главе планетарной анти-террористической коалиции.

Объявив «крестовый поход» против терроризма, гипердержава провозглашала себя шефом мирового штаба борьбы за международную безопасность и создания новой архитектуры мира.

Война с терроризмом узаконивала право войск США на военное или полувоенное присутствие как минимум в 137 странах.

Война с терроризмом узаконивала
право войск США на военное или
полувоенное присутствие как минимум
в 137 странах.

В 2003 году Джеймс Линдсей и Иво Даальдер писали в статье «Америка без пут: революция Буша во внешней политике»: «После 11 сентября американское правительство повело себя так, словно Соединенные Штаты имели юридическое право и даже моральное обязательство навести порядок в мире — от Северной Кореи до Ирана, от Афганистана до Йемена и от Филиппин до Колумбии».

В этой международной коалиции под командованием американцев необходимо было продемонстрировать безусловную лояльность по отношению к шефу. «Кто не с нами, тот против нас», — заявил Буш в ноябре 2001 года, повторив фразу из Евангелия. Цели этой планетарной войны не ограничивались больше нейтрализацией террористической угрозы: речь шла о возможности противостоять самым разным угрозам, откуда бы они ни исходили.

Так родилась концепция «оси Зла», на которую Буш нанизал Ирак, Иран и Северную Корею,

никак не связанных с Аль-Каидой*. После этого лидер Ирака Саддам Хусейн стал первым кандидатом на уничтожение под предлогом того, что его режим обладал бактериологическим или химическим оружием исключительной опасности. В своей речи «О положении нации» 29 января 2002 года Джордж Буш обвинял иракского раи-са: «Ирак продолжает нагнетать враждебность к Америке и поддерживать террористов... Это режим, скрывающий свои истинные цели от цивилизованного мира. Государства, подобные ему, а также их союзники-террористы формируют ось Зла, угрожающую миру во всем мире».

Позднее выяснится, что разведывательные данные о разработке Ираком программ по изготовлению оружия массового уничтожения были ложными. А именно на них основывался Конгресс в октябре 2002 года, предоставивший президенту право прибегнуть к направлению вооруженных сил за рубеж. Такие же «доказательства» были сфабрикованы ЦРУ и представлены в феврале следующего года госсекретарем Колин-ом Пауэллом в Совете Безопасности ООН для получения международного мандата на вторжение в Ирак.

В Совете Безопасности ООН не только постоянные члены – Франция, Россия и Китай – но и Германия проголосовали против военной операции. Вопреки этим возражениям американско-британские войска начали наступление 19 марта

2003 года. Для миллионов мусульман во всем мире речь шла о новом вторжении Запада на землю ислама. Бен Ладен мог этому только радоваться. Он и не мечтал о таком успехе террористической операции 11 сентября.

За несколько недель иракская армия была разгромлена. Бушу-младшему этот триумф дал повод сфотографироваться на палубе американского авианосца «Авраам Линкольн» и торжественно объявить о том, что «миссия выполнена!» На пике популярности он использовал свою «маленькую победоносную войну», чтобы сыграть роль лидера нации, который спас честь Америки и смыл унижение от травмы 11 сентября. В 2004 году он был триумфально переизбран на второй срок, подтвердив, что короткая и победоносная война является замечательным козырем в избирательной кампании.

Четыре года спустя он покинул Белый дом, презираемый большинством американцев, торопившихся перевернуть страницу его катастрофического президентства. Буш оставил после себя разрушенный Ирак, подъем волны антиамериканизма на всем Ближнем Востоке, зародыш будущего Исламского государства* и гражданскую войну между шиитами и суннитами, вызванную падением баасистского режима. Но поскольку амбиции новой «доктрины Буша» не ограничивались свержением режима Саддама Хусейна, геостратегические последствия его

крушения значительно превосходили иракскую драму.

Американский проект «Большой Ближний Восток» представлял Ирак, «освобожденный от диктатуры», в виде первой «костяшки домино», которая должна была повлечь за собой падение и демократизацию других авторитарных режимов в этом регионе. Однако Ирак стал «костяшкой», упавшей в противоположную сторону, повергнув Ближний Восток в кризисы и хаос и став подарком для последователей Бен Ладена. В результате преемник Буша Обама унаследовал две незаконченные войны — в Ираке и Афганистане, — которые ему не удалось завершить в течение своих двух президентских сроков, несмотря на Нобелевскую премию, полученную в 2009 году.

Сегодня два самых серьезных вызова, вставших перед победителями в холодной войне, — фанатичный исламский джихад и российский исторический реванш. Эти два явления во многом — результат политики самого Запада за последние три десятилетия, который добился своей цели — создал для себя новых врагов.

Сегодня два самых серьезных вызова, вставших перед победителями в холодной войне, — фанатичный исламский джихад и российский исто-

рический реванш. Как будто ожившие создания неосторожного доктора Франкенштейна, эти два явления во многом результат политики самого Запада за последние три десятилетия, который добился своей цели — создал для себя новых врагов.

УБИЙЦЫ БЕЗ ГРАНИЦ

Во время холодной войны каждый лагерь имел право на своего противника: советский коммунизм или американский империализм. Конец холодной войны, заставший всех врасплох, оставил место врага вакантным. К всеобщему удивлению, исчезновение источника экзистенциальной угрозы не сделало мир более спокойным и прочным. Напротив, в отсутствие одного или нескольких официально признанных противников мировой корабль, как судно, потерявшее управление, теряет курс и рискует пойти ко дну.

Кандидат на эту роль, и это правда, появился довольно быстро. После 11 сентября 2001 года врагом всего мира стал, похоже, исламский терроризм. Он к тому же соответствовал всем критериям: был способен объединить против себя широкую коалицию — от Соединенных Штатов до России, тоже ставшей жертвой террористических атак и вовлеченной в борьбу против чеченского сепаратизма, включая Европу.

Терроризм стал бичом новой эпохи, наступившей после холодной войны. Загадочным, но неожиданно эффективным противником, который может ударить по улицам Парижа, Лондона, Бостона, Берлина или Санкт-Петербурга, и сражаться с которым приходится на расстоянии тысячи километров от мест его преступлений – в Алеппо, Моссуле или Ракке.

Новый противник поставил сразу много вопросов. Идет ли речь о терроризме или исламизме? О тоталитаризме или новой версии фашизма? Является ли он феноменом современной эпохи или религиозной войной тысячелетней давности? Должны ли мы считать этого врага внутренним или внешним? И, соответственно, кто – армия, полиция или, может быть, школа должны быть на первой линии борьбы, чтобы его нейтрализовать или искоренить?

Наконец, закончит ли этот безусловный враг, которого многие считают чумой нового века, тем, что против него объединится мировая коалиция, способная его обезвредить? Или, напротив, ему удастся осуществить свой дьявольский замысел, подтолкнув мир к третьей мировой войне?

В эпоху Второй мировой войны вопрос о главном враге не стоял. Абсолютным злом, с которым следовало бороться и его уничтожить, совершенно очевидно были варварство гитлеровского нацизма, фашизм и японская военная экспансия.

Такой профессионал, как бывший министр обороны США Уильям Перри заметил, что если бы террористы 11 сентября имели в своем распоряжении вместо самолетов атомную бомбу, они бы, не колеблясь, ее использовали. И он описал следующий типичный сценарий: «Контейнер с объявленным грузом продовольственных продуктов, доставленный в аэропорт Далласа, взрывается при перевозке его содержимого в фургоне на Пенсильвания-авеню между Белым домом и Капитолием. В результате погибают президент, вице-президент, председатель Конгресса и 80 тысяч других жертв».

Терроризм исламских радикалов обладает и одним неоспоримым качеством: для борьбы с ним готовы объединиться почти все — и бывшие противники в холодной войне, и, возможно, будущие. По крайней мере, для борьбы с ним они периодически объявляют о своей готовности объединиться или как минимум координировать свои усилия.

Однако в ожидании создания солидных и прочных коалиций каждый ведет борьбу своими средствами, выбирая собственные цели и союзников и нередко используя пугало терроризма для решения своих внутренних проблем. В Соединенных Штатах трагедия 11 сентября послужила предлогом для администрации Джорджа Буша-младшего к началу интервенции в Ирак с целью свержения Саддама Хусейна. Торжествен-

ное объявление войны терроризму президентом Франции Олландом было встречено (редкий случай!) овацией всех депутатов, собравшихся на заседание Конгресса в Версале.

Совершенно в других обстоятельствах турецкий президент Эрдоган сослался на угрозу терроризма, исходившую одновременно от курдских сепаратистов и сторонников его политического противника Фетхуллаха Гюлена, чтобы провести референдум об изменении конституции и укреплении своей вертикали власти. Даже Дональд Трамп, старавшийся подчеркнуть отличие от предшественников практически по всем вопросам, заявил в своей речи на церемонии инаугурации 20 января 2017 года о решимости Америки продолжить прилагать усилия, чтобы «искоренить окончательно» исламский терроризм во время своего мандата.

Однако проблема войн, объявленных терроризму, в том, что их нельзя выиграть. Будь такая возможность, это бы произошло, и феномен, старый как мир, давно был бы искоренен. Приходится напомнить, что терроризм существует уже не один век, и он всегда служил своего рода джокером, пригодным для любой политической игры.

Главная причина постоянных поражений неудачливых инициаторов сражений против терроризма — в неспособности отделить методы войны, которую он ведет, от ее целей. Подобно

динамиту, используемому без различий всеми участниками войн, терроризм идеологически нейтрален и легко может стать политическим средством в любых руках.

Подобно динамиту, используемому без различий всеми участниками войн, терроризм идеологически нейтрален и легко может стать политическим средством в любых руках.

Не пытаясь добраться до его корней (знаменитая секта исмаилитов-убийц известна европейцам с XII века), стоит напомнить, что политический терроризм оставил следы в веках европейской истории, и его преступления отразили многообразие экстремистских течений: нигилисты и русские эсеры, итальянские и американские анархисты, палестинские участники сопротивления, ирландские, баскские и чеченские сепаратисты, не забывая об армянских и курдских борцах с турецкими властями.

Во все времена терроризм был оружием слабых против сильной власти. Он даже заслужил лестный титул «атомной бомбы» угнетенных. Для некоторых его идеологов он представлял собой оправданный ответ террору государства и государственным репрессиям. Для других он был эффективным инструментом ускорения истории.

Михаил Бакунин, убежденный противник любого государства, считал, например, что «террористическое разрушение есть единственный метод создания новых миров». Джозеф Конрад, нарисовавший блистательную картину подпольного мира русских нигилистов в своем романе «На взгляд Запада», искал объяснения русского терроризма XIX века в жестокости царского режима. Спровоцированная «гнетом тиранического беззакония над обществом, ответная реакция принимает форму безумного отчаяния».

По мнению Ульрики Майнхоф, одной из лидеров «банды Баадера» в Германии в 1970-е годы, террористические акты, «провоцируя репрессивную реакцию властей, помогают выявить фашистскую сущность современного государства».

Если попытаться составить полный каталог всех групп, сект, экстремистских движений, не забывая о подпольных армиях сепаратистов, «автономистов», Бригадах и фракциях Красной армии, вооруженных бойцах различных фронтов национального освобождения, муджахеддинов в пустыне и городских герильерос — подпольная галактика терроризма соперничает по разнообразию политической окраски рекрутов с миром политики.

При этом хорошо известно, что с давних времен терроризм со своей двусмысленностью и часто «двойным политическим дном» представляет

собой идеальный объект для манипулирования со стороны властей и секретных служб.

В зловещем списке жертв террористических актов имеются сотни политиков, судей, промышленников, журналистов. Два эпизода кровавой летописи терроризма стали символами: убийство итальянской Красной бригадой главы христианско-демократической партии Альдо Моро в 1978 году и неудавшееся покушение на папу Иоанна Павла II в мае 1981 года. Случайных людей, далеких от политики, тоже убивали, ранили или брали в заложники.

Зачастую во время подковерной борьбы, развертывавшейся в эпоху холодной войны, оружие терроризма переходило из рук в руки, так что невозможно было установить отпечатки тех, кому оно служило. Пример тому — известная «стратегия напряженности», использованная итальянскими ультраправыми для подготовки переворота по типу путча «черных полковников» в Греции для установления авторитарного режима, как в эпоху Муссолини. Эта стратегия основывалась не только на примере взрывов, устроенных неофашистами (в «Сельскохозяйственном банке» в Милане, на вокзале в Болонье и т. д.), но также нападений, совершенных анархистами и «бригадистами».

Холодная война внесла большой вклад в оживление и распространение политического терроризма; она возвела его в ранг почти законного

оружия и внесла в арсенал этой «странной войны». В своем противоборстве обе сверхдержавы финансировали и вооружали экстремистские группы разных политических оттенков, спонсировали сепаратистские и освободительные движения и управляли из-за кулис секретными армиями, состоявшими из тех, кого одни называли террористами, другие борцами за свободу.

В своем противоборстве обе сверхдержавы финансировали и вооружали экстремистские группы разных политических оттенков, спонсировали сепаратистские и освободительные движения и управляли из-за кулис секретными армиями, состоявшими из тех, кого одни называли террористами, другие борцами за свободу.

Подводя итог этому феномену в своей книге «Красная нить: тайная история мирового терроризма»¹, изданной в 1983 году, Эдуард Саблие писал: «Третья мировая война, которую весь мир представляет в виде ядерного апокалипсиса, уже началась и приняла форму терроризма». По мнению автора, эту мировую войну должен был развязать Интернационал красных терро-

¹ *Sablier E. Le fil rouge: histoire secrète du terrorisme international. — Paris, 1983.*

ристов, подрывная стратегия которого была разработана в 1966 году во время Конференции трех континентов. В этой встрече в Гаване приняли участие представители различных фронтов и освободительных движений Азии, Африки и Латинской Америки. В принятых резолюциях они руководствовались примером трех революционных армий: советской, китайской и кубинской.

Конечно, со времен Коминтерна, опекаемого сначала НКВД, потом КГБ, «рука Москвы» щедро снабжала членов неофициального террористического Интернационала оружием и инструкторами. Кто был получателем? Различные экстремистские и радикальные организации, действовавшие на Западе или в странах третьего мира (от герильерос марксистского толка в Латинской Америке до ирландских сепаратистов). Единственным условием была способность дестабилизировать политическую ситуацию в западных странах и ослабление международных позиций главного противника СССР — американцев.

В свою очередь США через каналы ЦРУ поддерживали антикоммунистические «эскадроны смерти», действовавшие при разных диктаторских режимах и совершавшие «специальные операции» по истреблению лидеров движений национального освобождения, считавшихся просоветскими. Подобным образом финанси-

ровалась в Италии деятельность «секретной армии», созданной «Черным Принцем» Боргезе. Ее целью были военные действия против коммунистов, чтобы предотвратить «неминуемое вторжение» в Италию Красной армии.

Однако идеологический терроризм 1970-х годов, будь то красный, коричневый или черный, не привел к третьей мировой войне, как объявлял Эдуард Саблие. Десятки террористов были уничтожены или заключены в тюрьму. Некоторые эмигрировали на Кубу, в Ливию или в СССР или заявили о своем раскаянии. Знаменитый «Карлос Ильич», организовавший захват министров ОПЕК, долгие годы отсиживался в Судане.

Разумеется, сыграло свою роль и истощение подпольного финансирования в поддержку идеологических наемников. Но не следует тешить себя иллюзиями. Угасание и по существу исчезновение идеологического терроризма с мировой сцены произошло в первую очередь из-за изменения общего политического климата. Красный терроризм не пережил конца холодной войны и краха коммунистической утопии.

После ее фиаско и распада СССР источник, который питал вербовку новых рекрутов для революционных сект, мечтавших о решающем Дне революционной победы, практически исчез. Последнее официальное заявление исторических членов итальянских Красных бригад

об окончательном отказе от гражданской войны появилось осенью 1989 года после падения Берлинской стены. Однако если исчезновение главных тоталитарных систем прошлого века окончательно перевернуло страницу идеологического терроризма, ничто не позволяет утверждать, что вновь возродившийся терроризм не нашел новых спонсоров. Отбросив устаревшие идеологические послы, со временем новый терроризм кутается в мусульманскую джеллабу.

ПОД ЧЕРНЫМ СОЛНЦЕМ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА*

11 сентября 2001 года потрясенный мир обнаружил новый облик международного терроризма — радикальный исламизм. В его родословную надо занести период 1960–1970 годов, отмеченных несколькими волнами покушений: взятием заложников, угонами самолетов, совершенных членами разных организаций палестинского сопротивления и их единомышленниками. Среди них наиболее впечатляющим остается убийство 11 израильских атлетов, участвовавших в Олимпийских играх в Мюнхене в сентябре 1972 года.

Однако ни авторы этого теракта, направленного против Израиля, ни другие террористы, использовавшие свои действия для привлечения

внимания общественного мнения к драме палестинского народа, не ссылались на ислам.

Новый религиозный терроризм поначалу использовал методы своих идеологических предшественников — экстремистских или радикальных групп и сект, принадлежавших к ультралевым, фашистским или националистическим течениям. Процедуры вербовки, способы связи и коммуникации (к которым недавно добавился Интернет), охота на «предателей и перебежчиков» и тактика внедрения дремлющих ячеек в общество кажутся взятыми из «Катехизиса революционера», составленного Сергеем Нечаевым и Михаилом Бакуниним и воспроизведенного Достоевским в его романе «Бесы».

Однако, несмотря на сходство, позволяющее отнести исламский терроризм к традициям предшествовавших экстремистских движений, нельзя не отметить его специфические черты, которые делают его особенно угрожающим и смертоносным. Смешивая средневековый фанатизм религиозных движений интегрисов с особенностями западного постмодернистского общества, не забывая о «ноу-хау», приобретенном за годы холодной войны, исламский терроризм превращается в поистине взрывоопасную смесь.

Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне стали поворотным моментом, когда война западному миру самой радикальной в исламе ветвью ваххабитов была объявлена от имени «Уммы» — всего

исламского сообщества. Этот вызов был брошен до сих пор мало известной на Западе (за исключением американских спецслужб) организацией — Аль-Каидой*, возглавляемой Усамой Бен Ладеном, отпрыском богатейшей саудовской династии.

Грандиозный спектакль разрушения башен Всемирного торгового центра, который американская пресса сравнивала с новым Перл-Харбором, вызвал фундаментальные вопросы. Идет ли речь лишь об очередной главе в истории терроризма, насчитывающей несколько веков и, стало быть, просто о смене наряда, или вызов, брошенный камикадзе 11 сентября, означает начало новой эры в истории? Эры знаменитого шока цивилизаций, предсказанного Самюэлем Хантингтоном, принимающего форму открытой войны.

Несколько лет спустя Аль-Каиду* вытеснил другой бренд исламистов — Даэш* — Исламское государство*, мифический монстр, возникший в иракских и сирийских пустынях. Добившийся пропагандистского успеха за счет терактов в Европе и впечатляющих военных успехов, позволивших ему водрузить свой черный флаг над обширными территориями Сирии и Ирака, Даэш* на время предстал в виде «публичного врага номер один» мирового сообщества.

В метрику крестных отцов этого феномена приходится записать американскую и советскую

супердержавы. Корни сравнительно недавней исламской революции на самом деле восходят к концу 1970-х годов. В это время события, происходившие в Иране и Афганистане, были прямым следствием политики, проводимой двумя сверхдержавами в регионе, который они превратили в театр своего противоборства. Достаточно напомнить, что народный протест, пошатнувший в Иране режим шаха в январе 1979 года, был логическим следствием переворота в 1953 году, устроенного в Тегеране британской Интеллидженс сервис и будущим ЦРУ для свержения националистического режима Мосаддыка и возвращения к власти династии Пахлави. Диктатура шаха, правившего в стране в течение четверти века, превратила Иран в американскую стратегическую базу на границе с СССР. В обмен шах мог рассчитывать на щедрые кредиты, оснащение армии американским оружием и подготовку своей секретной службы Савак, иранского варианта гестапо, профессионалами ЦРУ.

Народное восстание 1979 года и возвращение в страну имама Хомейни привело к установлению в Иране власти исламистов, настроенных яростно антиамерикански.

Москва, со своей стороны, внесла свой вклад в ужесточение фундаментализма иранского режима, вторгшись в Афганистан в декабре 1979 года и таким образом подарив пророкам исламской

революции новый аргумент в доказательство того, что мусульманский мир остается мишенью атак со стороны неверных, будь то христиане, иудеи или коммунисты.

Под прикрытием советских танков партийные функционеры, направленные из Москвы, разъезжали по афганским кишлакам, пытаясь создать коммунистические ячейки, как во времена утверждения советской власти в 1920-е годы это делали в Средней Азии их предшественники-большевики. Не надо удивляться, что результатом этих усилий стал взрыв массового недовольства населения против просоветского режима, установленного в Кабуле, и рождение движения будущих талибов.

Попытка советизации традиционного афганского общества была не более успешной, чем программа американизации Ирана шахским режимом.

Попытка советизации традиционного афганского общества была не более успешной, чем программа американизации Ирана шахским режимом. Она оставила после себя не только 15 тысяч погибших советских военных, так же как больше миллиона афганцев, но и появление по-настоящему профессиональной армии исламских моджахедов. Армии, финансируемой, вооруженной и обученной инструкторами джихада из

Саудовской Аравии и Пакистана, а также американскими и китайскими экспертами, довольными тем, что получили возможность готовить армию добровольцев для борьбы против советских войск.

Можно поэтому считать саму Аль-Каиду* незаконным детищем как советской интервенции в Афганистане, так и американских усилий по поддержке исламского сопротивления. Конечно, ни в Советском Союзе, ни в США не могли себе представить, что спустя какое-то время этот монстр Франкенштейна повернет оружие против своих родителей.

Что касается Даэш*, то его возникновение непосредственно связано с последствиями американо-британской интервенции в Ирак. По существу, стратегический проект Исламского государства* возник в американских лагерях Ирака, где встретились афганские талибаны, идеологи Аль-Каиды* и высокопоставленные иракские военные, взятые в плен оккупационными войсками. Объединившись в структурах армии Исламского государства*, бывшие военные и радикальные исламисты, которых яростно преследовал свергнутый режим, спустя несколько лет вместе написали сценарий посмертной мести Саддама Хусейна.

И хотя заявленные цели и методы действий Аль-Каиды* и Даэш* отличались, намерение спровоцировать мировой конфликт нового типа —

скорее столкновение культур, чем мировую войну, — их объединяло. Они стремились вовлечь западный мир в глобальный конфликт с мусульманским миром.

И если верить зарегистрированным высказываниям и посланиям Бен Ладена, которые секретные американские службы обнародовали после его убийства, шеф Аль-Каиды* задумал теракт 11 сентября после того, как Джордж Буш младший объявил «войну против исламского терроризма».

Это объясняет многочисленность и одновременность атак, предпринятых последователями Бен Ладена против США и других западных стран. Соединяя элементы военной структуры, идеологического аппарата и подпольных сетей террористических ячеек, Исламское государство* стремилось трансформироваться в своего рода штурмовую башню, предназначенную для длительной осады западной крепости.

В этом стремлении взять исторический реванш над христианским миром его стратеги рассчитывали использовать одновременно чувство исторической мести арабо-мусульманского мира, которое проявлялось даже среди его выходцев, иммигрировавших в западные страны, а также уязвимость западной цивилизации перед воинственностью приверженцев ислама.

Эта смешанная тактика позволяла им брать на прицел разную публику — от мелких мошенников

из предместий до молодых арабов-идеалистов, искавших смысл жизни в сурах Корана. Она позволяла им также комбинировать различные методы: архаичные акты индивидуального террора и суперсовременные кибератаки, включая использование социальных сетей и наплыва иммигрантов.

Эта тактика выглядела как лучший способ спровоцировать напряженность внутри западных стран, дискредитировать демократические институты и прежде всего расширить разрыв между мусульманским сообществом и остальным населением.

Эта тактика выглядела как лучший способ спровоцировать напряженность внутри западных стран, дискредитировать демократические институты и прежде всего расширить разрыв между мусульманским сообществом и остальным населением. Даже потерпев поражение в военных операциях против объединившихся в борьбе с Исламским государством* армий Запада и России, они надеются выиграть войну цивилизаций, о которой мечтают.

Но не проиграно ли уже частично это сражение? Не представляет ли само объявление тотальной войны против виртуального халифата лидерами мировых держав психологическую победу

исламистов, которые только и мечтают быть признанными их достойными врагами?

Не являются ли ограничение демократических свобод, оправдываемое мерами безопасности, ускоренное одобрение американским Конгрессом Патриотического акта и его европейских версий, введение временного чрезвычайного положения с перспективой его превращения в постоянное признаками отказа от западной демократической модели?

Не означает ли частичный отказ от Шенгенских соглашений, появление стен и заборов с колючей проволокой на границах между европейскими государствами признаком беспорядочного отступления европейской интеграции? И не предвещают ли новые шлагбаумы перспективы возвращения Евросоюза к Европе, разделенной национальными границами и проявлениями национализма? А значит, возвращения в Европу призраков 1914 года, о которых предупреждал Европарламент в одном из своих последних выступлений перед ним Франсуа Миттеран, сказавший: «Национализм — это война!»

Подъем ксенофобии, предубеждения перед иностранцами, демонстрации недоверия и ненависти по отношению к мусульманам — не только новым мигрантам и беженцам, но и целой категории европейского населения, поселившегося на европейском континенте уже столетия назад, наконец, впечатляющие победы на выборах представителей ультраправых сил, не означает ли это

победы, одержанные проповедниками конфликта цивилизаций?

Как истинные пироманы, исламисты не отказались от своих надежд спровоцировать планетарный взрыв. Уже в 1999 году Бен Ладен заявлял, что овладение оружием массового уничтожения составляет «религиозную обязанность мусульман», и они его используют, если понадобится. Одно из недавних расследований подтвердило, что Исламское государство* планировало нападение на атомную электростанцию в Бельгии.

Разумеется, нельзя терять голову и чувство меры. Последние военные поражения Исламского государства* на разных территориях делают все более затруднительным набор добровольцев, которые бы стали гражданами предполагаемого халифата.

В то же время не следует недооценивать значение этого феномена, ни тем более сигналы, которые он подает: мы вступаем в мир невиданного прежде риска. Продолжая давнюю традицию терроризма, исламистский радикализм стал экстремальным выражением и симптомом тяжелой внутренней болезни современного общества.

Очевидно, что борьба с радикальным исламизмом не может ограничиться военными действиями регулярных армий на расстоянии тысяч километров от национальных границ. И нельзя эффективно бороться с радикализмом в париж-

ских или брюссельских предместьях с использованием армии или авианосцев.

Пока углубляется социально-экономическое неравенство, уже не только внутри национальных границ, но и в планетарном масштабе можно ожидать, что новые группы экстремистов придут на смену Исламскому государству* так же, как и оно родилось на основе движения Аль-Каиды*.

Невозможно, таким образом, рассчитывать избавиться от этого феномена без того, чтобы искоренять, как в случае с идеологическим терроризмом, его корни и причины: бедность, унижение, невежество, которые находят в разных формах экстремизма иррациональный и фанатичный способ выразить гнев и ярость миллионов людей, чья жизнь лишена смысла. Используя его и отвергая любые компромиссы, новые рекруты пополняют ряды добровольцев, готовых развязать гражданскую войну в международном масштабе. По мнению папы Франциска II, мы живем уже в эпоху мировой войны, главной причиной которой служит драматический рост неравенства, только не объявляя об этом.

Если и нельзя утверждать, что туча радикального исламизма несет с собой угрозу новой мировой войны, она тем не менее возвещает возможный приход мира, способного взорваться подобно гранате. Особенно если она окажется в руках камикадзе.

ДИПЛОМАТИЯ СВОБОДНЫХ РУК

Перечисляя три главные угрозы для безопасности США, американский президент Барак Обама поместил «экспансионистские намерения» России на третье место после эпидемии Эбола и Исламского государства*. Его преемник в Белом доме Дональд Трамп даже высказался в пользу налаживания сотрудничества с Москвой по глобальным проблемам международной безопасности, включая общее противодействие исламскому радикализму.

Слова американского лидера перекликались с позицией российского президента, который незадолго до этого, выступая на Генеральной Ассамблее ООН, поддержал возрождение коалиции великих держав, сражавшихся вместе против другой общей угрозы — гитлеровской агрессии, — в организации совместного отпора террористической чуме XXI века. Позднее, обращаясь уже к другим более общим вопросам международной безопасности, он предлагал собрать «большую пятерку» — совещание глав пяти ядерных держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН. Такая встреча, компенсируя отмену саммита в Париже, запланированного в мае 1960 года, могла бы, по замыслу шефа Кремля, закрепить за Россией место за столом великих держав, которое принадлежало Советскому Союзу, и дать импульс разрядке в отношениях с Западом.

Увы, в очередной раз благие намерения привели к тому, к чему они нередко приводят — аду, новому витку конфронтации между бывшими главными участниками холодной войны и даже к тревожным всполохам возможного ее перерастания в горячую.

В чем причина? Ведь тридцать лет назад казалось, что «новое политическое мышление» Горбачева и «новый мировой порядок» Буша, казалось, были готовы встретиться как армии союзников в 1945 году на Эльбе. В 1989 году после падения Берлинской стены во время встречи на Мальте Горбачев сказал Бушу, что СССР больше не считает Америку своим стратегическим противником, а Буш в ответ сказал, что он не намерен «плясать на Стене», чтобы не создавать проблем советскому президенту в его отношениях с союзниками в странах Восточной Европы.

Буш, посетив Киев, на массовом митинге призывал украинцев поддержать Горбачева и перестройку и не приносить в жертву соблазнам национализма и сепаратизма завоевания демократии в СССР.

Еще летом 1991 года, за несколько недель до августовского путча в Москве, Буш, посетив Киев, на массовом митинге призывал украинцев поддержать Горбачева и перестройку и не приносить в

жертву соблазнам национализма и сепаратизма завоевания демократии в СССР.

Сегодня кажется, что от нынешнего времени эти эпизоды из «медового месяца» советско-американских отношений отделяют не несколько десятилетий, а целые исторические эпохи, и что речь идет не только о сменившихся лидерах, но и о других странах.

На саммите НАТО в Мадриде 28–30 июня 2022 года нынешняя Россия была названа «самой значительной и прямой угрозой безопасности союзников, миру и стабильности в евроатлантическом регионе». Трудно поверить, что и в отношениях с НАТО был свой «медовый месяц» и было время, когда Путин — то ли в шутку, то ли всерьез — обсуждал с Биллом Клинтоном вопрос, почему бы России не вступить в Альянс. Разумеется, вступления России в НАТО не произошло. Хотя бы потому, что Альянсу было ни к чему впускать в атлантический дом столь громоздкого и непредсказуемого медведя. Да и восточноевропейские члены НАТО не для того торопились распустить Варшавский договор, чтобы заново оказаться с ним в одном вольере.

Объяснение стремительного охлаждения отношений постсоветской России с НАТО в условиях, когда, казалось бы, сама первоначальная причина создания Североатлантического альянса — необходимость противостоять «советской военной угрозе» — исчезла вместе с исчезновением ее источника, может показаться парадоксальным.

Причина состояла именно в распаде СССР и выходе из мирового стратегического баланса этого ключевого игрока. Советский Союз был одновременно и оправданием существования НАТО, и угрозой ему, но и после окончания холодной войны — единственным реальным партнером для строительства нового мирового порядка.

С его распадом исчезла одна из опор здания, существовавшего только в чертежах, оставив западный мир в положении единоличного управляющего внезапно возникшим «дивным новым миром».

Оказавшись в одиночестве на вершине пирамиды, Соединенные Штаты принялись править им на основе выписанного самим себе мандата. Уже преемник Буша-старшего в Белом доме Билл Клинтон, забыв обещание своего предшественника «не плясать на Стене», вопреки обещаниям, данным Горбачеву, приступил к ускоренной «натоизации» стратегического пространства на Востоке Европы, освобожденного после ухода советских войск и роспуска Варшавского договора.

Отвечая российским властям и политикам на обвинения в том, что таким образом США нарушили обязательства «не продвигать НАТО ни на дюйм на Восток», которые они сами давали Горбачеву, американские политики путаются в объяснениях. Одни говорят, что никаких обещаний вообще не давалось, другие, что они каса-

лись только территории Восточной Германии, трети, что если и давались, то в любом случае в другую эпоху, и главе государства, которого уже нет.

К этому можно добавить и то, что речь идет о тех западных руководителях, которые и сами ушли в прошлое. Бывший американский посол в Москве Джек Мэтлок, в частности, считает, что если бы Джордж Буш остался в Белом доме, он бы сдержал слово, данное Горбачеву. Правда, для этого надо было, чтобы и сам Горбачев оставался в Кремле.

Поскольку тема продвижения НАТО на восток продолжает оставаться предметом российских обвинений Запада в двурушничестве и даже стала в последнее время одним из главных доводов, которыми Кремль обосновывал адресованные странам НАТО требования «вернуться в границы 1997 года», а потом и начало «специальной военной операции» против Украины, стоит напомнить недавно опубликованные Архивом национальной безопасности в Вашингтоне документы, относящиеся к этой теме.

В них, в частности, приводится речь, которую произнес через два месяца после падения Берлинской стены 31 января 1990 года в Баварии западногерманский министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер, в которой он заявил, что в случае объединения Германии «НАТО должна исключить расширение своей территории

на Восток в сторону советских границ, чтобы не нанести ущерб интересам безопасности СССР».

То же обязательство учитывать стратегические интересы Советского Союза давали в ходе своих переговоров с советскими руководителями (Горбачевым и Шеварднадзе) в течение 1990–1991 годов канцлер ФРГ Коль, президент США Буш и его госсекретарь Бейкер, лидеры Франции и Великобритании Миттеран и Мейджор и генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер.

Об этом же они условливались и в разговорах между собой. Так, 6 февраля 1990 года в ходе переговоров со своим британским коллегой Дугласом Хердом, согласно имеющимся протоколам, Геншер говорил: «Советским надо дать заверения в том, что если, например, польское правительство примет решение выйти из Варшавского договора, оно не сможет вступить в НАТО».

Бейкер подтвердил со своей стороны в ходе встречи в Кремле с Горбачевым 6 февраля 1990 года, что «расширение НАТО недопустимо». «Ни я, ни президент, — сказал Бейкер Горбачеву, — не намерены добиваться каких-либо односторонних преимуществ для Запада. Не только Советский Союз, но и другие европейские страны должны получить гарантии, что в случае если Соединенные Штаты сохранят свое военное присутствие в Германии в рамках НАТО, военные структуры атлантического союза не двинутся ни на дюйм в восточном направлении».

В записке, которую Бейкер отправил Колю, прибывшему в Москву для встречи с Горбачевым после него, он писал, подводя итог своей беседы в Кремле: «Разумеется, никакое расширение зоны НАТО (для советских) неприемлемо. Они тем не менее дали понять, что нынешнее присутствие НАТО на территории ФРГ может быть сохранено».

Коль, получив от Горбачева подтверждение этой позиции, пишет в своих мемуарах, что он полночи ходил со своими советниками по Москве, считая, что за свое вступление в НАТО объединенной Германии еще предстоит заплатить серьезную цену.

В ходе следующей встречи с Горбачевым 18 мая 1990 года Бейкер от имени Буша заверил советского президента, что США исходят из того, что перемены в Европе не должны привести к ее разделению на победителей и проигравших, и что их результатом должна стать «новая единая структура безопасности в Европе, которая никого не должна исключать, закрепит безъядерный статус Германии и будет учитывать советские интересы безопасности».

«Наша цель, — сказал Бейкер Горбачеву — состоит не в том, чтобы отделять Восточную Европу от Советского Союза, хотя это было нашей политикой в прошлом, а в том, чтобы построить стабильную Европу совместно с вами».

Президент Франции Франсуа Миттеран на встрече с Горбачевым 25 мая 1990 года говорил

о том, что он лично выступает за роспуск всех военных блоков, и в своем письме Джорджу Бушу после их беседы написал, что советский лидер «имеет право на то, чтобы мы дали необходимые гарантии безопасности его страны».

Наконец, сам Джордж Буш и во время советско-американского саммита в Вашингтоне в мае 1990-го, и в личном письме Горбачеву в июле после сессии НАТО заверил его в том, что США и их союзники не подталкивают Германию к объединению и включили в финальную декларацию Совета НАТО предложение советскому правительству заключить соглашение о ненападении и об установлении регулярных контактов.

Когда в июле 1991 года делегация Верховного Совета СССР встречалась с генсеком НАТО Манфредом Вернером, она получила от него подтверждение того, что, по мнению руководства НАТО, «изоляция Советского Союза от Европейского сообщества недопустима» и что позицию Совета НАТО и его личную о том, что расширение блока на Восток недопустимо, «поддерживают 13 из тогдашних 16 членов организации».

Таким образом западные лидеры давали понять Горбачеву, что основное условие, которое он выдвигал, давая согласие на объединение Германии и ее вхождение в НАТО — создание коллективной системы безопасности в Европе с участием СССР, которая должна была заменить противостоящие блоки — воспринято и будет выполнено.

В то же время уже тогда за спиной Буша и Бейкера в коридорах Пентагона зрел план оставить «дверь открытой» для возможного последующего приема в НАТО новых членов из Восточной Европы.

Уже тогда за спиной Буша и Бейкера в коридорах Пентагона зрел план оставить «дверь открытой» для возможного последующего приема в НАТО новых членов из Восточной Европы.

Авторы этих планов получили возможность приступить к их реализации, воспользовавшись роспуском Варшавского договора, распадом СССР и уходом в отставку Горбачева. Как позднее написал бывший посол США в Москве Джек Мэтлок: «Пока в Кремле был Горбачев, а в Белом доме Буш, вопрос о расширении НАТО на восток не мог прийти никому в голову».

С тех пор, приняв форму нескольких «волн», западный «марш на Восток» привел практически к удвоению количества членов НАТО. Первая «волна» этого расширения, состоявшаяся с благословения Бориса Ельцина, накрыла «натовским зонтиком» Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию. Вторая, уже при президенте Путине, включив в члены союза прибалтийские государства, позволила блоку вступить на территорию бывшего СССР.

При этом постепенное географическое расширение Альянса сопровождалось расшире-

нием сферы его геостратегической «ответственности» за пределы той первоначальной «североатлантической» зоны, которая была определена в самом названии организации. НАТО начала претендовать на то, чтобы фактически стать единственной «вооруженной рукой» того «мирового полицейского», в которого хотели превратить ООН с момента ее создания в 1945 году ее основатели.

Правда, чем дальше, тем чаще эта «рука» позволяла себе действовать по приказу, получаемому от своих непосредственных начальников в Вашингтоне, уже не спрашивая согласия Совета Безопасности, заседавшего неподалеку в Нью-Йорке. Так в список карательных миссий НАТО и его главных членов, реализуемых без мандата ООН, оказались включены бомбардировки Югославии с целью принудить ее подписать Дейтонские соглашения по Косово и вовлеченность в американскую войну против талибов в Афганистане, и в операцию по свержению режима ливийского лидера Муаммара Каддафи.

В свое право на «дипломатию свободных рук», которую США сочли приобретенной вместе с концом холодной войны и распадом СССР, свято верили все сменявшие друг друга американские президенты. По сути, она отражала традиционную для Америки веру в ее избранность Богом и Провидением и вытекающую из нее политику мессианства — практически единственный пункт

единогласия, на котором сходились демократы и республиканцы.

Через три года после распада СССР сменивший республиканца Буша демократ Билл Клинтон заявил на 49 сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Как президент Соединенных Штатов считаю своей первой обязанностью защиту граждан моей страны. Когда возникнет угроза интересам нашей национальной безопасности, мы будем действовать совместно с другими странами, если возможно, но в одиночку, если необходимо. Мы используем дипломатию, когда это возможно, и военную силу, когда понадобится».

Эти заявления принципиально расходились со словами Михаила Горбачева, который в своем выступлении 7 декабря 1988 года с той же трибуны сказал: «Совершенно ясно, что использование силы и угроза ее применения не могут и не должны более быть инструментом внешней политики. Нарастивание военной мощи не делает страну всемогущей. Более того, опора исключительно на военное могущество ослабляет в конечном счете другие элементы национальной безопасности».

Но примерно то же говорил и Джон Фицджеральд Кеннеди в июне 1963 года в своем выступлении в Американском Университете: «Какого рода мир я имею в виду? К какому именно миру мы стремимся? Не Pax Americana, навязанный всему человечеству американской военной си-

лой. Перед тем как защищать собственные настоящие интересы, ядерные державы должны прежде всего избегать ситуаций, которые заставляют противника выбирать между унижительным отступлением и атомной войной. В ядерную эпоху это будет доказательством провала нашей политики либо желанием коллективной смерти всего мира». Стоит напомнить, что эти императивы ядерного века он формулировал, еще не «остыв» от уроков, вынесенных из кубинского ядерного кризиса, чуть было не закончившегося вселенской катастрофой.

Америка вступала на путь обеспечения
военного превосходства над
Россией в погоне за «абсолютной
безопасностью» для себя.

Непосредственно после 11 сентября произошло другое знаковое событие, априори не имевшее прямой связи с этой террористической атакой и потому почти незамеченное. В декабре 2001 года Белый дом объявил о выходе США из соглашения по ПРО, подписанного Никсоном и Брежневым в Москве летом 1972 года. Призванный играть роль краеугольного камня в стратегическом балансе между двумя сверхдержавами во времена холодной войны, этот договор был бессрочным. Односторонний выход из него США означал, что для Вашингтона обязательства, кото-

рые накладывал на обе стороны ядерный паритет, утратили свое значение. И что Америка вступала на путь обеспечения военного превосходства над Россией в погоне за «абсолютной безопасностью» для себя.

Для Кремля во главе с Владимиром Путиным это решение Джорджа Буша — как и для Горбачева в эпоху его саммита в Рейкьявике с Рейганом, — ставило под вопрос не столько безопасность России, сколько ее престиж. В глазах Вашингтона Москва отныне не выглядела серьезным соперником, что наносило больший удар по статусу российской власти внутри, чем на мировой арене. Чтобы разбудить медведя русского национализма, погрузившегося в спячку после развала СССР, было сделано все. Упустив возможность наладить отношения союзников после окончания холодной войны, США и Россия вошли в XXI век в качестве противников.

Пришел конец обещаниям папы Буша, намеревавшегося использовать «дивиденды мира» в борьбе против бедности, слаборазвитости, пандемий и негативных последствий изменения климата. Увеличив военные расходы бюджета США на 15%, администрация Буша подтвердила свой «Новый курс». Запрограммированный Вашингтоном рост затрат на оборону на 40% за 10 лет и военный бюджет, достигавший 800 миллиардов долларов, превосходили военные бюджеты всех стран мира, вместе взятых.

Отдав предпочтение *hardpower* перед *soft*, США полным ходом возобновили милитаризацию не только своей внешней политики, но и международных отношений в целом. Результаты такого поворота нетрудно было предугадать.

Пороки неоконсервативной идеологии в американской внешней политике дали о себе знать и за пределами Ближнего Востока. Американский журналист Рон Саскинд в газете *New York Times* привел слова одного из советников Джорджа Буша, сказанные летом 2002 года: «Мы теперь стали империей, и когда что-то предпринимаем, мы создаем собственную реальность... Мы творим Историю. А всем остальным остается только наблюдать за нашими действиями».

Однако этот мир существовал недолго, если вообще был. «Продолжительность жизни американской империи оказалась самой короткой в истории человечества», — писал социолог Амитай Этциони, бывший советник Джимми Картера по международным вопросам.

Можно сказать, что неожиданный конец холодной войны застал мир врасплох. Через четверть века после падения Берлинской стены Запад обнаружил за этой фантомной преградой совсем другую реальность, чем та, которую он себе воображал. В отличие от предыдущих войн, эта «странная» война не закончилась ни новыми Вестфальскими соглашениями, ни новой «Ялтой» или еще одной Потсдамской конференцией, ко-

торая провела бы четкое разделение между победителями и побежденными и разделила бы мир на сферы влияния. В результате каждый из ее участников волен интерпретировать результаты этой войны и ее геополитические последствия по своему усмотрению. Так, бывший министр иностранных дел Франции Юбер Ведрин справедливо заметил, что «представление Запада о мире (после холодной войны) не принимает в расчет никого, кого считает «остальными», т. е. всех остальных».

Обещанный Фрэнсисом Фукуямой «конец истории» в виде всемирного торжества западной модели демократии и либерального рынка не наступил, и выяснилось, что «мир за Берлинской стеной» далек от радужных надежд, которые с ним связывали те, кто жили по ее обе стороны.

Прошло четверть века после падения Берлинской стены. Оказалось, что за этой символической преградой существовала совсем другая реальность, чем та, которую вообразил Запад.

Тридцать лет спустя после окончания
холодной войны воинственная риторика
вернулась на международную арену.

Тридцать лет спустя после окончания холодной войны воинственная риторика вернулась на международную арену. Пришлось признать, что мир, вышедший из холодной войны, не был го-

тов воспринять ни принципы «нового политического мышления», предложенного Горбачевым, ни соблюдать правила «нового международного порядка», сформулированные Джорджем Бушем-старшим.

Попытки западных держав, начиная с США, «оседлать» объективный процесс глобализации мира, резко ускоренный концом холодной войны, и втиснуть его разнообразие в прокрустово ложе стандартизированной западной модели вызвало на большей части планеты болезненную, а нередко и агрессивную реакцию.

В поисках ответа на новые вызовы и сам западный мир раскололся, будучи не в состоянии ни установить приоритет между ними, ни найти лучший способ им противостоять. При этом линии новых расколов проходят внутри обществ, противопоставляя политические элиты и широкие слои населения, стимулируя оживление радикальных и националистических партий и усиливая популярность авторитарных лидеров и подтверждая наступление глубокого кризиса демократических институтов и даже заката западной цивилизации.

«Искушение тоталитаризмом», о котором предупреждал Раймон Арон, присутствует не только в странах третьего мира, но и среди «новобранцев» Восточной Европы — Венгрии, Польши, на Балканах и в устоявшихся демократиях «свободного мира».

Эти расколы затронули и отношения между европейцами и их «старшим братом» США, на поддержку и защиту которого они могли полагаться в течение десятилетий холодной войны.

Вместо простых ответов на сложность нового мира многие политики XXI века предпочитают опасным для них «западным ценностям» проверенные рецепты авторитаризма, предлагаемые стратегическими конкурентами Запада – Россией и Китаем.

РУССКИЙ ВОПРОС

Своим стремительным вознесением к вершинам власти в посткоммунистической России Владимир Путин обязан войне. В ходе второй чеченской войны Борис Ельцин сначала перевел подполковника КГБ Владимира Путина из его офиса на Лубянке на должность премьер-министра, а затем объявил его своим преемником.

За несколько месяцев новому премьеру удалось сломить сопротивление сепаратистов и завоевать авторитет эффективного военачальника, отстаивавшего целостность российского государства и спасшего его от судьбы бывшего Советского Союза.

Выиграв после этого президентские выборы, новый правитель России столкнулся с ситуацией политического хаоса и экономического маразма, в котором оказалась страна после правления

Ельцина. Чтобы вывести страну из тяжелейшего кризиса, у нового президента не было другого выбора, как протянуть оливковую ветвь мира своим западным партнерам.

Его выступление в Берлине в конце сентября 2001 года произвело фурор. Депутаты Бундестага аплодировали оратору стоя не только из-за его свободного владения немецким, освоенным за годы службы в ГДР, но прежде всего из-за высказанного им намерения окончательно и бесповоротно присоединить новую Россию к Европе. Обещание новой разрядки в отношениях с Западом было подтверждено Кремлем и сразу после событий 11 сентября в США. Путин был первым иностранным главой государства, позвонившим тогда Джорджу Бушу, предложившим всестороннюю помощь России в борьбе с Аль-Каидой* в Афганистане и даже использование для этого американскими войсками российских баз в Центральной Азии. Речь идет, сказал он позднее, выступая в ООН и проводя аналогию со Второй мировой войной, о совместной борьбе против общего врага.

Несколько лет спустя в феврале 2007 года тот же Путин, выступая в Мюнхене на конференции по безопасности, произвел совсем другое политическое землетрясение. В выступлении, напоминавшем по тону речь Уинстона Черчилля в Фултоне в марте 1946 года, Путин, обращаясь к лидерам западных стран, заявил: «Нам хотят навязать новые линии демаркации и новые стены.

Все, что происходит в настоящее время... является последствием попыток внедрения концепции однополярного мира в международных отношениях...».

Беспокойство президента России было понятно: он боялся увидеть свою страну поставленной перед жестким выбором: либо Россия согласится с второстепенной ролью в мире под руководством американского Запада, либо будет из него исключена.

В то время «политически некорректный» тон речи Владимира Путина вызвал недоумение у многих западных участников конференции. В нем усмотрели упражнение в риторике с ностальгической оглядкой на советское прошлое и на эпоху холодной войны. Однако вскоре Путин подтвердил свои слова делами. В их ряд встали военный конфликт России с Грузией в 2008 году, вызванный событиями в Южной Осетии, русско-украинский кризис в 2014 году, приведший к присоединению Крыма к России, и поддержка Москвой самопровозглашенных республик в Донбассе. Стало понятно, что Кремль не удовлетворяется предупреждениями и готов без колебаний прибегнуть к силе.

С 2016 года тон предостережений Москвы, адресованных Западу, поднялся на несколько градусов. Экс-президент России Дмитрий Медведев, вернувшись после Путина на пост премьер-министра, выступая на той же конференции в

Мюнхене, предупредил о возможном сползании мира к новой холодной войне и даже начале горячей. Он не побоялся сравнить мировую ситуацию 2016 года с ракетным кризисом на Кубе в 1962 году: «Никто не хочет войны. Но Северная Америка, Европейский Союз и Россия прямым путем направляются к неизбежному конфликту, если мы не положим конец смертельной спирали взаимных угроз».

Внезапное и грозное возвращение России на мировую арену застало врасплох западную дипломатию и стало главным элементом изменения международной геостратегии. Москва все более открыто демонстрировала свою решимость бросить вызов мировому порядку, установленному Западом после окончания холодной войны.

Внезапное и грозное возвращение России на мировую арену застало врасплох западную дипломатию и стало главным элементом изменения международной геостратегии. Москва все более открыто демонстрировала свою решимость бросить вызов мировому порядку, установленному Западом после окончания холодной войны. В чем причина?

Очевидно, что после распада СССР западные партнеры России игнорировали сигналы, кото-

рые поступали из Кремля. Они пренебрегли ощущением исторического унижения, копившимся в обществе, травмированном тем, что с бывшей великой державой обращаются как с побежденным противником.

Новый облик российской внешней политики начал вызывать на Западе вопросы, в частности о том, каковы политические намерения и стратегические амбиции Москвы, и с помощью каких средств российские руководители намерены их реализовать? Иначе говоря, что представляет собой этот новый актер, претендующий на роль первого плана в руководстве миром, и какой сценарий он готов предложить мировой политике?

Но если озадаченность западных политиков, вызванная появлением нового «русского вопроса», была очевидной, ее причины нуждались в уточнении. Начиная с XVIII века, Россию нельзя было отнести к новым персонажам на мировой политической сцене. Странно, что Запад счел нормальным фактическое исчезновение России из клуба великих держав после развала СССР. Она осталась сердцем бывшей великой империи, где ее вес по-прежнему весьма значителен. И, безусловно, ядерной супердержавой. Ее след в истории XX века: революция 1917 года, решающий вклад в победу над нацизмом и редкий опыт мирного окончания тоталитарного режима во времена Горбачева. «Советский Союз, — по сло-

вам Михаила Горбачева, — конечно, распался, но он не был побежден».

Фиаско большевистского проекта и распад Советского Союза погрузили российское общество в тройной кризис: политический, экономический и в кризис национальной идентичности. Но и после разочарования в коммунистической утопии многие русские почувствовали себя обманутыми посулами демократии, в том виде, в котором они открыли ее для себя в ельцинские годы.

Превратившийся из исторического противника и антипода в пример для подражания, Запад тоже разочаровал: он не принял Россию в качестве полноправного члена в расширенное европейское сообщество и отказался считать бывшую «Империю Зла» новобранцем «свободного мира».

Превратившийся из исторического противника и антипода в пример для подражания, Запад тоже разочаровал: он не принял Россию в качестве полноправного члена в расширенное европейское сообщество и отказался считать бывшую «Империю Зла» новобранцем «свободного мира».

Под влиянием американских неоконсерваторов и представителей стран Восточной Европы, которые по историческим причинам не были

заинтересованы в сближении России с Европейским Союзом, Запад, по существу, вернулся к восстановлению «санитарного кордона», возведенного против большевистской России после 1917 года.

Сам автор «стратегии сдерживания» СССР и исторической «длинной телеграммы» 1946 года, Джордж Кеннан, спустя почти полвека, критикуя новую американскую доктрину, заявил, что «расширение НАТО на Восток может стать худшей из ошибок американской политики со времени войны, поскольку оно ничем не оправдано». Добавив после этого: «Это решение Запада причинит ущерб русской демократии, восстановив атмосферу холодной войны... У русских не будет другого выбора, как рассматривать расширение НАТО в качестве военной операции. И они будут искать способы для гарантии своей безопасности и своего будущего».

Чувствуя себя несправедливо униженной, Россия оказалась в психологической ситуации, сравнимой с Веймаровской Германией. Владимир Путин, для которого «распад Советского Союза стал самой большой геополитической катастрофой XX века», выражал как ностальгию по советскому величию, так и психологический кризис русского общества. Тем более что при этом у него были все основания констатировать плачевный итог попыток единоличного управления миром, предпринятых западными странами.

После эпизода русско-грузинской войны 2008 года Дмитрий Медведев обратился к Европе с успокаивающим заявлением, как в свое время Леонид Брежнев после советской интервенции в Чехословакию в 1968 году. Он заявил о желании создать систему коллективной «евроатлантической» безопасности, применив к новому геополитическому контексту Заключительный акт конференции в Хельсинки. Однако Запад не проявил интереса к этой инициативе.

Под влиянием стран Восточной Европы члены Евросоюза отклонили предложенную Медведевым идею Хельсинки-бис в то время, как американцы, забыв о «перезагрузке» российско-американских отношений, предложенной Обамой, приступили к размещению на территориях бывших членов Варшавского договора антиракетных систем ПРО, что стало прямым вызовом для российских военных.

Очередным кризисом, который разбил остатки доверия между Россией и ее партнерами, стало вторжение НАТО в Ливию в 2011 году. Вмешательство НАТО во внутренний конфликт в этой стране превратилось в операцию по устранению, а затем и уничтожению Муаммара Каддафи.

После американско-британской интервенции в Ирак в 2003 году Москва усмотрела в расправе с Каддафи модель смены неугодного Западу режима, которая могла быть применена по отношению к другим странам и при случае, возможно, к России.

К комплексам бывшей супердержавы добавились опасения режима, который почувствовал себя в потенциальной опасности. Параноидальное восприятие ливийского сценария лишь усиливало уже сложившееся предубеждение Москвы к «цветным революциям» в ближнем зарубежье: Революции роз в Грузии (2003 г.), Оранжевой революции на Украине (2004 г.), Революции тюльпанов в Киргизии (2005 г.) и др. Для России все они имели западных спонсоров. Точно так же в эпоху холодной войны Запад видел «руку Москвы» за кулисами большинства антиколониалистских или пацифистских движениях того времени.

На смену мечтаниям о «европейской России» Петра Первого или «общего европейского дома» Горбачева стране был представлен проект «Евразийской России» как автономного и самодостаточного мира.

Еще в декабре 2014 года Путин заявил в Совете Федерации: «Запад был бы рад видеть, как Россия следует югославскому сценарию дезинтеграции и развала со всеми трагическими последствиями, которые они могли бы повлечь для русского народа».

Одним из последствий событий в Ливии стало возвращение Владимира Путина в Кремль на третий президентский срок. С этого времени можно

наблюдать радикальные изменения во внешней политике России. Проекты сближения с Евросоюзом и предложение Медведева насчет «Хельсинки-2» были забыты.

На смену мечтаниям о «европейской России» Петра Первого или «общего европейского дома» Горбачева стране был представлен проект «Евразийской России» как автономного и самодостаточного мира. Кремль явно стремился застраховаться от любой попытки Запада произвести смену существующей системы в российском государстве. За этой «сменой вех» надо видеть не просто инструмент удержания власти. Российский президент, судя по всему, был убежден, что его метод управления страной больше соответствует реальности и традициям России и не хочет, чтобы ей навязывали иностранные модели.

В ПОСТЗАПАДНОМ МИРЕ

Проект «Евразийского союза», призванного объединить вокруг России республики, составлявшие «сердцевину» бывшего СССР, был инициирован Владимиром Путиным в октябре 2011 года, когда он вновь объявил себя кандидатом в президенты. По существу, проект означал провозглашение применительно к постсоветскому пространству знаменитой «доктрины Монро», сформулированной почти 200 лет назад

в 1823 году тогдашним американским президентом. По убеждению Монро, ни одна страна Старого Света не должна была вмешиваться в сферу влияния Соединенных Штатов на американском континенте.

Аналогично, по убеждению российского президента, ни одна «посторонняя» держава — будь то американская, европейская или азиатская — не имела права вторгнуться в российскую Евразию.

Конечно, российские руководители отрицали, что Евразийский союз подразумевает воссоздание бывшего СССР, тем не менее, новый проект Путина вызвал явные опасения у западных стран.

Американский госсекретарь Хиллари Клинтон, отбросив дипломатический протокол, не колеблясь, назвала проект Евразийского союза попыткой возрождения Советского Союза и заявила о намерении США помешать его осуществлению.

В своей речи в декабре 2012 года в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) тогдашний американский госсекретарь Хиллари Клинтон, отбросив дипломатический протокол, не колеблясь, назвала проект Евразийского союза попыткой возрождения Советского Союза и заявила о намерении США помешать его

осуществлению. Однако геостратегический замысел Кремля, не дожидаясь вмешательства госсекретаря США, столкнулся с непредвиденным препятствием — «изменой» Украины. С ней с доски новой геостратегической шахматной партии, задуманной Москвой в игре с Западом, исчезла ключевая фигура.

Роль этой страны, расположенной на передовых рубежах «русского мира», весьма четко выразил Збигнев Бжезинский, неутомимый теоретик расчленения СССР и бывший советник Джимми Картера: «Никакое имперское возрождение (России), которое опирается на СНГ или какой-либо евразийский проект, невозможно без Украины».

УКРАИНА — НОВЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ?

Уже в 2013 году, когда в эпоху правления президента Януковича Евросоюз приступил к обсуждению с Киевом условий присоединения Украины к программе Восточного партнерства, реакция Москвы была однозначно негативной. Перспектива обручения Украины с Европой, которая перечеркивала ее присоединение к задуманному Кремлем Евразийскому союзу, побудила российского президента предложить украинскому президенту в обмен на отказ от партнерства с Евросоюзом экономическую помощь в 15 млрд долларов.

Согласие Януковича с этим предложением и разворот на сто восемьдесят градусов позиции властей в вопросе о сближении с Европой спровоцировали новый Майдан в Киеве, за которым через два месяца последовало падение режима и бегство президента из Украины в Россию.

Новую Оранжевую революцию и смену правительства в Киеве Кремль воспринял как вмешательство Запада в его самую чувствительную сферу безопасности. Тем более что вслед за этим заново всплыл вопрос о возможном приеме Украины в НАТО.

Новую Оранжевую революцию и смену правительства в Киеве Кремль воспринял как вмешательство Запада в его самую чувствительную сферу безопасности. Тем более что вслед за этим заново всплыл вопрос о возможном приеме Украины в НАТО, казалось, похороненный со времени саммита Альянса в Бухаресте в 2008-м. Перегретый реактор политического Чернобыля оказался в центре Старого Континента.

Предвидя эту перспективу еще когда вопрос о приеме Украины в НАТО только начал обсуждаться, Путин при встрече с Джорджем Бушем в Словении говорил американскому президенту: «Если Украина вступит в НАТО, она перестанет существовать».

Начиная с этого момента, украинский кризис перестал быть для Москвы делом двусторонних русско-украинских отношений, превратившись в новый повод для стратегического конфликта с Вашингтоном. Перспектива возможного появления базы НАТО в Севастополе для Москвы представляла собой подлинный *casus belli*, сравнимый с размещением в 80 милях от Флориды советских ракет на Кубе в 1962 году.

Что же касается Европы, то со времени нового обострения украинского кризиса она в глазах Кремля из статуса потенциального политического союзника перешла в категорию «адъютанта» Вашингтона и превратилась в угрозу российской политической системе.

Убежденность в решающей американской роли в развязывании кризиса на Украине послужила основанием для Кремля рассматривать его не просто как очередную попытку США превратить стратегию «сдерживания» в «оттеснение» России к границам бывшей «Московии», о чем мечтал Бжезинский, но и как составную часть исторического наступления Запада против России. Ответом на это могла быть только мобилизация всех национальных сил на решительный отпор новому «врагу у ворот». Присоединение Крыма к России в марте 2014 года должно было компенсировать Кремлю потерю Киева.

Начиная с 2014 года российская дипломатия, не заявляя об этом официально, дает понять, что

она больше не считает себя связанной обязательствами, принятыми в Хельсинки в 1975 году, и желала бы вернуться к этапу передела Европы согласно соглашению в Ялте, заключенному в 1945 году Черчиллем, Рузвельтом и Сталиным.

Во время своей пресс-конференции в январе 2016 года министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил: «Наши западные коллеги говорят, что больше не будут вести с Россией *business as usual*¹. Я в этом также уверен. Как можно продолжать вести дела таким образом после того, как нам пытались навязать соглашения, учитывающие прежде всего интересы Евросоюза и Соединенных Штатов, утверждая при этом, что не нарушают наших? Это время уже прошло».

Между тем руководители нынешней России были достаточно реалистичны, чтобы понимать, что их страна не имеет возможностей, чтобы вернуться в статус сверхдержавы, равной США. Для этого у нее не было ни идеологического проекта, альтернативного западному, на котором был построен Советский Союз, ни необходимого экономического потенциала. Владимир Путин это однажды подтвердил: «У того, кто не жалеет о распаде Советского Союза, нет сердца, а у того, кто мечтает о его восстановлении, нет головы».

¹ *Business as usual* (англ.). — Дела как обычно». — *Примеч. ред.*

Начатая вооруженными силами России 24 февраля 2022 года «специальная военная операция» в Украине не была поэтому акцией по «возрождению» уже бесповоротно разрушенного общего государства. Формально, по словам Владимира Путина, она была «вынужденным ответом» на угрозу интересам российской безопасности, вызванным перспективой вступления Украины в НАТО и отказом Киева выполнять взятые на себя обязательства в рамках Минских соглашений.

Став полем фактической конфронтации России с объединенными военными силами и экономическими ресурсами США и Евросоюза, украинский кризис реально приблизил мир к повторению кубинского ракетного кризиса 1962 года на грани уже не холодной, а горячей и даже возможной ядерной войны.

С точки зрения Москвы она была таким образом «оборонительной операцией», но ее подлинный смысл состоял в том, чтобы обозначить, как и в случае с российско-грузинской войной 2008 года, «красную линию» защиты границ «русского мира» от угрозы западного вторжения на его территорию.

Тем не менее особенность этой «превентивной» акции состояла в том, что она должна была защитить Россию скорее от политической, чем

военной угрозы, исходившей от возможного расширения «западного мира» на Восток. Подтверждением этого явилось то, что ставшее ее результатом новое расширение американского военного присутствия в Европе и даже вступление в НАТО новых членов — Швеции и Финляндии, — решивших пожертвовать своим традиционным нейтралитетом, не вызвало в Кремле такой же обостренной реакции, как возможная окончательная политическая потеря Украины и связанный с ней потенциальный пересмотр вопроса о принадлежности Крыма России.

Став полем фактической конфронтации России с объединенными военными силами и экономическими ресурсами США и Евросоюза, украинский кризис реально приблизил мир к повторению кубинского ракетного кризиса 1962 года на грани уже не холодной, а горячей и даже возможной ядерной войны.

ВО ГЛАВЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Для оправдания отказа России от издавна обуревавшей ее «европейской мечты» Кремлю приходится продвигать обновленную версию истории страны. В ней Россия предстает жертвой войны, приобретающей многообразные формы, которую Запад ведет против нее уже много веков.

В своем ежегодном обращении в Думе 18 марта 2014 года российский президент, в частности, утверждал: «Политика сдерживания России, проводившаяся в XVIII, XIX и XX веках, продолжается и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в угол, потому что мы имеем независимую позицию, защищаем себя, потому что называем вещи своими именами и не лицемерим». Если и не по словам, то по тональности эта речь перекликалась с выступлением Сталина в Большом театре в феврале 1946 года.

Отличие лишь в том, что в отсутствие идеологии, которая оправдывала бы классовую борьбу на мировой арене, как в советские времена, возврат к атмосфере войны с Западом, идеологи Кремля должны обращаться к иному рецепту — национализму.

Согласно свежей концепции «патриотической истории» уже сама большевистская революция 1917 года, приведшая к рождению Советского государства, превращается в историческую катастрофу (предваряя будущую «геополитическую катастрофу» распада СССР) и оказывается результатом иностранного заговора внешних врагов, направленного на изменение естественного хода русской истории. (При этом остается невыясненным, какой именно иностранный «фактор влияния» сыграл в этом событии более коварную роль: европейский марксизм, которым вдохновлялись большевики, или германский генштаб, который,

как утверждают, способствовал приезду Ленина в Россию после падения монархии.)

Изображение России «одиноким державой», окруженной врагами, которые не могут смириться с тем, что она ведет себя независимо и гордо, позволяет одновременно спланировать общество и оправдывать атмосферу крепости, «осажденной» врагами. К такой атмосфере вполне применим девиз, сформулированный в конце XIX века царем Александром III, заявившим: «У России нет других союзников, кроме ее армии и флота».

Эта формула напоминает утверждение о том, что главные государственные вопросы решаются не силой права, а правом силы, и оно могло бы лечь в основу новой геополитической доктрины России.

Через сто лет после русской революции 1917 года, которая потрясла мир и международные отношения, нынешняя Москва претендует на то, чтобы возглавить «консервативную революцию», объединив разнообразные силы, оставшиеся на обочине процессов глобализации, — всех, кто восстает против ее ультралиберальной версии.

Через сто лет после русской революции 1917 года, которая потрясла мир и международные отношения, нынешняя Москва претендует на то, чтобы возглавить «консервативную рево-

люцию», объединив разнообразные силы, оставшиеся на обочине процессов глобализации, — всех, кто восстает против ее ультралиберальной версии, воспринимаемой как заговор космополитических финансовых элит, стремящихся установить свое господство над планетой.

Выступая в роли защитника национальных и моральных традиций, которые разрушает каток глобализации, сметающий на своем пути границы государств и даже само понятие суверенитета, Россия собирается стать фактором стабилизации перед лицом хаоса, спровоцированного безответственностью Запада, который пытается навязать свою модель всему миру без учета его разнообразия.

Речь идет о создании разнородной коалиции, состоящей из националистов всех мастей и автократов, — они находят в путинской России не только случайного союзника, но и модель, которой стоит следовать. Этот феномен отражает разочарование обществ и растерянность элит, спровоцированные крахом искусственной стабильности в мире после окончания холодной войны.

Глава 5

ДУЭЛЬ БЕЗУМНЫХ БОМБАРДИРОВЩИКОВ

Россия — одна из самых великих стран мира и ядерная супердержава, и задача президента восстановить ее престиж и ведущую роль в мире.

*Владимир Путин,
выступление 24 марта 2007 года*

Не теряйте никогда рассудка, если только это не входит в ваши намерения.

Ричард Никсон

ГОНКА ТАК ГОНКА!

В последние годы семья единомышленников российского президента, которые сделали ставку на разделение мира национальными перегородками и концентрацию власти в руках сильных лидеров, пополнилась новым членом — президентом США по имени Дональд Трамп.

После неожиданного (в том числе для него самого) избрания этого экстравагантного персонажа Владимир Путин должен был почувствовать себя менее изолированным на мировой арене, несмотря на западные санкции, введенные против России после начала украинского кризиса.

Еще будучи кандидатом, Трамп квалифицировал Россию Путина как необходимого партнера в борьбе за искоренение исламского радикализма. Начиная с президентской кампании, два лидера обменивались знаками симпатии, а будущий советник Трампа по вопросам национальной безопасности генерал Майкл Флинн дал понять русскому послу в Вашингтоне, что будущая адми-

нистрация намерена отменить санкции против Москвы.

Больше того, кандидат республиканцев давал понять, что готов отказаться от американского мессианства. После ряда серьезных провалов США на международной арене он, казалось, собирался вернуться к концепции изоляционизма во внешней политике. Во время избирательной кампании он заявлял: «В отличие от других кандидатов (имелась в виду Хиллари Клинтон), война и агрессия не являются моими приоритетами».

Позднее в своей инаугурационной речи Дональд Трамп заявил, что отдает приоритет интересам национальной безопасности, а не попыткам распространять американскую идеологию. Он даже пошел дальше, признав, что другие части мира не готовы принять американские ценности. И сделал из этого заключение: Америка должна вдохновлять мир, подавая пример, а не затевая операции по вторжению с целью «сменить режим».

Короче, Москва имела все основания не скрывать свое предпочтение республиканскому кандидату, с которым она надеялась повторить операцию по «перезагрузке» российско-американских отношений, сорвавшуюся при президентстве Обамы. Поэтому буря аплодисментов, которую вызвало во время заседания Думы объявление об избрании Трампа в Белый дом, не стала сюрпризом.

Однако эйфория в Москве, вызванная выборами нового хозяина Овального кабинета, оказалась недолгой. Сама логика функционирования популистских режимов делает союзы и отношения между их лидерами переменчивыми и противоречивыми. Пытаясь, каждый на свой лад, сделать свои страны «вновь великими», они быстро вступают в конфликты.

Логика функционирования популистских режимов делает союзы и отношения между их лидерами переменчивыми и противоречивыми. Пытаясь, каждый на свой лад, сделать свои страны «вновь великими», они быстро вступают в конфликты.

Легко было предугадать, что философия новой администрации, выраженная девизом «Америка выше всех», спровоцирует аллергию и сомнения даже у ближайших партнеров Америки. Не говоря уже о ее противниках. Особенно потому, что первые шаги президента Трампа на международной арене противоречили примирительным высказываниям кандидата Дональда.

Став президентом, Трамп сразу обвинил своего предшественника в излишней «мягкости». Видимо, желая защититься от обвинений в слишком «мягком» отношении к политике Кремля (во время президентской кампании Хиллари

называла Трампа «марионеткой Путина»), во внешней политике новый президент решил вести себя жестко.

Отказавшись от обещания не ввязываться в военные операции за рубежом, он отправил морпехов на выручку Саудовской Аравии в Йемен. Не получив мандата ООН, Трамп использовал крылатые ракеты для удара по сирийской авиационной базе в наказание Дамаску за предполагаемое использование химического оружия.

Эти жестуляции напоминали не только прискорбные эпизоды холодной войны, но и поведение некоторых предшественников Трампа, которых он сам же критиковал (Никсон перед встречей с Брежневым в 1972 году подверг бомбардировке вьетнамский порт Хайфон, Клинтон — «наказывал» ракетами Судан, Ирак и Афганистан). Как обычно, воинственные позы во внешней политике должны были компенсировать слабость внутренней позиции.

Новым советником президента Трампа по вопросам национальной безопасности стал генерал Герберт Раймонд Макмастер. Известный своей репутацией «ястреба», он получил прозвище «новый генерал Паттон», по аналогии с тем, кто отказался пожать руку «кровавым большевикам» в 1945 году во время празднования победы над нацистами.

В мае 2016 года Макмастер заявил: «Мы присутствуем при изменении геополитики и начале

нового соревнования, которое чревато военным конфликтом самого большого масштаба за последние семьдесят лет». По его мнению, «аннексия Крыма Россией ознаменовала конец эры, наступившей после холодной войны». В ответ на это новый советник предлагал меры «наступательного сдерживания» России, возобновив давние дебаты относительно содержания и формы «стратегии сдерживания», которую сформулировал Джордж Кеннан в своем пространном послании в феврале 1946 года.

В феврале 2017 года Дональд Трамп объявил о беспрецедентном увеличении военного бюджета на 54 млрд долларов. То есть на сумму, равную почти всему военному бюджету России. Главной целью этой новой программы была модернизация ядерного арсенала. Объявленная цель: обеспечение американского превосходства в этой области, что позволит Америке «начать выигрывать войны».

Закономерно, что, столкнувшись с попыткой США нарушить ядерный паритет между Москвой и Вашингтоном, российские военные обеспокоились. Они увидели в новом варианте стратегического планирования американцев возврат к подготовке первого разоружающего удара против России, т. е. к сценарию времен Рейгана. После того как Дональд Трамп заявил о своем намерении запустить новые программы перевооружения Соединенных Штатов, Москва в ответ

обвинила Вашингтон в желании вернуться к языку силы и пообещала дать отпор.

На предостережения экспертов о том, что новые военные программы, объявленные Вашингтоном, рискуют привести к новой гонке стратегических вооружений, Дональд Трамп ответил, не колеблясь: «Гонка так гонка!»

Столкнувшись с попыткой США нарушить ядерный паритет между Москвой и Вашингтоном, российские военные обеспокоились. Они увидели в новом варианте стратегического планирования американцев возврат к подготовке первого разоружающего удара против России, т. е. к сценарию времен Рейгана.

Между тем со времен Рейгана мир основательно изменился. Слишком много джиннов вырвалось из бутылки глобализации, и даже Пентагону пришлось с этим считаться. Если во время холодной войны у Соединенных Штатов был только один серьезный противник — Советский Союз, — сегодня список возможных врагов Америки значительно увеличился, что ставило под вопрос классическую формулу стратегии сдерживания.

Некоторые американские стратеги начали предлагать адаптировать концепцию сдержи-

вания России к контексту XXI века. Томас Грэхам, сотрудник аппарата Совета национальной безопасности США между 2004-м и 2007 годом, провел сравнительный анализ условий, существовавших в феврале 1946 года и в современную эпоху.

Грэхам исходил из того, что новая Россия «более не заинтересована в интеграции с западным миром, если вообще она когда-либо к этому стремилась». В то же время это «не должно мешать США и России сотрудничать по определенным вопросам, даже если эта кооперация не будет основана на общих ценностях и одинаковом видении справедливого мирового порядка».

В отличие от глобального видения Кеннана, американский аналитик предлагал вариант «выборочного сдерживания», отражающий двусторонние отношения «без иллюзий». Основная идея Грэхамы состояла в том, что в глобальном и неустойчивом мире сдерживание России должно стать «смесью конкуренции и сотрудничества, противостояния и примирения».

Это, в частности, не исключало, что по насущным вопросам, которые ставит новая мировая реальность, Россия может быть на стороне Запада, а не в лагере его противников. Даже известный теоретик холодной войны Збигнев Бжезинский сменил тон. Он, в частности, выразил желание, чтобы Соединенные Штаты объеди-

нились с Россией против «восстания третьего мира», которое он считал неизбежным.

Список возможных кандидатов, на кого могла быть нацелена новая версия американской стратегии «выборочного сдерживания», достаточно длинный. На одном из первых мест в нем ядерный потенциал северокорейского режима — проблема, которую Дональд Трамп обещал «урегулировать с помощью Китая или в одиночку, если понадобится».

Даже известный теоретик холодной войны Збигнев Бжезинский сменил тон. Он, в частности, выразил желание, чтобы Соединенные Штаты объединились с Россией против «восстания третьего мира», которое он считал неизбежным.

Но как быть с самим Китаем? Не рискует ли он стать новой мишенью американской политики выборочного «сдерживания»? После того как госсекретарь США Рекс Тиллерсон пригрозил запретить Пекину, в том числе с применением силы, доступ в воды Южно-Китайского моря, стало очевидно, что такая перспектива должна была толкнуть Китай к укреплению стратегического союза скорее с Москвой, чем с Вашингтоном.

Тогда почему бы не Иран? Тем более что объявленный администрацией Трампа врагом «но-

мер два» после Исламского государства*, Иран был провозглашен израильским правительством, надежным союзником Белого дома, «экзистенциальным врагом» Израиля. В этих условиях что, например, могло стать целью нового «обезоруживающего» американского удара?

Сам того не сознавая, Дональд Трамп заново сформулировал теорию «безумного бомбардировщика» Ричарда Никсона, который желал держать партнеров в полном неведении о своих истинных намерениях и даже о собственном душевном равновесии. Никсон, в частности, пытался использовать этот прием, когда американцы проигрывали войну во Вьетнаме, чтобы заставить коммунистический режим Севера страны и его советских и китайских союзников поверить в то, что Вашингтон готов использовать атомное оружие. Однако его теория предполагала, что «буйный» президент в Белом доме будет действовать в кругу «нормальных» и рациональных мировых лидеров. Она не предусматривала возможности столкновения с другими «бомбардирами», столь же безумными, как и он.

Ящик Пандоры легко открыть, а захлопнуть нельзя. И если несколько «безумных бомбардировщиков» начнут штурмовать небо планеты, ставшей слишком маленькой для маневров подобного жанра, никто никогда не укроется от атаки. Каковы бы ни были изначальные намерения пилотов.

НЕРАВНОБЕДРЕННЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Вопрос об адекватном ответе со стороны Москвы и о возобновлении стратегического соревнования между ядерными державами вернулся в повестку дня. По замыслу Владимира Путина Россия, которая «поднимется с колен», став новым полюсом политического и стратегического могущества, должна предпринять инициативу построения нового мирового порядка. Позиция Москвы однозначна: прежний мировой порядок, который Запад пытался навязать после окончания Второй мировой войны, подчинив себе мир, ушел в прошлое. С одной стороны, из-за попыток Запада обеспечить себе, в том числе силой, доминирующую роль единственного господина планеты, «расплющенной» ультралиберальной глобализацией. С другой стороны, потому что эта политика не учитывает противоречивые реальности XXI века и позиции актеров, не согласных играть роли в западном сценарии.

Тем более что с точки зрения Кремля стремление Запада, присваивающего себе право верховного судьи следить за поведением остальных членов мирового сообщества и выдвигающего на первый план в качестве неприкасаемых «священных коров» нормы международного права, пронизано лицемерием, поскольку сами эти страны не готовы их соблюдать.

Ссылаясь на прецеденты Косово, Ирака и Ливии, Россия оставляет за собой право на такое же нарушение формальных правил «дорожного движения» в современном мире, когда затрагиваются ее жизненные или стратегические интересы.

Для обеспечения своих национальных интересов в новых условиях режим России не удовлетворяется лишь защитной тактикой. Вдохновленный зигзагами политики Запада и стратегическим отступлением США после серии неудач, особенно в Ираке и в Афганистане, Кремль посчитал возможным перейти в наступление.

Но для обеспечения своих национальных интересов в новых условиях режим России не удовлетворяется лишь защитной тактикой. Вдохновленный зигзагами политики Запада и стратегическим отступлением США после серии неудач, особенно в Ираке и в Афганистане, Кремль посчитал возможным перейти в наступление.

Логика *brinkmanship*¹ требовала открытия новых фронтов противостояний с Западом, чтобы не спадало напряжение, позволяющее

¹ Балансирование на грани (*англ.*). — *Примеч. ред.*

России сохранять свой статус игрока за столом великих держав. Отсюда неожиданный скачок в стратегии России в сторону Ближнего Востока и Азии.

Участие России в гражданской войне в Сирии, начиная с 2015 года, было призвано подтвердить возвращение страны на арену мировой политики в качестве такой же «необходимой» державы, как и Соединенные Штаты, и ее способность влиять на международные конфликты в разных районах мира, а не только в тех, что входят в сферу ее «евразийского» влияния.

Одновременно с этим, отвернувшись от Европы, российская внешнеполитическая стратегия развернулась в сторону Азии и, прежде всего, Китая. Если несколько лет назад российский министр иностранных дел Сергей Лавров анонсировал «органический» альянс России с Европой, отныне он стал активным проповедником «постзападного» мироустройства и, в частности, нового китайско-русского партнерства.

Обе державы объединяет одинаковое видение нового мирового многополярного мира, который заменит монополию американского господства. Союз двух гигантов на Востоке может вполне образовать общий фронт сопротивления давлению Запада. Это во многом объясняется еще и тем, что Россию и Китай сближает сходный выбор в вопросах внутренней политики. Они без ком-

плексов демонстрируют свое предпочтение авторитарным системам, фундаментально отличным от западных моделей. Даже если эти две державы не предполагают навязывать свои внутренние модели всему миру, как это делали большевики, они активно выступают против попыток Запада пересадить варианты либеральной демократии на их общественную почву, объявляя всех своих политических противников «пятой колонной» или иностранными агентами.

И Россия, и Китай были в высшей степени озабочены попытками смены режимов при поддержке Запада в странах Ближнего Востока во время Арабской весны. Соответственно, менялись и приоритеты стратегического союза, созданного двумя азиатскими гигантами — Шанхайской организацией сотрудничества, — ШОС. Если ее первоначальной целью была координация их отпора подъему радикального исламизма в Центральной Азии, со временем она начала все больше превращаться в азиатский противовес НАТО.

Но если внешне Москва и Пекин демонстрируют сегодня одинаковые или очень близкие позиции по основным вопросам международной политики (и голосуют практически одинаково в Совете Безопасности ООН), они далеки от Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного в 1950 году Сталиным и Мао. Важная деталь, свидетельствующая о принципиальных

политических разногласиях, — Пекин не признал присоединение Крыма к России.

Кроме этого очевидно, что Россия и Китай имеют свои собственные тактические предпочтения. Для России в условиях кризиса на Украине речь идет о том, чтобы не остаться в одиночестве в Совете Безопасности ООН и избежать международной изоляции перед лицом давления и усиливающихся санкций со стороны Запада.

Для Китая возможность натянуть на себя «евразийское одеяло» помогает прокладывать трассу для Великого шелкового пути в Европу, а главное, позволяет покончить с кошмаром возможного стратегического альянса Москвы с Западом.

Для Китая возможность натянуть на себя «евразийское одеяло» помогает прокладывать трассу для Великого шелкового пути в Европу, а главное, позволяет покончить с кошмаром возможного стратегического альянса Москвы с Западом, основой которого стала бы та система коллективной евроатлантической безопасности от Ванкувера до Владивостока, которой еще несколько лет назад пытался соблазнить Европу и США Дмитрий Медведев.

При этом каждый член российско-китайского дуэта подозревает другого в желании заключить с

Вашингтоном стратегическую «делку» за его спиной с целью установить «двуглавое управление» миром в новом веке. Эти подозрения обоснованы, поскольку постсоветская Россия не оставила надежд на возвращение в ушедшую эпоху американо-советского управления миром. Что же касается Китая, то его нынешний и, вероятнее всего, завтрашний лидер Си Цзиньпин заинтересован в том, чтобы стать привилегированным партнером США в эру принявшей экономическую форму глобализации, уже выдвинувшей Пекин на авансцену мировой политики.

Эта многоходовая игра может вполне способствовать возрождению знаменитого «треугольника», сконструированного в начале 1970-х годов Генри Киссинджером и реализованного Ричардом Никсоном в ходе его визитов в Пекин и Москву в 1972 году. С одним принципиальным отличием, которое отражает фундаментальные перемены, произошедшие в мире за прошедшие пятьдесят лет.

В 1970-е годы у США были все основания рассматривать себя в качестве вершины этого необычного треугольника. Его создатель Киссинджер мог утверждать, что «Вашингтон поддерживает гораздо лучшие отношения с каждой из двух стран, чем они между собой». Сегодня вершиной треугольника, вне сомнения, стал Китай, который явно следует совету Великого Кормчего Мао: «Пользуйтесь положением обезьяны, сидящей на

дереве, и спокойно наблюдайте схватку двух тигров у вас под ногами».

Все более сближаясь со своим китайским соседом, современный российский режим окончательно похоронил проект Общего европейского дома, о котором мечтал Горбачев. Больше того, он порывает с проевропейской ориентацией России — не только во внешней политике страны, но и внутри нее, — которая была избрана еще Петром Великим.

Глава 6

НАРИСУЙ МНЕ ВОЙНУ

Мы знаем, как погибнет Вселенная: мы взорвем ее во время испытаний нового топлива для наших летающих тарелок.

*Курт Воннегут.
Бойня номер пять,
или Крестовый поход детей*

Война — это мир.

*Джордж Оруэлл.
«1984»*

...нарисуй мне барашка...

*Антуан де Сент Экзюпери.
Маленький принц*

МИРАЖИ МИРА БЕЗ ВОЙН

Почти все крупные войны, несмотря на их ужасные последствия — разрушения, страдания и жертвы, — в конце концов заканчивались, как правило, перемириями, договорами или мирными соглашениями, обещавшими длительный (а иногда и вечный!) мир, установленный на основе законов, договоров и других правовых норм, позволяющих надлежащим образом урегулировать возможные конфликты в будущем. Эти обещания нередко принимали форму грандиозных проектов мирового переустройства, регулирующих отношения между нациями и государствами.

Так, Тридцатилетняя война между католиками и протестантами в Европе привела к подписанию Вестфальского договора в 1648 году. В течение более трехсот лет этот договор, основывавший отношения между европейскими государствами на уважении их национальной идентичности, сохранял законную силу.

Как известно, эпоха наполеоновских войн закончилась Венским конгрессом и образованием Священного союза, инициированного и в значительной степени патронируемого Россией. Конгресс наций в Берлине в конце XIX века породил договор, закрепивший компромисс между притязаниями западных европейцев и русских в пору упадка Османской империи.

Однако ни различные договоренности между монархиями, республиками и империями, ни настойчивость дипломатов не смогли помешать браво-маршу народов к пропасти Первой мировой войны.

После ее окончания почти одновременно, хотя и по различным мотивам, два политических лидера — американский президент Вудро Вильсон и вождь Октябрьской революции Владимир Ленин — заявили, что для того, чтобы избежать впредь повторения мировых катастроф подобного масштаба, мирное урегулирование должно быть основано на уважении права «всех народов на самоопределение».

Под влиянием американского президента и его программы построения мира в Европе, состоявшей из «14 пунктов», участники пакта об учреждении Лиги Наций, принятого на Парижской мирной конференции в 1919 году, обязались выработать и поддерживать международные отношения, основанные «на справедливости и чести». На другой стороне Европы по настоянию Ленина

на следующий день после захвата власти большевиками Петроградский совет проголосовал за торжественную декларацию, призывающую к установлению всеобщего и справедливого мира «без аннексий и контрибуций».

Оба этих проекта потерпели неудачу по разным причинам. В России за трагедией Первой мировой войны после установления большевистской диктатуры последовала национальная трагедия Гражданской войны. Что касается проекта Вильсона, он был отвергнут американским Сенатом, который не ратифицировал Версальский мир и запретил вступление Соединенных Штатов в Лигу Наций, — первый проект мирового коллективного правительства.

Другим последствием Первой мировой, скорее моральным, чем политическим, стал пакт Бриана-Келлога, предложенный Аристидом Брианом, министром иностранных дел Франции, и Франком Келлогом, американским госсекретарем. Подписанный 27 августа 1928 года в Париже пятнадцатью странами, он осуждал «использование войны для урегулирования международных конфликтов и как инструмент национальной политики в их взаимных спорах». И хотя этот пакт был в конце концов одобрен представителями 63 стран — в том числе и Советским Союзом — он не имел практического применения. Никаких санкций не было предусмотрено в случае его нарушения, помимо осуждения или публичного порицания. Он к тому

же вскоре будет забыт в условиях драматических событий 1930-х годов.

Лигу Наций постигла та же судьба. Несмотря на то что она предусматривала предотвращение новой войны и решение конфликтов путем переговоров с помощью системы коллективной безопасности, ничто не помешало ни агрессивным действиям держав «оси» в 1930-х годах, ни развязыванию Второй мировой войны. Инициаторы этой планетарной катастрофы — нацистская Германия, Япония и Италия — покинули Лигу Наций сами. СССР был из нее исключен в 1939 году после нападения на Финляндию.

По мнению трех главных победителей во Второй мировой войне — Рузвельта, Черчилля, Сталина, собравшихся в Ялте в 1945 году, первородный грех Лиги Наций заключался в том, что у этой организации не было собственных вооруженных сил и поэтому никакой возможности навязать в случае необходимости применение своих резолюций. Вот почему проект нового международного органа, ответственного за глобальное управление миром, предложенный Франклином Рузвельтом, предусматривал возможность применения ООН вооруженных сил. Будь это в виде операций по поддержанию мира или в рамках применения санкций против нарушителей международного правопорядка.

Несмотря на то что этот статус «эффективного миротворца» закреплен в Уставе ООН, организация сделала ненамного больше, чем ее неудачливая

предшественница. Выяснилось, что отсутствием новой мировой войны (до сих пор) мир обязан не столько авторитету и эффективности ООН, сколько пресловутой концепции MAD — порождению холодной войны. Лучшим миротворцем стал взаимный страх перед коллективным самоубийством, к которому может привести ядерная конфронтация.

Практически единственный раз, когда ООН эффективно выполнила функцию «международного полицейского» (за исключением сомнительного эпизода корейской войны в 1950-е годы), стала коллективная реакция ее членов на захват армией Саддама Хусейна Кувейта в августе 1990 года. Но для того чтобы все постоянные члены Совета Безопасности единогласно проголосовали за использование «всех средств», включая военную силу, чтобы принудить иракского диктатора покинуть Кувейт, понадобилось, чтобы перестройка в СССР проявилась и в сфере внешней политики. Парадоксом стало то, что долгожданное утверждение ООН как неоспоримого международного авторитета состоялось за несколько месяцев до кончины одного из ее членов-основателей — СССР.

Хотя со времени ракетного кризиса на Кубе в 1962 году мир мог считать себя застрахованным от атомной карты в политической игре, угроза такого конфликта остается главной в списке опасений аналитиков.

Парадоксом новой эпохи стало то, что, лишившись страховочных «тормозов» в виде MAD и

стабилизатора, роль которого играло идеологическое противоборство двух систем, мир погрузился в хаос «войны всех против всех». Поскольку никакое соотношение сил не может оставаться стабильным, ситуация в мире становится зыбкой и непредсказуемой, тем более что главенствующим принципом разрешения международных конфликтов вновь стало соотношение сил.

Парадоксом новой эпохи стало то, что, лишившись страховочных «тормозов» в виде MAD и стабилизатора, роль которого играло идеологическое противоборство двух систем, мир погрузился в хаос «войны всех против всех».

При этом вместо двух главных соперников, которые боролись на ринге, отводя всем остальным роль зрителей, на авансцену вышли новые агрессивные игроки.

Да и мир ушел от 1950-х годов — эпохи войны в Корее и Берлинской блокады. В конце концов если чему и научила ее участников холодная война, то это искусству избегать катастрофы — *brinkmanship*. Однако сегодня судьба мира не зависит исключительно от поведения двух ядерных сверхдержав и отношений между ними. И хотя прямой военный конфликт между двумя ядерными державами остается маловероятным, мир не защищен от региональных конфликтов, спо-

собных перерасти в глобальную катастрофу. Тем более что под влиянием глобализации население планеты оказалось связанным одной судьбой.

В поствестфальском и глобальном мире статус суверенного государства может ставиться под сомнение одновременно признаками возрождения бывших империй (русской, персидской, оттоманской), самозванными образованиями типа исламского Халифата¹, сепаратистскими республиками и даже никем не признанными территориями или королевствами пиратов.

Национальные правительства оттесняются на второй план многонациональными корпорациями, располагающими колоссальными бюджетами, лобби торговцев оружием, наркокартелями, социальными сетями, секретными сообществами, хакерами и т. д. Стороны, вовлеченные в новые конфликты, не носят военную форму и не размечают линию фронта. Означает ли это, что мы движемся в сторону мозаики гибридных войн с участием разных актеров, участвующих в битвах на самых разных фронтах и применяющих всевозможное оружие — от архаичного до самого современного? Этого можно опасаться, поскольку среди новых актеров, появившихся на мировой арене за последние десятилетия, можно встре-

¹ Неофициальное название Исламского государства, террористической организации, запрещенной в России. — *Примеч. ред.*

тить профессиональных поджигателей, террористов, для которых провокации — их главное ремесло, и кто в большинстве случаев объявляет себя фанатичными камикадзе.

Увеличение числа участников — государственных или нет, — вовлеченных в геостратегические игры, происходит по мере того, как растет уровень неопределенности и непредсказуемости международной ситуации.

Противоречивый облик современного мира позволяет оптимистам утверждать, что человечество, несмотря на все отступления, продолжает идти по пути прогресса, в то время как пессимисты и реалисты, которых становится все больше, это оспаривают. Или по крайней мере в этом сомневаются. Поскольку новый век, который слишком часто создает впечатление бесконечного повторения прошлого, усиливает представление, что история идет по кругу.

В самом деле мир находится в переходной стадии. В отсутствие новой терминологии некоторые готовы приклеить этикетку новой холодной войны современной мировой ситуации с ее сильными потрясениями. Другие, не колеблясь, говорят о дыхании третьей мировой войны.

Десятилетия сотрудничества между двумя стратегическими противниками, которые после полувековой гонки за фантомом превосходства пришли к необходимости от нее отказаться, преданы забвению.

В одном из своих последних интервью, которое он дал газете *Times*, последний советский президент Михаил Горбачев предупредил о новой планетарной угрозе: «Мир, похоже, готовится к войне». Главная причина его беспокойства связана с новой милитаризацией международных отношений.

В самом деле мир находится в переходной стадии. В отсутствие новой терминологии некоторые готовы приклеить этикетку новой холодной войны современной мировой ситуации с ее сильными потрясениями. Другие, не колеблясь, говорят о дыхании третьей мировой войны.

Многочисленные опросы общественного мнения, проведенные в Европе, США, а также в России, свидетельствуют об общем чувстве беспокойства: миллионы людей в разных странах задаются вопросом не о возможности третьей мировой войны, а о том, когда она разразится. Среди американцев число тех, кто предрекает новый мировой конфликт в ближайшем будущем, составляет 64% опрошенных. В Англии — 61%.

Если страх перед новой планетарной катастрофой и особенно новой войной одинаково разделяет население разных стран мира, ответ на вопрос: «Откуда исходит главная опасность?» разнится радикально. Для англичан и американцев

это, безусловно, Россия. Их мнение разделяют поляки и прибалты. Что касается русских, они обеспокоены возможностью новой агрессии против них со стороны Запада, в частности Соединенных Штатов и НАТО. Военная русская доктрина официально объявляет НАТО и его расширение главной угрозой своей национальной безопасности.

По данным опроса «Левада-Центра», 74% русских опасаются, что скоро грянет мировая война. Исходя из трагического опыта блокады Ленинграда во время Второй мировой войны, губернатор Санкт-Петербурга даже подписал указ, определяющий нормы выдачи продовольствия в случае новой войны. Этот документ гарантирует каждому гражданину по 300 г хлеба ежедневно в течение двадцати дней.

ПРИВКУС ПЕПЛА

Парадокс новой холодной войны, которая маячила на горизонте, — в том, что она опаснее предыдущей. Вот мнение бывшего министра обороны Соединенных Штатов Уильяма Перри: «Возможно, беда нового поколения политиков в том, что они не помнят и, соответственно, не отдают себе отчета в том, насколько серьезны эти проблемы. Если бы вы, как я, пережили Кубинский ракетный кризис в 1962 году или столкнулись с ложной атомной тревогой, вы бы поняли, насколько это опасно и сделали бы все, чтобы такое больше не повторилось».

Перри особенно был озабочен возобновлением гонки ядерного вооружения между США и Россией. «Похоже, что ни мы, ни русские не осознают реальности угрозы этой ситуации. Мы рискуем вернуться в эпоху, когда политики полагали, что «только» 25 миллионов убитых — это приемлемая цифра».

Разумеется, публично лидеры двух ядерных гигантов клянутся, что не намерены применять это чудовищное оружие. Не так давно на своей встрече в Женеве Путин и Байден подтвердили совместную женевскую декларацию Рейгана и Горбачева 1985 года о том, что «в ядерной войне не может быть победителей, и поэтому она никогда не должна быть развязана». Тем не менее они же все чаще демонстрируют желание использовать атомное оружие как политическое и психологическое средство. Это делает ситуацию еще более опасной, чем в прошлом, поскольку, если во время холодной войны атомная угроза служила закреплению статус-кво, сегодня она используется для дестабилизации мирового порядка.

Еще одна причина объясняет опасное состояние отношений между двумя главными игроками в ядерный покер — американцами и русскими. После продолжительного периода относительного паритета их атомных арсеналов сегодня они далеко не в равном положении. Высокомерие победителя (Соединенных Штатов) усугубляет комплексы проигравшего (России), что толкает

Москву на то, чтобы компенсировать свою слабость дополнительной агрессивностью.

Стоит напомнить, что в эпоху холодной войны угроза использования ядерного оружия рассматривалась в штабах НАТО как единственное убедительное средство ответа на подавляющее превосходство над Западом армий стран Варшавского договора в обычных вооружениях. Эта тактика являлась частью официальной доктрины НАТО. С исчезновением СССР роли кардинально изменились, и теперь Россия, в свою очередь, компенсирует стратегическую слабость обращением к ядерному оружию, которое, как знаменитый кольт у американских ковбоев, остается «главным» в атомную эру.

С 2010 года новая русская военная доктрина установила право на «превентивный атомный удар» (официально удаленный из советской доктрины), указав, что «Россия имеет право использовать ядерное оружие, чтобы защитить себя и своих союзников от угрозы разрушения государства». Таким манером Кремль стремится восстановить то право вето в урегулировании крупных мировых кризисов, которым обладал Советский Союз после Второй мировой войны и которого Запад лишил Россию после окончания холодной войны.

Явный разрыв между экономическими и военными возможностями России и Запада заставляют московских стратегов выбирать, чтобы компенсировать очевидную слабость их страны, тактику асимметричного конфликта и гибридной войны,

которую имеют обыкновение использовать слабые против сильных. С военной точки зрения это объясняет, почему Россия делает акцент на применении ядерного оружия, которое становится для нее «последним аргументом короля».

Уже в новое время, хотя считалось, что холодная война осталась в прошлом, стало известно, что в марте 2014 года в дни, предшествовавшие вхождению Крыма в состав Российской Федерации, Владимир Путин отдал приказ привести в боевую готовность российские ядерные силы. Москва проинформировала Вашингтон, что попытка вернуть Крым в состав Украины с помощью силы будет рассматриваться как атака против России и встретит отпор, в том числе с использованием ядерного оружия.

Аналогичное предупреждение было адресовано Западу после начала в феврале 2022 года «специальной военной операции» российских вооруженных сил на востоке Украины.

В июне 2022 года директор
Стокгольмского международного
института исследования проблем мира
(SIPRI) Дэн Смит заявил, что риск
применения ядерного оружия достиг пика
со времен холодной войны.

Соблазн использовать ядерную карту в качестве политического козыря демонстрируют и другие официальные и неофициальные члены

«клуба». В июне 2022 года директор Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) Дэн Смит заявил, что риск применения ядерного оружия достиг пика со времен холодной войны.

Впервые с 1986 года все ядерные державы — Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан, Израиль и КНДР заявили о предстоящей модернизации своих ядерных потенциалов и намерениях увеличивать число боеголовок.

В 2021 году за несколько дней до истечения срока действия договора СТАРТ Путин и Байден договорились продлить его еще на 5 лет, однако все остальные переговоры о стратегической стабильности между Россией и США заморожены, обе страны вышли из договора по ракетам средней дальности, подписанного Рейганом и Горбачевым в 1987 году.

По утверждению бывшего директора Международного агентства по атомной энергии Мохамеда Эль-Барадеи, к 2030 году число членов ядерного клуба может достичь 30. В этой атмосфере можно считать, что времена, когда Рейган и Горбачев мечтали в Рейкьявике о мире, свободном от атомного оружия, окончательно миновали.

Уже согласованная было сделка с Ираном о приостановке ядерной программы фактически развалилась, летом 2022 года лидер Северной Кореи заявил о праве его страны на «превентивный ядерный удар» для обеспечения интересов на-

циональной безопасности, а власти нейтральной Швейцарии впервые с 1960-х годов расконсервировали имевшиеся в стране противоатомные убежища и призвали население приспособляться для этих же целей свои винные погреба.

Разумеется, Соединенные Штаты, как и Россия, имеют гарантированную возможность уничтожить весь мир (даже не однажды), но они не в состоянии более по обоюдной договоренности разрешать множество проблем и кризисов, с которыми сталкивается мир и они сами.

Разумеется, Соединенные Штаты, как и Россия, имеют гарантированную возможность уничтожить весь мир (даже не однажды), но они не в состоянии более по обоюдной договоренности разрешать множество проблем и кризисов, с которыми сталкивается мир и они сами. Поскольку прежняя монополия на шантаж планеты атомным оружием, представлявшая собой во времена холодной войны их метод доминирования в мире, больше им не принадлежит.

В отличие от двух ядерных супердержав у новых игроков руки развязаны. Они не должны ни нести такой же ответственности за судьбу мира, ни беспокоиться о том, чтобы избежать планетарной катастрофы (даже с риском самоубийства). Они могут поэтому рассматривать угрозу

применения атомного оружия как рядовой способ шантажа или решения локального конфликта.

Перестав выглядеть символом немислимого Армагеддона, ядерная война рискует стать одним из козырей в карточных играх дипломатов или одним из многих инструментов в руках новых мировых ремесленников. Использование силы или ее угроза превратились в средство установления нового равновесия, а мир отныне — в паузу между войнами, почти постоянными. Иначе говоря, в продолжение войны иными способами.

Современная смесь шантажа и блефа, истины и fake news¹ стремится стереть границу между реальным и виртуальным и приводит к тому, что девальвирует реальные страдания людей и ценность человеческой жизни. Бывший министр обороны при Джордже Буше-младшем и Бараке Обаме Роберт Гейтс писал по этому поводу: «Для слишком многих людей — включая экспертов, членов Конгресса, правительства и простых граждан — война превратилась в своего рода видео или фильм без пролития крови, без цвета и запаха».

Но повышенный риск возобновления холодной войны — результат не только отсутствия памяти у нового поколения политиков. Более серьезные причины связаны с небывалой атмо-

¹ Fake news (англ.) — фальшивые новости. — *Примеч. ред.*

сферой в международной ситуации, в которой мы живем.

Уже сейчас риторика, используемая сторонами, вовлеченными в разные конфликты, напоминает самые мрачные периоды холодной войны. Чехов считал, что если в начале пьесы на стене висит ружье, то в последнем акте оно непременно должно выстрелить. Список причин, способных послужить развязыванию кризиса, в том числе с применением атомного оружия, к сожалению, слишком велик.

Известен эпизод, произошедший в 1950-х годах, когда американские радары спутали полет перелетных птиц с советскими ракетами, что вызвало ядерную тревогу. В 1967 году компьютеры ВВС США, ослепленные на несколько минут вспышкой на поверхности Солнца, начали подготовку к открытию ядерных бункеров. К счастью, информация, предоставленная астрономами, поступила вовремя.

Во времена интенсивной эксплуатации космоса ученые не исключают, что космический мусор — обломки спутников и ракет, летающие в космосе, — который заменит перелетных птиц, может спровоцировать военные конфликты.

Ссылаясь на мнение специалистов, британская газета *Guardian* подтверждает, что если чей-то военный спутник пострадает из-за столкновения с одним из 23 000 обломков размером более 10 см, которые вращаются вокруг земной орбиты,

пострадавшая сторона может рассматривать это как вражескую атаку. «Будет крайне сложно доказать, что это не преднамеренное нападение», — поясняет автор статьи.

Риск случайной катастрофы возрастает в отсутствие диалога между главными актерами мировой политики, в то время как международные организации по разрешению кризисов, как ООН, — превратились всего лишь в бессильных наблюдателей.

В условиях, когда мир после десятилетий заключения в камере холодной войны вдруг пришел в движение, риск вспышки разнообразных конфликтов с их возможным превращением в мировой катаклизм чрезвычайно велик. Новая гонка вооружений позволяет предусмотреть самые зловещие сценарии того, откуда прозвучит выстрел, который развяжет роковое столкновение.

Настоящей пороховой бочкой является Азия. Она может взорваться и из-за намерений Пекина завершить так и не закончившуюся на протяжении временного промежутка в более чем 70 лет гражданскую войну в Китае присоединением Тайваня, и из-за авантюрного поведения режима в Пхеньяне, но также из-за тлеющего пограничного конфликта между Индией и Пакистаном — двух атомных держав.

Не разрешен и вопрос с Сирией, где на крошечном пространстве вокруг определения судьбы государства и его режима, почти как в годы хо-

лодной войны, развернулось соперничество русских и американцев, к которым присоединились и региональные актеры (Иран, Турция, Саудовская Аравия, Ливан и Израиль). Недаром античный город Алеппо, в боях за который участвовали американские «Томагавки», турецкие самолеты и российские ракетные дивизионы, сравнивали с Сараево 1914 года.

Настоящей пороховой бочкой является Азия. Она может взорваться и из-за намерений Пекина завершить так и не закончившуюся гражданскую войну в Китае присоединением Тайваня, и из-за авантюрного поведения режима в Пхеньяне, но также из-за тлеющего пограничного конфликта между Индией и Пакистаном.

Однако главное беспокойство во всем мире вызывает развитие событий в Европе, где после спокойствия мирных десятилетий подул ветер войны. Не сумев построить Общий дом, его жильцы принялись восстанавливать блиндажи прошлой эпохи. Впервые за последние десять лет военные бюджеты европейских стран стали расти, а министр иностранных дел России Сергей Лавров считает, что над континентом заново после тридцатилетнего «антракта» опустился «железный занавес».

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Если перелистать страницы предыдущей истории человечества — она предстанет главным образом как история войн. От древних битв за огонь до современных кибератак и воздушных боев между дронами последней моды. Периоды мира в этой летописи выглядят лишь как короткие паузы между религиозными, межплеменными, гражданскими, межэтническими, локальными сражениями, не говоря уже о двух мировых конфликтах.

Парадоксально, что самый продолжительный (относительно) мирный период — это годы холодной войны. Мир или, скорее, отсутствие нового масштабного столкновения в то время обеспечивалось господством Большого Страх перед возможным мировым катаклизмом в результате ядерного конфликта.

Окончание холодной войны вопреки всем надеждам погрузило мир в состояние неопределенности. Избавив его от страха перед планетарным катаклизмом, Михаил Горбачев подарил международному сообществу шанс и одновременно бросил вызов: постараться обеспечить выживание человеческого рода не из-за страха перед возможной катастрофой, а путем поиска соглашений и компромиссов.

Хаос, воцарившийся с тех пор на мировой арене, показывает, что ни политические элиты, ни общественное мнение не были к этому готовы. Кое у кого возвращение логики конфронтации и использования силы в международных отношениях вызывает ностальгию по предсказуемости и стабильности времен холодной войны, которую тогда тем не менее все осуждали.

Окончание холодной войны вопреки всем надеждам погрузило мир в состояние неопределенности. Избавив его от страха перед планетарным катаклизмом, Михаил Горбачев подарил международному сообществу шанс и одновременно бросил вызов.

Причины мирового дисбаланса не кроются лишь в прекращении противостояния двух ядерных супержандармов. Сегодняшний мир подвергается одновременно рискам, идущим из прошлого и из будущего. Находится в каком-то смысле на ничейной полосе между прежним индустриальным миром и миром информатики и искусственного интеллекта, между расколотой противоречиями и все более глобализируемой, до униформизма, реальностью.

Как и для любого переходного этапа, для него характерны экстремальная нестабильность и конфликты между «пережитками» прошлого и болезненным рождением будущего. В этом, в принципе,

нет ничего исключительного. Нам уже известны подобные периоды, которые Антонио Грамши, заточенный фашистским режимом Муссолини в тюрьму, назвал «сумерками истории», когда «старый мир умирает, а новый медлит родиться» и это «порождает монстров».

В книге «1914–2014. Европа выходит из истории?»¹ известный французский политик Жан-Пьер Шевенман выдвинул гипотезу, по которой мировые войны являлись реакцией на волны модернизации. Согласно его теории, конец холодной войны, породив обновленную версию глобализации, может привести к началу нового мирового конфликта.

Есть и другие причины этого опасаться. Начать с того, что потенциал саморазрушения, накопившийся в мире, никогда не достигал таких масштабов за всю историю человечества. Другой аспект: после летаргических лет холодной войны неожиданное столкновение лицом к лицу средневековых архаизмов, существующих в обширных районах мира, и агрессивного наступления цивилизации постмодерна ведет, как на эскалаторе, внезапно запущенном в движение после долгого простоя, к травмам и конфликтам.

К этому следует добавить беспрецедентную скорость драматических изменений, потрясаю-

¹ Jean-Pierre Chevènement. *1914–2014. L'Europe sortie de l'Histoire?* – Paris: Fayard, 2013.

щих режимы и общества и нарушающих традиционный стиль жизни целых народов. Конечно, и в прошлом происходили потрясения, вызванные волнами перемен. Но они, как правило, занимали достаточно «долгое» историческое время, чтобы позволить и элитам, и широким слоям населения адаптироваться к ним.

Сегодня же исторические сдвиги, затрагивающие повседневную жизнь миллионов людей, происходят в течение жизни одного или двух поколений. Они спрессовывают время и «дробят» историю на короткие отрезки, способные провоцировать кризисы, революции и войны.

Конфликты предыдущих веков,
помещенные в «скороварку» XXI века,
могут вспыхнуть одновременно.

Такое сосредоточение изменений во времени и пространстве может привести к столкновению нового мира с неожиданной угрозой: конфликты предыдущих веков, помещенные в «скороварку» XXI века, могут вспыхнуть одновременно. Как писал известный французский философ Эдгар Морен, «несмотря на то что человечество переживает планетарный кризис, общие угрозы: экология, экономика, религиозный фанатизм, распространение ядерного оружия не приводят к сплочению людей; напротив, мы присутствуем при невиданном расколе человечества».

К возвращению проблем прошлого следует добавить факторы дестабилизации, доносящиеся из будущего. Вызовы нового мира, неизвестные предыдущим поколениям, усиливают напряженность в мире, и без того находящемся на грани взрыва, углубляя неравенство внутри отдельных обществ и обостряя проблемы окружающей среды.

Если появление ядерного оружия было предупреждением человечеству, что отныне оно обладает средством самоуничтожения, то открытие хрупкости природной среды, неустойчивости климатического равновесия на Земле и ограниченности существующих энергетических и продовольственных ресурсов должны заставить его задуматься о своем выживании.

Если появление ядерного оружия было предупреждением человечеству, что отныне оно обладает средством самоуничтожения, то открытие хрупкости природной среды, неустойчивости климатического равновесия на Земле и ограниченности существующих энергетических и продовольственных ресурсов должны заставить его задуматься о своем выживании. Достаточно напомнить, что именно катастрофа на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 года в значительной степени подвигла Горбачева на то, чтобы предложить

Рейгану заключить в Рейкьявике историческое соглашение с целью избавить человечество от ядерного оружия.

Глобальное потепление планеты, вызванное главным образом деятельностью человека, влечет за собой и политические последствия, увеличивающие риск конфликтов. Только в Европе наводнения в прибрежных районах, вызванные потеплением климата, рискуют привести к миграции около 5 млн человек к концу века. В Азии и океанических зонах эта цифра удесятенится.

Засуха в африканских странах уже вызвала локальные войны, опустошившие обширные территории, заставив жителей спасаться бегством или погибать. В результате голода, «спровоцированного исключительно деятельностью людей, мир оказался на грани самого драматичного гуманитарного кризиса со времен 1945 года, от которого пострадало более 20 млн человек», — заявил в начале 2017 года заместитель генерального секретаря ООН Стивен О'Брайен.

Нехватка питьевой воды и продовольствия, обостренная демографическим ростом, приводит к увеличению миграционных потоков, которые, в свою очередь, могут возбуждать межэтнические и религиозные конфликты. По мнению Сержа Тиссо, представителя ФАО (организации ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства), голод в Южном Судане был вызван «войной, разразившейся в декабре 2013 года». Подтверждая

его слова, Рони Броман, бывший руководитель организации «Врачи без границ», писал: «Сегодня умирают не от нехватки продовольствия, а от последствий войны».

Впечатление, что глобализация провоцирует психологический и культурный шок, усугубляется тем фактом, что в настоящей ее версии она воспринимается повсеместно как подчинение мира ускоренными темпами западному господству. Ультралиберальная форма неограниченного рынка усиливает социально-экономические разрывы внутри общества и подпитывает политические течения экстремистского и популистского толка.

Разумеется, энтузиасты «счастливой глобализации» будут напоминать, что всего несколько десятилетий планетарного триумфа рыночной экономики позволили избавиться от нищеты почти 1,5 млрд жителей бывшего «третьего мира». Однако они не замечают обратной стороны медали, поскольку, увеличивая разрыв между теми, кто выигрывает от этого процесса и теми, кто остался на обочине, неконтролируемая глобализация безразлична к социальной цене перемен и делает мир еще менее предсказуемым и нестабильным.

Модель, которая еще больше обогащает преуспевающих и обедняет неимущих в бедных странах и средний класс в странах богатых, производит новых отверженных. Благодаря интернету

неравенство стало отныне видимым повсюду на планете. В Африке южнее Сахары ее обитатели имеют более легкий доступ к мобильному телефону, чем к питьевой воде.

Модель, которая еще больше обогащает преуспевающих и обедняет неимущих в бедных странах и средний класс в странах богатых, производит новых отверженных. Благодаря интернету неравенство стало отныне видимым повсюду на планете.

При этом, вопреки обещаниям идеологов превращения мира в гигантский рынок, его экономическая униформизация не уменьшила риск возникновения конфликтов и войн. Напомним, что патриарх экономического либерализма Джон Стюарт Милль связывал с «миротворческой» миссией рыночной экономики столько же надежд, как Альфред Нобель со своим изобретением динамита: «Именно торговля быстро лишает войны смысла, усиливая и расширяя значение тех проблем, которые нельзя решить с ее помощью». Монтескье в своем трактате «О духе закона» имел в виду то же самое, защищая идею о том, что развитие торговли ведет к смягчению нравов.

Защитники либерализма утверждают, что рынок, способствуя росту среднего класса — основного защитника либеральной демократии, — влечет за собой многопартийность, выборы, гаранти-

рующие возможность смены власти и разделение властей. Автоматизм западной модели, выполняя все остальное, должен гарантировать стабильность и мир повсюду, где она прижилась. Однако это обещание не выполняется.

Даже торговля, в отличие от того, что о ней привыкли думать, не только не препятствует войнам, но и зачастую их провоцирует. Мировая история полна примерами коммерческих конфликтов, которые трансформировались в классические и даже мировые войны. Чтобы не ходить далеко, достаточно напомнить скорость эскалации экономического противостояния между Соединенными Штатами и Японией, которое привело к Перл-Харбору.

В течение нескольких столетий Западу удавалось представлять свою экономическую экспансию как цивилизационную миссию, а самого себя как воплощение непреложного хода Истории. Не только императивы прогресса и истории, но и самого Бога призывали, чтобы он благословлял крестовые походы западных корабейников.

Отмена таможенных барьеров для обеспечения свободного доступа западных торговцев к рынкам остальных стран планеты приобретала таким образом не только экономическое, но моральное и даже религиозное обоснование. Так произошло с осадой японских берегов в 1853–1854 годах американской флотилией под командованием адмирала Перри; или во время опиумных войн, начатых Англией против Китая,

для того чтобы обеспечить себе рынки сбыта опиума, производимого в Индии.

С поражением мирового коммунистического проекта глобализация, ставшая символом исторического триумфа Запада, стала официальной идеологией, сменившей грандиозные идеологические проекты, исчезнувшие вместе с XX веком. Однако достаточно быстро Запад, став жертвой собственного неожиданного успеха, обнаружил, что универсальность его модели подверглась серьезному испытанию.

Рыночная экономика в своем ультралиберальном варианте вместо того, чтобы вносить в мир социальную гармонию и примирять народы, усиливает противоречия внутри обществ и провоцирует конфликты на мировом уровне. У миллионов людей увеличение разрыва между сверхбогатыми и новыми бедными, рост коррупции, обрушение систем социального обеспечения вызывает чувство морального кризиса и ностальгию по утраченной стабильности.

Одновременно глобализация вывела на мировую арену новых экономических «тигров», вырвавшихся из клеток, сооруженных административной моделью и авторитарными режимами. Они еще более либеральны, чем их западные наставники. Новые рекруты ультралиберализма на Востоке не прошли школу протестантской этики, не обучались уважать «дух законов». Нетерпеливо пытаются нагнать вековое опоздание, навязанное им запад-

ными хозяевами, они с безразличием относятся к вопросам социальной ответственности и морали.

Новые рекруты ультралиберализма на Востоке не прошли школу протестантской этики, не обучались уважать «дух законов». Нетерпеливо пытаюсь нагнать вековое опоздание, навязанное им западными хозяевами, они с безразличием относятся к вопросам социальной ответственности и морали.

Политика разрушаемых национальных барьеров бумерангом ударяет по ее инициаторам. После десятилетий безоблачной глобализации распахнувшая свои двери Европа под давлением националистических и популистских течений вынуждена вернуться к драконовским правилам приема иммигрантов.

Приток иммигрантов из стран Ближнего Востока, спровоцированный новыми антитеррористическими «крестовыми походами» Запада, обрушил разрекламированную солидарность европейского общества по отношению к новым boat people¹.

¹ Boat people (*англ.*) — Люди в лодках. Так называли десятки тысяч эмигрантов из Южного Вьетнама, которые, спасаясь от прихода коммунистических властей после ухода американцев в 1975 году, бежали из страны на рыбацких джонках и прочих суденышках. — *Примеч. ред.*

В особенно острой форме это проявляется в странах Восточной Европы, где попытки руководства Евросоюза навязать им квоты на прием беженцев из Африки и с Ближнего Востока напоминают населению этих стран «уплотнение» жильцов в коммунальных квартирах советской эпохи. Венгрия, первая страна Варшавского пакта, поднявшая «железный занавес» на границе с Австрией в 1989 году, стала первой, построившей в 2016 году новые проволочные заграждения на границе с Сербией.

Но и страны «старой» демократии вынуждены пасовать перед популистами, обещающими защиту национальных границ с помощью авторитарных приемов. В январе этого же 2016 года парламент Дании, чтобы ограничить приток иммигрантов, проголосовал за принятие мер, позволяющих конфисковать деньги и драгоценности у беженцев для оплаты расходов на их прием.

Согласно обещаниям проповедников либерализма, в мире, глобализированном по западному стандарту, войны прекратятся естественным образом, поскольку «демократии не воюют между собой».

Увы, приходится констатировать, что и эта радужная перспектива столь же далека от реализации, как обещания «Манифеста Коммунистической партии». Действительно, в период холодной войны западные демократии, мобилизованные для подготовки отпора коммунизму, не воевали

между собой (за несколькими исключениями). Однако это вовсе не мешало им воевать с другими.

Конечно, речь шла об «оборонительных» акциях, часто проводимых далеко от национальных границ для «защиты» западного мира от террористической угрозы, что служило основанием использования войск, бомбардировщиков, авианосцев, дронов и т. д., а также оправдывало «побочные эффекты», то есть никогда не считавшиеся жертвы среди мирного населения.

Но и помимо ведения непосредственно военных действий принципы рыночной экономики никогда не мешали западным демократиям продавать оружие авторитарным режимам, позволяя им или поощряя их таким образом воевать от их имени. Такой способ ведения «войн по доверенности» имел свои преимущества: помимо извлечения прибыли от торговли оружием он позволял избегать военных потерь и использовать чужую территорию в качестве площадки для испытания и проверки новых видов оружия и делать рекламу для его будущих продаж.

Одним из примеров такой операции стало использование американской армией «матери всех бомб» — американской версии известной «Царь-бомбы» времен Хрущева (к счастью, не атомной), — весом в 10 тонн, с диаметром поражения в 1600 м, которая была сброшена в горах Тора-Бора в Афганистане. Парадокс испытания этого невиданного по силе оружия, которое бывший

президент Афганистана Хамид Карзай назвал преступлением, — состоял в том, что эта чудовищная бомба была разработана с целью разрушения туннелей, построенных талибанами на средства ЦРУ в период их войны с советской армией.

Экспорт демократии в мире не столь успешен, как торговля оружием. Вместо всемирного торжества западной версии демократии, даже в тех странах третьего мира, где с помощью западного вмешательства были устранены диктаторы типа Саддама Хусейна или Каддафи, на смену им пришли хаос и гражданские войны. Там же, где выборы и референдумы заменили путчи и военные перевороты эпохи холодной войны, они используются не для обеспечения демократической смены власти, а как способ увековечения правления одних и тех же кланов и авторитарных лидеров.

Таким образом, четверть века спустя после исчезновения своего коммунистического противника и победы в холодной войне, Запад оказался перед неутешительным итогом. Вместо послушного мира, выстроенного по его образу и подобию, которым легко управлять, он обнаружил враждебную и опасную реальность, открыто бросающую вызов его привилегированному статусу и роли правителя мировой истории. «Запад утратил монополию на управление Историей, которой располагал, начиная с XVI века», — писал Николя Баврез, обозреватель *Le Figaro*.

Согласно аналитикам Pricewaterhouse Coopers, новые угрозы международной безопасности связаны прежде всего с перераспределением сил в глобальной экономике. Зависимость мира от бывших «центров власти», таких как Соединенные Штаты, будет уменьшаться. Развивающиеся страны трансформируются в центры производства и потребления. К 2030 году только в одной Азии сосредоточится 66% среднего класса мира.

Мировые богатства и ресурсы принадлежат привилегированному меньшинству или находятся под его контролем. Мир, таким образом, окажется перед трудным выбором: либо научиться ими делиться, либо испытывать риск постоянных войн за их распределение (доступа к воде и источникам энергии) и за поддержание уровня жизни.

Однако мировые богатства и ресурсы принадлежат привилегированному меньшинству или находятся под его контролем. Мир, таким образом, окажется перед трудным выбором: либо научиться ими делиться, либо испытывать риск постоянных войн за их распределение (доступа к воде и источникам энергии) и за поддержание уровня жизни. Что же касается будущих войн, то методы их ведения, включая холодную войну, не будут пригодны даже для самых могущественных из их участников.

Парадокс мира постмодерна состоит таким образом в том, что он вернулся к многовековой традиции конфронтации националистов, соперничества суверенитетов и борьбы старых и новых империй за утверждение нового баланса сил. Однако в мире, где господствует логика «каждый за себя», война всех против всех становится, к несчастью, реалистичной гипотезой.

Конфликт цивилизаций, провозглашенный Хантингтоном, рискует принять форму не сдвигов или столкновения культурных или религиозных тектонических плит, а букета конфликтов большой или низкой интенсивности, разделительные линии которых пройдут не по океанам и государственным границам вестфальского мира, а внутри обществ и между поколениями.

Конфликт цивилизаций, провозглашенный Хантингтоном, рискует принять форму не сдвигов или столкновения культурных или религиозных тектонических плит, а букета конфликтов большой или низкой интенсивности, разделительные линии которых пройдут не по океанам и государственным границам вестфальского мира, а внутри обществ и между поколениями.

Новая необъявленная мировая война без правил, с невидимыми линиями фронта и замаски-

рованными участниками, не соблюдающими ни конвенций, ни международного права, рискует затянуться надолго. Она не подчиняется ни моральным правилам, ни простому здравому смыслу, ни божьему повелению, которым может обосновываться. Но при этом она несет в себе непредвиденные риски, способные вызвать планетарную катастрофу.

Как любая война всех против всех, она не только не заканчивается победой, но может уничтожить все человечество. Поскольку ее многочисленные участники — убежденные одни в необходимости сведения исторических счетов с пересмотром границ, другие в утверждении нового баланса сил, — рискуют пройти мимо истинных вызовов, которые создают угрозу для всего человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению недавно умершего британского астрофизика Стивена Хокинга, дни жизни человечества сочтены. Один из самых блестящих мировых ученых, он предостерегал о возможном исчезновении человечества через тысячу лет и считал, что катаклизм, который приведет к гибели Земли, спровоцируют сами люди, пожирающие ресурсы планеты в невероятном темпе.

Хокинга особенно беспокоил риск, связанный с изменениями климата, с возможностью ядерной войны или генетически модифицированным вирусом, который способен уничтожить нашу популяцию. «Человечество, ограниченное своей медленной биологической эволюцией, не может с этим справиться и исчезнет», — заявлял он в своем интервью *ВВС*.

Даже если перспектива исчезновения жизни на Земле — через тысячу лет — может показаться достаточно далекой, Хокинг не питал слишком больших надежд в отношении возможностей

человечества и особенно в способности политических руководителей избежать катастрофы.

Утверждая, что силы, развязанные современной технологией и экономикой, достаточны, чтобы разрушить среду обитания, т.е. материальную основу существования человека, Хокинг, в сущности, заимствовал тезис Альберта Эйнштейна, который еще на заре атомной эры утверждал, что «человечество отныне достигло в своем интеллектуальном развитии уровня, достаточного, чтобы разрушить мир, но не для того, чтобы его спасти».

Двигается ли наш мир, подобно находящемуся в сомнамбулическом состоянии лунатику, к новой катастрофе или глобальному конфликту, несмотря на то что всего лишь за одно столетие он пережил две мировые войны и 50 лет холодной? И по какой причине? Из-за накапливающихся ошибок политиков? Из-за врожденных и неуправляемых человеческих страстей? Или, может, из-за фатальности истории?

Хокинг советовал начать как можно скорее поиски убежища для человечества на другой планете. «Необходимо искать для себя пристанища во Вселенной, на других планетах, чтобы катастрофа на Земле не привела к гибели человеческого рода».

Словно для того, чтобы нас успокоить, астрофизики, находящиеся в постоянных поисках собратьев по разуму во Вселенной, недавно объявили об открытии трех планет, теоретически

обитаемых и располагающих всеми элементами — от атмосферы до воды, — необходимыми для возникновения жизни. Из порядка 4000 уже открытых экзопланет эта пропорция вполне приемлема.

Однако никто еще не задался главным вопросом: идет ли речь о гостеприимных планетах, которым до сих пор не удалось породить свою собственную цивилизацию? Или, напротив, это мертвые планеты, обитатели которых попросту опередили нас в гонке саморазрушения и оставили после себя лишь красные пустыни и следы бывших цивилизаций, которые не смогли сдержать свою тягу к самоубийству? К тому же, кто нам гарантирует, что, оказавшись на другом краю Вселенной, наша собственная цивилизация поведет себя более мудро и ответственно, после того как она разрушила свой дом на Земле?

Не достигли ли мы уже лимита в гонке саморазрушения, которая подпитывает наши отношения с природой и окружающей средой, а также управление отношениями между людьми? И если можно рассчитывать, что точка невозврата в уничтожении цивилизации еще не пройдена, что надо сделать, чтобы ее не пройти? Не стоит ли поразмышлять о том, чтобы найти средства защитить Землю от опасности, которую представляет для нее и для самого себя род человеческий?

...В сентябре 2015 года российские самолетостроители, многие годы не производившие ниче-

го нового, объявили о выпуске новой модели самолета Ильюшина «Ил-80». Названный «Судным днем», он имитировал последний «Боинг-747» Air Force-1, американский президентский самолет.

Задуманный как мобильный командный пост, Air Force-1 способен вместить главных гражданских и военных руководителей США и отдать с воздуха приказ о запуске ядерных ракет «удара возмездия», размещенных на подводных лодках или в космическом пространстве.

Газета *Washington Post*, опубликовавшая эту информацию, рассказала, что военные специалисты проводили опыты, чтобы установить «будут ли способны пилоты стратегических бомбардировщиков Б-52, подвергнувшиеся радиации после попадания в радиоактивное облако, довести до конца свою миссию, то есть сбросить атомные бомбы на Москву и Новосибирск». Для решения этой проблемы они проводили опыты на макаках, привязанных к креслу пилота и подвергнутых сильным дозам радиации.

Даже не пытаясь соперничать с экспертами, можно вообразить себе сценарий в духе фильма Стэнли Кубрика. Два суперсовременных русских и американских самолета (под управлением макак?) летят в воздушном пространстве; на их борту руководители двух стран обозревают с высоты руины, в которых покоятся останки миллиардов людей и обломки цивилизаций, которые они не сумели защитить от уничтожения.

Если к тому же эти самолеты будут снабжены двигателями, работающими на солнечной энергии, как, например, те, которые использовали швейцарские инженеры, создавшие знаменитый самолет Solar Impulse, облетевший земной шар без дозаправки, эти два летающих генштаба смогли бы теоретически оставаться в воздухе бесконечно долго вместе с сидящими в кабинах скелетами давно умерших вождей, продолжая свой облет когда-то обитаемой планеты.

*Москва–Париж,
2017–2022 гг.*

ХРОНОЛОГИЯ

- 1938, 30 сентября** — Мюнхенские договоренности по разделу Чехословакии, заключенные Гитлером, Чемберленом и Даладье.
- 1939, 23 августа** — подписание пакта Молотова–Риббентропа.
- 1939, 1 сентября** — Германия вторглась в Польшу. Начало Второй мировой войны. Основные военные действия в течение 6 лет ведутся в Европе, Африке, Азии, в Атлантическом, Тихом и Северном Ледовитом океанах. В войне участвует 62 государства с населением около 2 млрд человек. От военных действий, казней, голода и болезней погибло более 25 млн военных и более 47 млн мирных жителей. Десятки миллионов человек получили ранения и стали инвалидами. Основные человеческие потери понесли СССР, Китай, Германия, Польша.
- 1939, 3 сентября** — Британия, Франция, Австралия и Новая Зеландия объявляют войну Германии.
- 1939, 30 ноября** — Советский Союз начинает войну против Финляндии (декабрь 1939–март 1940).
- 1940, лето** — поражение Франции в войне с Германией.
- 1941, 22 июня** — Германия и ее союзники вторгаются в СССР, начало Великой Отечественной войны.
- 1944, 10 октября** — встреча Сталина и Черчилля в Кремле, согласование зон влияния СССР и Запада

- в Восточной Европе и на Балканах после окончания войны.
- 1945, 4–11 февраля** — встреча лидеров трех стран антигитлеровской коалиции (Сталина, Черчилля, Рузвельта), посвященная установлению послевоенного мирового порядка (Ялтинская конференция).
- 1945, май** — поражение Германии и ее союзников в Европе.
- 1945, сентябрь** — поражение Японии.
- 1945, лето-осень** — создание Организации Объединенных Наций (ООН).
- 1946, 9 февраля** — выступление Сталина на встрече с избирателями, где он призывает готовиться к неизбежному конфликту с капиталистическими странами.
- 1946, 5 марта** — бывший премьер-министр Уинстон Черчилль произносит в США речь «Извилистые дороги мира» (Фултонская речь).
- 1947, 12 марта** — президент США Гарри Трумэн выдвинул внешнеполитическую программу сдерживания СССР («доктрина Трумэна»). Гарри Трумэн обвинил Сталина (без упоминания его имени) в стремлении навязать, подобно нацистам, свободным народам «путем прямой или косвенной агрессии» установление тоталитарных режимов.
- 1947, 5 июня** — государственный секретарь США Джордж Маршалл предложил план послевоенного восстановления Европы («план Маршалла»). Вскоре Сталин после некоторых колебаний объявил об отказе СССР от участия в «плане Маршалла».
- 1947, сентябрь** — доклад Андрея Жданова «О международной ситуации» в Польше на конференции представителей девяти коммунистических партий

- стран Восточной Европы, Франции и Италии («доктрина Жданова»).
- 1948, 21 июня** — начало первого Берлинского кризиса (1948–1949). Блокада Западного Берлина.
- 1948, март** — компартия Югославии исключена из Коминформа.
- 1949, 4 апреля** — подписан Североатлантический договор между США, Великобританией, Францией, Канадой, Бельгией, Данией, Исландией, Италией, Люксембургом, Норвегией, Нидерландами, Португалией послуживший основой для создания военно-политического союза НАТО.
- 1949, 5 мая** — официальное провозглашение Федеративной Республики Германии.
- 1949, 29 августа** — испытание первой атомной бомбы в СССР — РДС-1.
- 1949, 1 октября** — образована Китайская Народная Республика. Победа коммунистов во главе с Мао Цзэдуном.
- 1949, 7 октября** — Образование Германской Демократической Республики (ГДР).
- 1950, 25 июня** — Северокорейские войска пересекли 38-ю параллель и вторглись на территорию Южной Кореи. Начало Корейской войны (1950–1953 гг.). 30 июня Трумэн дал приказ американским войскам, базировавшимся в Японии, высадиться на Корейском полуострове.
- 1952, 3 октября** — первое ядерное испытание Великобритании, ставшей третьей после США и СССР державой, обладавшей ядерным оружием.
- 1953, 5 марта** — смерть И. В. Сталина.
- 1953, 27 июля** — перемирие в Корейской войне.
- 1955, 17 мая** — основание Организации Варшавского Договора (1955–1991 гг.).

- 1956, октябрь** — советские войска подавили восстание в Будапеште.
- 1956** — Египет национализировал Суэцкий канал. Израиль при поддержке Франции и Великобритании вторгся в Египет. (Суэцкий кризис).
- 1957, 4 октября** — запуск первого в мире искусственного спутника Земли (СССР).
- 1958, 1 февраля** — запуск Эксплорер 1, первого американского спутника.
- 1959, 1 января** — повстанцы Фиделя Кастро захватили Гавану.
- 1960, 13 февраля** — первое ядерное испытание Франции.
- 1960, 1 мая** — в небе над СССР, сбит американский самолет-разведчик U-2 с Ф. Г. Пауэрсом на борту.
- 1961, 12 апреля** — полет Юрия Гагарина в космос.
- 1961, 13 августа** — возведена Берлинская стена.
- 1961, сентябрь** — в Белграде (Югославия) официально провозглашено о создании Движения неприсоединения.
- 1962, октябрь** — Карибский (Кубинский) ракетный кризис, во время которого между СССР и США мог начаться вооруженный конфликт с применением ядерного оружия.
- 1963, 23 ноября** — президента США Джона Кеннеди застрелили в Далласе.
- 1964, лето** — начало масштабных военных операций армии США во Вьетнаме.
- 1964, октябрь** — Китай провел первое ядерное испытание.
- 1966, февраль** — выход Франции из блока НАТО. Перевод штаб-квартиры Альянса из Парижа в Брюссель.
- 1966, 17 января** — американский бомбардировщик В-52 в результате авиакатастрофы потерял 4 во-

- дородные бомбы над заливом Паломарес в Испании.
- 1968** – Пражская весна, ввод войск Организации Варшавского договора в Чехословакию (21 августа).
- 1968, лето** – подписан Договор о нераспространении ядерного оружия.
- 1969, март** – бои между советскими и китайскими войсками из-за территориального конфликта на острове Даманский на реке Уссури.
- 1972, май** – Брежнев и Никсон встретились в Москве, чтобы заключить перемирие в холодной войне. Подписание соглашения ОСВ-I об ограничении стратегических вооружений сроком на 5 лет и бессрочного договора по ПРО (противоракетной обороне).
- 1974** – в США вводится поправка Джексона-Вэника, ограничивающая торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека.
- 1974, ноябрь** – стратегическая подлодка военного флота США, имевшая на борту 160 ядерных боеголовок, столкнулась с советской подлодкой недалеко от американской базы в Шотландии.
- 1975, 30 апреля** – завершение войны во Вьетнаме. Вывод войск США из Вьетнама.
- 1978–1979** – Исламская революция в Иране.
- 1979, 12 декабря** – решение Политбюро ЦК КПСС о направлении в Афганистан «ограниченного военного контингента по просьбе правительства Кабула». Страны НАТО одобрили решение о развертывании в Западной Европе американских ракет с ядерными боеголовками.
- 1979, 25 декабря** – ввод советских войск в Афганистан. Начало Афганской войны (1979–1989).

- 1980–1988** – Ирано-иракская война.
- 1983, 8 марта** – Рональд Рейган объявил СССР «Империей Зла».
- 1983, 26 сентября** – подполковник советской армии Станислав Петров предотвратил запуск ядерных ракет на основе ошибочного сигнала об ядерной атаке против СССР.
- 1983, октябрь** – Вторжение США на Гренаду.
- 1983, ноябрь** – масштабные маневры войск НАТО Эйбл Арчер-83, в ходе которых имитировалось использование ядерного оружия против СССР, в Москве восприняли как возможное прикрытие внезапного ядерного удара.
- 1985, март** – избрание М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС.
- 1988, 7 декабря** – в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН Михаил Горбачев объявил о фактическом отказе от «доктрины Брежнева».
- 1989, 15 февраля** – окончание вывода советских войск из Афганистана.
- 1989, 9 ноября** – падение Берлинской стены.
- 1989–1990** – падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы.
- 1990, 2 августа** – армия Ирака вторглась в Кувейт.
- 1990, 21 ноября** – в Париже подписана Парижская хартия для новой Европы.
- 1990, 29 ноября** – представители Советского Союза и США в Совете Безопасности ООН вместе проголосовали за резолюцию, которая предусматривала возможное применение силы, для того чтобы заставить иракского президента Саддама Хусейна эвакуировать его войска, оккупировавшие Кувейт.
- 1990–1994** – вывод Западной группы советских/росийских войск из Восточной Германии.

- 1991–2001** – серия гражданских войн, этнических и религиозных конфликтов в Югославии.
- 1991, 19–21 августа** – путч ГКЧП – попытка государственного переворота в СССР.
- 1991, 21 декабря** – главы 11 союзных республик в Алма-Ате приняли решение о прекращении существования СССР.
- 1991, 25 декабря** – Михаил Горбачев объявил о прекращении своей деятельности на посту Президента СССР.
- 1999, весна-лето** – военные операции стран НАТО против Сербии, в том числе бомбардировки военных и гражданских объектов, из-за конфликта в Косово.
- 2001, 11 сентября** – в США террористическая атака, спланированная лидером Аль-Каиды* Бен Ладеном, унесла три тысячи жизней и оставила после себя тысячи раненых.
- 2001, 25 сентября** – выступление президента России Владимира Путина в Бундестаге. Путин высказал намерение окончательно и бесповоротно присоединить новую Россию к Европе.
- 2003, 20 марта** – вторжение США и союзников в Ирак с целью свержения Саддама Хусейна. Гражданская война в Ираке (2003–2011).
- 2003, ноябрь** – «Революция роз» в Грузии.
- 2004, ноябрь** – «Оранжевая революция» на Украине.
- 2005, март** – «Революции тюльпанов» в Киргизии.
- 2007, 10 февраля** – речь президента России Владимира Путина в Мюнхене на конференции по безопасности. Путин заявил: «Нам хотят навязать новые линии демаркации и новые стены...»
- 2008** – военный конфликт между Россией и Грузией в Южной Осетии.

- 2010, декабрь** — начало «Арабской весны», серии восстаний и гражданских войн в странах Ближнего Востока и Северной Африки.
- 2013–2019** — военные конфликты на территории непризнанного Исламского государства (ИГИЛ*).
- 2014** — Политический кризис в Украине. Навязанная уличными демонстрациями отставка президента Януковича и смена власти в стране. Присоединение Крыма к России. Поддержка Москвой самопровозглашенных республик в Донбассе.
- 2014–2015** — заключение серии соглашений с целью прекращения военных действий и урегулирования в Донбассе (Минские соглашения).
- 2022, 24 февраля** — объявление президентом России Владимиром Путиным «Специальной военной операции» в Украине в качестве «вынужденного ответа» на угрозу интересам безопасности России.
- 2022, июнь** — директор Стокгольмского международного института исследования проблем мира Дэн Смит заявил, что риск применения ядерного оружия достиг пика со времен холодной войны.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Серафимович Грачев родился в Москве в июле 1941 через две недели после нападения на СССР гитлеровской Германии.

Интерес к событиям в мире и международным отношениям у него, как и многих его сверстников, пробудил состоявшийся в Москве в годы хрущевской «оттепели» вскоре после XX съезда КПСС Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

После окончания 1-й московской спецшколы с углубленным изучением английского языка он поступил на восточное отделение МГИМО и изучал вьетнамский и французский языки. Отклонив предложение о распределении в МИД, А. С. Грачев выбрал профессию журналиста и работал литсотрудником в международном отделе «Комсомольской правды», вскоре получив приглашение перейти в Комитет молодежных организаций СССР.

В 1966 году был направлен советским представителем в редакцию международного журнала «Молодежь мира», издававшегося в Будапеште

Всемирной федерацией демократической молодежи.

После возвращения из Будапешта стал заместителем председателя Комитета молодежных организаций, а затем был приглашен на работу в Международный отдел ЦК КПСС. В качестве консультанта, а впоследствии заместителя заведующего отделом вошел в состав команды советников нового Генсека КПСС М. С. Горбачева и принимал участие в выработке концепции Нового политического мышления и основных внешнеполитических инициатив СССР в 1985–1991 гг.

Сопровождал М. С. Горбачева в его зарубежных поездках и присутствовал на его встречах с Рональдом Рейганом, Джорджем Бушем, Франсуа Миттераном и Маргарет Тэтчер. После августовского путча 1991 года стал помощником и пресс-секретарем Горбачева. 25 декабря 1991 года в этом качестве объявил советским и иностранным журналистам об уходе М. С. Горбачева с поста Президента в связи с роспуском СССР.

После отставки А. С. Грачев вернулся к журналистике и преподавательской работе. Выступал в прессе и по телевидению, работал обозревателем в газете «Московские новости» и журнале «Новое время». Читал курсы лекций в университетах в Оксфорде, Сорбонне, Киото, Барселоне. Написанные им книги изданы в России, Франции, США, Испании, Китае, Великобритании. В настоящее время живет и работает в Париже.